П. В. Мультатули

"Дай Бог, только не втянуться в войну!"

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ПРЕДВОЕННЫЙ КРИЗИС 1914 ГОДА

ФАКТЫ ПРОТИВ МИФОВ

Российский институт стратегических исследований

П. В. Мультатули

«Дай Бог, только не втянуться в войну!»

Император Николай II и предвоенный кризис 1914 года

Факты против мифов

Москва
2014

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)523
М 90

Научные рецензенты:

А. Н. Боханов, д-р ист. наук
Д. М. Володихин, д-р ист. наук

Мультатули П. В.
М 90 "Дай Бог, только не втянуться в войну!". Император Николай II и предвоенный кризис 1914 года. Факты против мифов / П. В. Мультатули ; Рос. ин-т стратег. исслед. – М. : РИСИ, 2014. – 252 с.
ISBN 978-5-7893-0208-8

Главной целью внешней политики Императора Николая II на протяжении всего его царствования было стремление не допустить втягивания России в европейскую войну, одновременно сохраняя её значение как ведущей мировой державы. Наиболее ярко это стремление проявилась в предвоенной ситуации лета 1914 г., когда Вильгельм II и его клика в буквальном смысле слова навязали России войну. В 1914 речь шла не о каких-то мифических "империалистических" интересах Петербурга, а о вопросе жизни и смерти Российского государства.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)523

ISBN 978-5-7893-0208-8

© Российский институт стратегических исследований, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Часть 1. Император Николай II: "Избегать всего, что может привести к войне..." 21

Глава 1. Миролюбие русской внешней политики. Миф об "империалистической" политике самодержавия 23

Глава 2. Император Николай II и франко-русский союз. Миф о неравноправном положении России и о финансовом её закабалении французскими банками 41

Глава 3. Причины сближения России с Англией. Миф о зависимости русской внешней политики от Лондона. "Записка Дурново": правда и вымыслы 58

Глава 4. Император Николай II и Балканский союз. Миф об "империалистической" политике самодержавия на Балканах 78

Глава 5. Император Николай II и кайзеровская Германия. Миф о "братском" Втором рейхе 89

Глава 6. Подготовка кайзеровской Германией "превентивной" войны против России 138

Часть 2. Император Николай II и летний кризис 1914 г. 157

Глава 1. Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в свете подготовки Веной и Берлином войны против Сербии и России 159

Глава 2. Германия и Австро-Венгрия развязывают мировую войну 184

Глава 3. Император Николай II и предвоенный кризис 1914 г. 196

Глава 4. Образование антигерманской коалиции трёх держав: сложности и противоречия 218

Послесловие 225

Использованные источники и литература 237

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена политике императора Николая II по предотвращению мировой войны. По существу, стремление избежать втягивания России в европейскую войну, одновременно сохраняя её значение как ведущей мировой державы, было главной целью внешней политики последнего Государя на протяжении всего его царствования. Наиболее ярко это стремление проявилось в предвоенной ситуации июня – августа 1914 г. Миротворческая роль Николая II долгие годы была искажена и оболгана в советской исторической науке, не говоря уже об общественном сознании. Если о миролюбивых инициативах царя и упоминали, то непременно вскользь и в контексте ленинско-сталинских мифов. Конечно, нельзя при этом забывать определённый вклад в изучение причин начала Первой мировой войны, который внесли такие историки советского периода, как академик Ю. А. Писарев, д-р ист. наук В. И. Бовыкин, д-р ист. наук А. Ф. Остальцева и др. Однако и их работы не были свободны от большевистских идеологических догм и установок, а то и прямого искажения фактов. Одна из задач первой части настоящего труда – показать несостоятельность этих мифов, их идеологическую заданность. К прискорбию, мифологизация роли Николая II, как и вообще причин вступления России в Первую мировую войну, заложенная большевиками, продолжает в целом главенствовать и в наши дни. В этом плане нельзя не согласиться с канд. ист. наук О. В. Айрапетовым, когда он пишет, что советская историческая традиция страдала "*отрицанием права русского государства на собственные внешнеполитические интересы и терминологическим манихейством в границах понятий „русское“ и „царское“, где одно противопоставлялось другому. После 1991 года к этому наследию 1917-го года добавился ещё и термин „российское“, противопоставленный первым двум, и особенно первому*"[1].

Одним из главных плодов большевистской мифологии является определение войны 1914–1917 гг., которую вела Российская империя против германских, австро-венгерских и османских агрессоров, как "империалистической". Для начала надо определиться

---

[1] *Айрапетов О. В.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914) / О. В. Айрапетов. М. : Европа, 2006. С. 4.

с самим термином "империализм", который в современной науке трактуется следующим образом: "*Государственная политика, направленная на завоевание территорий, колоний, установление политического или экономического контроля над другими государствами*"[2]. Очевидно, что это определение никак не подходит к внешней политике Российской империи в конце XIX – начале XX вв., так как она не только не стремилась к захвату колоний и контролю над другими государствами, но, наоборот, всячески поддерживала их суверенитет и свободу. Об этом свидетельствует помощь России таким странам, как Абиссиния, Таиланд, Корея, Китай в деле предотвращения колонизации их европейскими державами и Японией. Конечно, Россия, как любое великое государство, имела свои геополитические интересы, но они не имели ничего общего с агрессией и захватом чужих территорий, т.е. с политикой пресловутого "империализма". Изучение внешней политики Российской империи конца XIX – начала XX вв. полностью опровергает ложь о её "империалистических" устремлениях. Наоборот, можно с уверенностью говорить о том, что самодержавная Россия являлась самым "не империалистическим" государством, а самодержец был готов отказываться от самых заманчивых геополитических возможностей перед опасностью большой войны. В первую очередь это объясняется православной основой личности императора Николая II и той ответственностью перед Богом, которую он нёс за Россию. Генерал С. Д. Позднышев хорошо понял эту духовную сторону личности самодержца: "*Судьба поставила Государя во главе огромной Империи. На своё служение он смотрел, прежде всего, с религиозной точки зрения, как истинный сын Православной Церкви. До высоты и глубины этой мистики – нам не подняться и не понять её величайшего значения. Не по внешней только форме, но по духу – он был Помазанник Божий*"[3].

---

[2] Политическая наука: Словарь-справочник / сост. д-р полит. наук, проф. И. И. Санжаревский. Тамбов, 2014. Лженаучное и крайне политизированное ленинское определение империализма, как "монополистического капитализма, высшей и последней стадии развития капитализма, кануна социалистической революции" всерьёз рассматривать не приходится, так как оно давно опровергнуто ходом истории.

[3] Цит. по: *Апрелева В. А.* Государь Император Николай II в мировоззрении и деятельности русской военной эмиграции во Франции / В. А. Апрелева. Гренобль ; Тюмень, 2011. С. 242.

Эти духовные мотивы, которые двигали Государем и во многом определяли его политику, сознательно или по духовному невежеству не учитывают многие исследователи. Как верно отмечает канд. ист. наук генерал-лейтенант Л. П. Решетников: "*Современные исследователи, которые находятся вне поля православного мировоззрения, часто не в состоянии правильно проанализировать и объяснить те или иные решения и поступки руководителей исторической России, так как они исходили полностью или в значительной степени из православного мировоззрения. Поэтому так нередки утверждения об ошибках, влиянии жён, детей, других родственников, а также знакомых, на худой конец, о наивном идеализме, перерастающем в романтические мечтания. Соединив все это с "империалистическими" стремлениями России, получаем примитивную схему объяснений, почему русские совершали такие шаги на международной арене, которые заведомо выглядели как невыгодные или грозящие негативными последствиями*"[4].

Между тем лживый миф об "империалистической" войне был создан большевиками для оправдания своей изменнической деятельности в военные годы и легитимации незаконно захваченной власти. Когда с началом войны, на заседании Государственной думы 26 июля (8 августа) 1914 г., все остальные фракции провозгласили "народное единство" перед лицом военной опасности, призвав сплотиться вокруг царя, представители социал-демократии (большевики и меньшевики) заняли совершенно иную позицию. В принятой социал-демократами декларации выражалась уверенность в том, что международный пролетариат "*найдёт средства к прекращению войны*", намекая тем самым на насильственное изменение существующего государственного строя[5]. Думская фракция большевиков отказалась голосовать за военные кредиты, её депутаты вели пораженческую агитацию, требовали продолжения борьбы против правительства даже во время войны, призывали превратить её из "империалистической" в гражданскую. В ноябре 1914 г. члены фракции были арестованы за государственную измену и приговорены судом к лишению всех прав состояния и вечной ссылке на поселение в Туруханский край.

---

[4] *Решетников Л. П.* Вступление России в Великую войну / Л. П. Решетников // Москва : журн. 2013. Июль.

[5] Большевистская фракция IV Государственной думы. М. : ОГИЗ, 1938. С. 609.

В октябре 1917 г., когда большевики захватили власть в России, одним из первых законодательных актов стал так называемый "Декрет о мире". В нём, по существу, открыто признавалось, что великая война велась самодержавием в интересах русского народа и что большевики отвергают эти интересы. Так, касаясь секретных договоров, которые заключало императорское правительство накануне и во время войны, "декрет" заявлял: "*Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, Правительство объявляет безусловно и немедленно отменённым*"[6].

Ленин ещё осенью 1914 г. заявил, что "*превращение империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг*"[7]. Согласно лидеру большевизма, желать поражение "царизму" было долгом и обязанностью каждого революционера. "*Революционный класс в реакционной войне,* – писал Ленин, – *не может не желать поражения своему правительству. Это аксиома*"[8].

С точки зрения уголовного законодательства любого государства, да и с точки зрения морально-нравственной, такая "аксиома" является формой государственной измены. Таковой же являлась и большевистская практика, когда в марте 1918 г. по условиям Брестского мира Лениным и Троцким была отдана Германии территория площадью 780 тыс. кв. км, с населением 56 млн человек (треть населения Российской империи). По Дополнительному соглашению, подписанному в Берлине через "Дойчебанк" Мендельсона, большевиками в Германию было отправлено в счёт репараций 2,5 млрд золотых рублей по курсу 1913 г., вывезено 2 млн пудов сахара, 9132 вагона хлеба, 2 млн пудов льноволокна, 1218 вагонов мяса, 294 вагона пушнины[9].

---

[6] Декреты Советской власти : Сб. док. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории АН СССР. М., 1957. Т. 1.

[7] *Ленин В. И.* Война и российская социал-демократия / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1973. Т. 26. С. 22.

[8] *Ленин В. И.* О поражении своего правительства в империалистической войне / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1973. Т. 26. С. 286.

[9] *Уткин А. И.* Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне / А. И. Уткин. Смоленск : Русич, 2000. С. 122.

Большевистско-советский режим до самого своего бесславного краха делал всё, чтобы опорочить, очернить характер и цели самодержавной России в Первой мировой войне, стереть саму память о ней, вбивая в сознание народа понятие "империалистической". При этом особую, а то и главную роль в развязывании войны большевики возлагали на Россию. Лев Троцкий писал: "*Русский империализм, непосредственно контрреволюционный характер которого был несомненен для всех русских социал-демократов, сыграл виднейшую роль в подготовке нынешней войны*"[10].

В конце 1919 г. через академика М. Н. Покровского в Веймарскую Германию была осуществлена передача секретных договоров, которые Российское императорское правительство заключало с другими государствами. В условиях Версальской конференции, ставившей своей целью осуждение Германии как главного виновника войны, что не могло не повлечь за собой для неё значительных территориальных и политических потерь, немцам было крайне необходимо спихнуть с себя вину за развязывание мировой бойни. Они стремились представить дело таким образом, что Германия, лишь по досадному недоразумению, оказалась в стане врагов Англии и Франции, хотя их общим врагом являлась царская Россия. В этом большую помощь Веймарскому режиму оказали большевики. Получив из Москвы дипломатическую корреспонденцию и секретные договоры бывшего императорского правительства, немцы составили из них отдельное издание, направив его на французском языке непосредственно президенту Раймону Пуанкаре. Издание это носило крайне ограниченный характер, не имело выходных данных и имело весьма красноречивое название: "*Замечания германской делегации по докладу правительственных комиссий союзников по поводу ответственности виновников войны*". Нетрудно догадаться, что этим "главным виновником" объявлялось русское самодержавие. "*Царизм, всякий реальный союз с которым был невозможен, представлял собой систему наиболее чудовищного рабства людей и народов. Германский народ как один человек вступил в 1914 году в войну лишь потому, что он воспринимал её как оборонительную войну против царизма, точно такой же провозгласила её, между*

[10] *Троцкий Л.* Сочинения / Л. Троцкий. М. ; Л., 1927. Т. 9.

прочим, социал-демократия всего мира. В тот день, когда главная цель уничтожения царизма была выполнена, эта война потеряла всякий свой смысл"[11].

Примечательно, что сборник заканчивался статьёй Покровского, в которой он был фактически солидарен с немецкими утверждениями, хотя и говорит о виновности всех "империалистов" в разжигании войны.

Таким образом, усилиями большевистской пропаганды вместо героического противостояния России натиску крупнейших государств Европы, сопряжённого с огромными усилиями, великими победами и крупномасштабными геополитическими перспективами, в народном и общественном сознании утвердилось мнение о "преступной" и "ненужной войне".

В связи с этим поразительно живучим остаётся миф о том, что "царизм", вступая в войну, стремился во что бы то ни стало захватить Черноморские проливы, жизненно необходимые для "русской буржуазии". Разумеется, схоластическое мышление советской историографии не хотело, да и не могло подняться до истинного осмысления роли Черноморских проливов и Константинополя для России, понять, что помимо геополитического и экономического значения, обладание Царьградом, Вторым Римом имело для русских огромный духовный смысл. В конце 1914 г. газета "Церковный вестник" писала: "*Царьград – это колыбель нашего христианства, великий учитель веры славянских народов. Царьград – это наследие Константина, завещанное русскому Мономаху и идейно преданное короне московской. Царьград – это узел русского прошлого и ключ к русскому национальному будущему*"[12]. Известный общественный деятель Р. Д. Стрельцов точно определял и другое важное значение проливов: "*Господство над Босфором и Дарданеллами не только открывает двери на влияние в бассейне Чёрного и Средиземного морей, но и является источником преобладания над Балканским миром и Передней Азией, в судьбе которых Россия заинтересована*"[13].

---

[11] Rémarques de la délégation allemande au suget du rapport de la commission des gouvernements alliés et associés sur les ressponsabilités des auteurs de la guerre. S. a. P. 13.

[12] *Дурылин С.* Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании / С. Дурылин. М., 1915. С. 15.

[13] *Стрельцов Р.* Россия, Царьград и Проливы / Р. Стрельцов. СПб., 1915. С. 82.

Однако всё это говорилось после начала войны. В августе же 1914 г. Россия никак не могла планировать захват проливов, так как Османская империя вступила в войну на стороне германского блока лишь в конце октября того же года. При этом Россия прилагала немало усилий, для того чтобы не допустить вступления Стамбула в войну, отлично понимая всю опасность для себя возникновения нового фронта. Более того, вплоть до самого нападения османско-германского флота на российское побережье, русская дипломатия вела упорную работу с целью убедить младотурецкое правительство выступить против германского блока на стороне Антанты. Взамен этого Петербург гарантировал полную территориальную неприкосновенность Османской империи, а значит, вопрос о проливах и Константинополе автоматически снимался с повестки дня[14]. Как писал уже нами упоминаемый Р. Стрельцов: "*Как бы ни была соблазнительна идея завоевания и присоединения этого овеянного романтикой города* [Константинополя], *необходимо помнить, что всякое приобретение ценно лишь постольку, поскольку сумма неизбежных жертв не превысит сумму приносимого им блага*"[15]. О. В. Айрапетов отмечает, что ещё в сентябре 1914 г. во время Восточно-Прусской операции "*про Константинополь никто не думал*"[16].

Конечно, в Главном морском штабе (ГМШ) Российской империи ещё со времён императора Александра II существовало несколько проектов и записок по поводу необходимости и возможности высадки на Босфоре[17], но это были именно проекты, которые обязан иметь любой Генштаб любого государства на случай войны. Реально же подготовка к Босфорской операции началась по приказу Николая II лишь во второй половине 1916 г.

Ещё одним мифом является обвинение царя в том, он "ввязался" в "ненужную" России Первую мировую войну. Нелепость этого утверждения доказывается в первую очередь тем, что не Россия

---

[14] *Мультатули П. В.* Внешняя политика Императора Николая II. 1894–1917. М. : ФИВ : Рос. ин-т стратег. исслед., 2012. С. 691.
[15] *Стрельцов Р.* Указ. соч. С. VI.
[16] *Айрапетов О. В.* Указ. соч. С. 609.
[17] Подробнее см.: *Мультатули П. В.* "Господь да благословит решение мое…" Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов / П. В. Мультатули. М. : Форум, 2007. С. 194–195.

объявила войну Германии и Австро-Венгрии, а, наоборот, Германия 19 июля (1 августа) 1914 г. и Австро-Венгрия 24 июля (6 августа) 1914 г. объявили войну России. Генерал А. И. Деникин свидетельствовал: "*Войны не хотели, <…> верили, что Власть примет все возможные меры к предотвращению столкновения; мало-помалу, однако, приходили к сознанию роковой неизбежности его; поводы были чужды какой-либо агрессивности или заинтересованности с нашей стороны, вызывали искреннее сочувствие к слабым, угнетаемым, находились в полном соответствии с традиционной ролью России. Наконец, не мы, а на нас подняли меч…*"[18]

Обвинять Николая II в войне с Германией также нелепо, как Александра I в войне с Наполеоном, а Сталина в войне с Гитлером. Тем не менее у академика Ю. А. Писарева мы можем встретиться с прямой фальсификацией: "*Россия оказалась втянутой в мировую войну логикой событий, что никоим образом не снимает с царизма ответственности за её возникновение. Мало того, что царизм совершил двойное преступление: он не только вступил в кровавую схватку, которая ни в малейшей степени не могла быть оправдана защитой национальных интересов, самодержавие начало войну не подготовившись к ней, что дорого обошлось народам России: на войне сложили головы 5 млн человек – столько погибло на всех фронтах и во всех странах вместе взятых*"[19]. После этих строк о какой честности и порядочности советской историографии в вопросах Первой мировой войны можно всерьёз говорить? Писарев не мог не знать из трудов советских же историков, что потери России (включая период Временного правительства) убитыми и ранеными были вовсе не 5 млн человек, а 1 800 000[20]. По справедливому мнению историка К. А. Залесского, эта цифра завышена примерно на 300 000 человек[21]. По сведениям русского Генерального штаба,

[18] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 г. М. : Наука, 1991. Т. 1. С. 87.

[19] *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. / Ю. А. Писарев. М. : Наука, 1990. С. 110.

[20] *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (Историко-статистическое исследование). М. : Соцэкгиз, 1960. С. 178.

[21] Первая мировая война. Историографические мифы и историческая память : в 3 кн. / под ред. д-ра ист. наук О. В. Петровской. М. : Рос. ин-т стратег. исслед., 2014.

потери убитыми в русской армии на май 1917 г. составили 908 000 человек. По расчётам же русского генерала Н. Н. Головина, произведённых в эмиграции, о которых тоже наверняка знал Ю. А. Писарев, потери убитыми и ранеными составили 1 300 000 человек[22]. При этом потери Франции равнялись 1 398 000 человек, Германии – 2 036 897 человек, Австро-Венгрии – 1 500 000 человек[23], что уже намного превышает выдуманную Писаревым цифру русских потерь. Кроме того, Ю. А. Писареву, как современнику кровавого лета 1941 г., Белостокско-Минского, Киевского, Вязьменского котлов, оставления огромных территорий Европейской России, блокады Ленинграда, осады Москвы, должно же быть как-то неловко писать о военной "неподготовленности царизма".

Ещё один весьма распространённый миф заключается в том, что Николай II вступил в войну исключительно из-за "благородного рыцарства" в отношении Сербии, пренебрёгши русскими национальными интересами. Одним из первых об этом цинично заявил С. Ю. Витте в 1914 г. в разговоре с французским послом Морисом Палеологом: "*Ради чего воевать России? Ради сохранения престижа на Балканах, священного долга помочь братьям по крови? Это романтическая старомодная химера. Никому, во всяком случае, ни одному мыслящему человеку нет никакого дела до этого буйного и тщеславного балканского народа, в котором нет ничего славянского. Это всего лишь турки, получившие христианские имена. Пусть сербы получат то, что заслужили*"[24].

Современный публицист Егор Холмогоров замечает: "*В день Сараевского убийства традиционно начинается вой на тему что „Вот! Вступились за братушек сербов! Влезли за них в войну! Свалились в катастрофу за неблагодарных! Никогда больше за братушек не вступаться!“*"[25].

Кн. 3 : Вторая Отечественная война России. 1914–1917 / под ред. канд. ист. наук П. В. Мультатули. С. 183.

[22] Первая мировая война. Историографические мифы и историческая память. Кн. 3 : Вторая Отечественная война России. 1914–1917. С. 183.

[23] Там же. С. 183.

[24] Цит. по: *Мэсси Р.* Николай и Александра / Р. Мэсси. М. : Дом, 1992. С. 112.

[25] *Холмогоров Е.* Разница между конфликтом Первой мировой и украинским кризисом / Е. Холмогоров // Русский обозреватель : интернет-сайт. 2014. 29 июня. URL: http://www.rus-obr.ru/lj/32187 (дата обращения: 05.10.2014).

Подобные настроения полностью не учитывают того обстоятельства, что император Николай II, как православный монарх, защитник и покровитель славян, не мог оставить в беде братский народ, которому грозили неминуемое порабощение и гибель. Поэтому совершенно прав святитель Николай Сербский, когда писал: "*Велик долг наш перед Россией. Может человек быть должен человеку, может и народ – народу. Но долг, которым Россия обязала сербский народ в 1914 году, настолько огромен, что его не могут возвратить ни века, ни поколения. Это долг любви, которая с завязанными глазами идёт на смерть, спасая своего ближнего. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих – это слова Христа. Русский Царь и Русский Народ, неподготовленными вступая в войну за оборону Сербии, не могли не знать, что идут на смерть. Но любовь русских к братьям своим не отступила пред опасностью и не убоялась смерти*"[26].

Порицание Николая II за то, что вступившись за "какую-то" Сербию тем самым "втянул" Россию в Первую мировую войну – не может быть признано ни нравственными, ни патриотическими. России никогда не был свойствен западный прагматизм, в своих действиях она руководствовалась в первую очередь *высшей правдой*. К тому же, как показывает история, отказ от решительного отпора агрессору не даёт никаких преимуществ. В апреле 1941 г. Сталин не пришёл Югославии на помощь, хотя между Москвой и Белградом существовал договор о "Дружбе и ненападении", который был подписан 5 апреля 1941 г. Примечательно, что при подписании договора югославская делегация настойчиво просила советское правительство о гарантиях реальной помощи, но встретила твёрдый отказ. Сталин, исходя из тех самых "прагматичных" соображений, отсутствие которых ставится в вину Государю, полагал, что Югославия сможет, пусть ненадолго, отвлечь на себя силы вермахта и тем самым это заставит Гитлера перенести сроки нападения на Советский Союз. При этом Сталин хорошо понимал, что реально югославская армия сможет сопротивляться не более двух недель, о чём он открыто говорил югославскому посланнику Милану Гавриловичу[27]. Но советский вождь сознательно стремился

[26] Новый журнал. 1995. № 2. С. 151–161.

[27] *Милетич В.* Как был подписан советско-югославский договор в 1941 году / Вукадин Милетич // Новая свобода : интернет-сайт. URL: http://www.svobodanew.com (дата обращения: 12.10.2014).

втянуть Германию в войну на Балканах и таким образом выиграть время для СССР. Возможные жертвы братского народа Сталиным игнорировались. Когда же Югославия была разгромлена вермахтом, советское правительство 5 мая 1941 г. потребовало от югославской миссии прекратить свою деятельность в Москве в качестве дипломатического представительства, от чего её сотрудники отказались. Этот демарш советского правительства вновь был вызван сугубо прагматичными целями – умиротворить Гитлера. Помогла ли такая прагматика Сталину и Советскому Союзу? Как мы знаем, ни в коей мере: 22 июня 1941 г. нацистская Германия начала операцию "Барбаросса", Красная армия оказалась на грани поражения, а в советско-югославских отношениях возникло серьёзное недопонимание. Так что жертвенная помощь, оказанная императором Николаем II Сербии, оказалась гораздо эффективней, чем прагматизм Сталина.

Но помимо защиты братского православного народа, Николай II летом 1914 г. исходил из совершенно конкретных (прагматических, если угодно) интересов России. Как свидетельствуют исторические факты, Государь вовсе не стремился воевать за Сербию по любому поводу. Во время Боснийского кризиса, когда всё российское общество яростно требовало от него поддержать Сербию в её готовности начать войну с Австрией за Боснию и Герцеговину, Государь проявил твёрдую выдержку и вынуждено пошёл на компромисс с германским блоком. Объясняя причины своей уступчивости, Николай II писал вдовствующей императрице Марии Феодоровне: "*На прошлой неделе у меня состоялось заседание Совета министров по несносному вопросу о Сербии и Австрии. Это дело, тянувшееся уже 6 месяцев, сразу осложнилось для нас тем, что мы можем помочь делу и предотвратить войну, если мы дадим согласие на знаменитую аннексию, а если мы откажемся, последствия могут быть серьёзными и непредвиденными. Раз вопрос был поставлен ребром – пришлось отложить самолюбие в сторону и согласиться*"[28].

В 1912 г., когда Сербия приняла активное участие в Балканских войнах, Государь отказался от любых военных приготовлений

[28] Император Николай II — Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 4 марта 1909 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 78.

в её поддержку. С. Д. Сазонов свидетельствовал: "*Государь, и за это Россия должна быть ему навсегда признательна, несмотря на своё сердечное сочувствие национальным стремлениям сербского народа, проявил в эту тревожную минуту ясность политической мысли и твёрдость воли, которые положили конец тем интригам, что толкали нас на путь европейской войны при самых неблагоприятных для нас условиях и из-за интересов, не оправдывавших тяжёлых жертв со стороны русского народа*"[29].

Объективные факты полностью доказывают, что император Николай II до самого последнего момента делал всё от него зависящее, чтобы не допустить войны. При этом миротворческие усилия Государя летом 1914 г. не были чем-то спонтанным и неожиданным, а являлись закономерным продолжением всей его предыдущей внешней политики. 4 апреля 1895 г., когда началась реализация его Большой Азиатской программы и японцы противились очистить оккупированные ими территории Маньчжурии и Ляодунского полуострова, император Николай II записал в дневнике: *"Решили настоять энергично на очищении японцами южной части Маньчжурии и Порт-Артура; если же они не послушаются совета, то принудить их к тому силой. Дай Бог только не втянуться в войну!*"[30] 23 апреля 1895 г., когда опасность военного конфликта миновала, Николай II писал министру иностранных дел князю А. Б. Лобанову-Ростовцеву: "*Большая гора свалилась у меня с плеч, по получению Вашей телеграммы и о том, что Япония отказывается вовсе от Ляодунского полуострова. Сколько жизней и жертв спасено! <…> Меня несказанно радует это полюбовное окончание нашего вмешательства в японо-китайское столкновение*"[31]. В 1911 г. Николай II сказал русскому послу в Болгарии тайному советнику А. В. Неклюдову: "*Я не хочу войны. Я сделал своим непреложным правилом предпринимать все, чтобы сохранить моему народу все преимущества мирной жизни. В этот исторический*

---

[29] *Сазонов С. Д.* Воспоминания / С. Д. Сазонов. М. : Международные отношения, 1991. С. 84.

[30] Запись за 4 апреля 1895 г. // Дневники Императора Николая II. (1894–1918) : в 3 т. / отв. ред. С. В. Мироненко. М. : РОССПЭН, 2011. Т. 1 : 1894–1904. С. 195.

[31] Император Николай II — князю А. Б. Лобанову-Ростовцеву. 23 апреля 1895 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 117. Л. 15.

момент необходимо избегать всего, что может привести к войне"[32]. В октябре 1912 г. Государь заявил на совещании Совета министров: "*Я не допускаю мысли о войне*"[33].

22 февраля (6 марта) 1911 г. французский посол в Петербурге Жорж Луи записал в свой дневник: "*Русское правительство не желает менять основы своей политики: оно желает сохранять отношения как с Германией, так и с Антантой. У всех русских, с какими приходилось мне беседовать, наблюдается озабоченность отношениями с Германией. Все думают, что надо быть с ней в хороших отношениях, чтобы Россия могла свободно посвятить себя внутреннему развитию*"[34].

Но в июле 1914 г. Николаю II было очевидно, что Германский блок решил воевать во что бы то ни стало. Отступи царь летом 1914 г., закрой глаза на захват Сербии Австро-Венгрией – и он бы не только ничего не выиграл, но наоборот оказался бы в тяжелейшем положении. Моральном имиджу России был бы нанесён непоправимый урон и её влияние на Балканах было бы навсегда утеряно. При этом Германия все равно бы войну начала, с той лишь разницей, что ей бы не пришлось воевать на два фронта. В кампанию 1914 г. она легко и быстро разбила бы Францию, принудив её к капитуляции, а то и коллаборационизму, как это произойдёт в 1940 г. Англия при таких обстоятельствах в войну против Германии точно не вступила бы, а, скорее всего, попыталась бы договориться с ней за счёт России. В таких условиях Германия и Австро-Венгрия начали бы в 1915 г. Русскую кампанию, наверняка имея в союзниках Италию, Болгарию, Румынию и Османскую империю. Россия оказалась бы перед лицом европейского нашествия одна, изолированная и без союзников, что грозило ей самыми катастрофическими последствиями. Обороняться русской армии пришлось бы не в Царстве Польском и Литве, как это было в действительности,

---

[32] *Nekludoff A.* Diplomatic reminiscences before and during the World war, 1911–1917 / A. Nekludoff. London, 1920. P. 4–5.

[33] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 : в 2 т. / граф В. Н. Коковцов. Париж : Издание "Иллюстрированная Россия", 1933. Т. 2. С. 126–127.

[34] Les carnets de Georges Louis, ambassadeur de France en Russie. Paris, s. a. T. 1 : 1908–1912. P. 168.

а под Петроградом и Москвой, как это будет в 1941 г. Государь уберёг нас именно от такого развития событий.

Поэтому **вторая часть** настоящего труда посвящена истории развязывания Германией и Австро-Венгрией мировой войны и тем поистине титаническим усилиям императора Николая II и его дипломатии, чтобы эту войну предотвратить.

Ещё один миф утверждает, что Россия и Германия в одинаковой степени стремились к войне. Эта ложь опять-таки является порождением "марксистско-ленинского" доктринёрства. Академик Е. В. Тарле, состоявшийся как учёный благодаря Российской империи, писал: "*С точки зрения научного исследования, самый спор о "моральной вине" нелеп, не нужен, научно неинтересен... Обе комбинации враждебных держав были способны провоцировать вооружённое столкновение; обе стремились к завоеваниям; обе способны были в тот момент, который показался бы выгодным, зажечь пожар, придравшись к любому предлогу, который показался бы наиболее подходящим. В этом смысле, конечно, вожди Антанты нисколько не превосходили в "моральном" отношении вождей Австрии и Германии*"[35]. Следуя ленинской догме "*нравственно всё, что служит делу революции*", Тарле отбрасывает как "*нелепый, ненужный, научно неинтересный*" вопрос о моральной ответственности за развязывание Первой мировой войны, и тут же делает ложные безнравственные выводы, уравняв подлинных агрессоров, в лице Германии и Австро-Венгрии, с их жертвами – Россией, Францией и Сербией.

Утверждение о равной вине России и Германии за развязывание Первой мировой войны столь же цинично и безнравственно, как попытка переложить ответственность за Великую Отечественную войну с Третьего рейха на Советский Союз.

В течение 20 лет, предшествующих войне, Николай II шёл в отношении Берлина на самые большие уступки и компромиссы с одной лишь целью – её избежать. Неоспоримые факты свидетельствуют о давней подготовке кайзеровской Германией и Австро-Венгрией войны против России, планах Берлина по расчленению

[35] *Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. / Е. В. Тарле. М. ; Л., 1927. С. 25.

и оккупации её территорий. Политика территориальной экспансии была приоритетной целью политики Германии.

Изучение совокупности источников приводит нас к выводу, что император Николай II войны не хотел и делал всё возможное, чтобы её избежать, а Вильгельм II и правящая германская верхушка, наоборот, всячески к ней стремилась, долгие годы вынашивали планы мировой гегемонии и считали наилучшим моментом их осуществления 1914 г.

То, что при этом Германия прятала свои агрессивные планы за маской миротворческой демагогии и кричала всюду о своём стремлении к миру, свидетельствует лишь о цинизме германской внешней политики тех лет, а вовсе не об её истинных намерениях.

Ещё одно весьма распространённое и старое заблуждение утверждает, что Первая мировая война будто бы была войной двух "братских" монархических государств (России и Германии), столкнувшихся друг с другом по "недоразумению" в угоду третьей силы (Англии, Франции и США). При этом полностью игнорируется идеологическая составляющая Второго рейха, цели и задачи, которые он преследовал при развязывании мировой войны. Эта составляющая почти полностью ушла в тень после крушения гитлеровской империи, которая, по сути, являлась преемницей и наследницей империи кайзера. Внимательное сравнение этих двух исторических явлений убедительно свидетельствует, что, несмотря на различие в методах, цели, которые ставили перед собой Вильгельм II в 1914 и Гитлер в 1941 – были одинаковыми; особенно это справедливо, когда речь идёт о России. Кайзер, также как фюрер, планировал уничтожить Россию как суверенное государство, покорить её народ. Гитлер во многом учился у кайзера, переняв у него идею "Серединной Европы" (Mitteleuropa), то есть Европы, объединённой вокруг Германии и во главе с ней, а также понятие "Жизненного пространства на Востоке" (Lebensraum im Osten), которое должно было быть обеспечено главным образом за счёт русских территорий. В связи с этим любому здравомыслящему человеку понятно, что для России война 1914 г. по своему характеру ничем не отличалась от наполеоновского и гитлеровского нашествий.

Поэтому в далёком июле (августе) 1914 г. у подавляющей части русского народа не было сомнений, что на Россию напал жестокий и опасный враг, что речь идёт о судьбе её как независимой державы.

Все даты, касающиеся событий в Российской империи, приводятся нами по юлианскому календарю, а даты, касающиеся событий в Европе – по юлианскому и григорианскому календарям.

Часть 1

Император Николай II:
"*Избегать всего, что может привести к войне...*"

Глава 1

МИРОЛЮБИЕ РУССКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

МИФ ОБ "ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ" ПОЛИТИКЕ САМОДЕРЖАВИЯ

В основу внешней политики Российской империи всегда был заложен христианский принцип миролюбия. При этом оно прочно сочеталось с восприятием России как великой мировой державы, призванной быть гарантом мировой стабильности и равновесия. Защита интересов России была главным приоритетом внешней политики русских царей. Особенно это касается императоров Всероссийских, включая последнего Российского государя императора Николая Александровича. Мировоззрение Николая II было мировоззрением христианского государя, воспринимавшего своё императорское достоинство как служение Богу и России. "*Я имею всегда одну цель перед собой,* – писал государь П. А. Столыпину 23 октября 1907 г., – *благо Родины: перед этим меркнут в моих глазах мелочные чувства отдельных личностей*"[1].

Однако представление об этом благе никогда не означало в представлении императоров всероссийских оккупацию, грабёж и территориальное расчленение других государств, захват новых рынков сбыта, то есть всего того, что определяло сущность западной внешней политики. России была совершенно чужда германская идея "lebensraum" ("жизненного пространства" – нем.) во-первых, в силу того, что Россия обладала огромной территорией, а во-вторых, потому что завоевания никогда не входили в её внешнеполитические приоритеты. Как писал великий русский учёный Д. И. Менделеев: "*Русский народ никогда не был склонен к завоевательству, и если воевал и покорил немало народов, то лишь потому, что к этому принуждали его прямо слагавшиеся обстоятельства*"[2].

---

[1] Император Николай II – П. А. Столыпину. 23 октября 1907 г. // Красный Архив. Исторический журнал. М., 1924. Т. 5(5). С. 115.

[2] *Менделеев Д. И.* К самопознанию России / Д. И. Менделеев. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1907. С. 45.

Россия никогда не начала ни одной войны из-за того, что территории её соседей больше и богаче, чем её собственные, хотя бы уже потому, что таковых не существовало. Наоборот, именно Россия постоянно подвергалась агрессии, так как её богатые земли манили бесконечных завоевателей с востока и запада. Само существование огромной православной империи раздражало и пугало её многочисленных врагов.

Более всех земных благ Россия ценила мир. Для Европы война, вплоть до Наполеона, была скорее опасным развлечением, в котором участвовали небольшие наёмные армии, чем национальным бедствием. Для России же война всегда была огромным народным горем. Победа над врагом воспринималась русским народом как Божья милость, а не как злорадное торжество над поверженным противником. Поэтому государственная мысль России постоянно искала пути создания таких международных условий, при которых война стала бы в принципе невозможной. Огромную роль в попытке создания такой системы сыграл император Александр I, главный основатель и идеолог Священного Союза, созданного после разгрома Наполеона. Безусловно, что пример Александра Благословенного всегда был в памяти императора Николая Александровича, и нет сомнений, что Гаагская конференция 1899 г., созванная по инициативе Николая II, была навеяна Священным Союзом. Это, кстати, отмечал в 1905 г. граф Л. А. Комаровский: "*Победив Наполеона*, – писал он, – *Император Александр помышлял даровать народам Европы, истерзанными долгими войнами и революциями, прочный мир. По его мысли великие державы должны были соединиться в союз, который покоясь на началах христианской морали, справедливости и умеренности, был бы призван содействовать им в уменьшении их военных сил и поднятии торговли и общего благосостояния*"[3].

Александр I был одним из первых государственных деятелей новой истории, кто считал, что, помимо земных, геополитических задач, у внешней политики России есть задача духовная. "*Мы заняты здесь важнейшей заботой, но и труднейшей также,* – писал Александр княгине С. С. Мещерской. – *Дело идёт об изыскании средств против владычества зла, распространяющегося*

[3] *Комаровский Л. А., граф, профессор*. Гаагская мирная конференция 1899 года / граф, профессор Л. А. Комаровский. М., 1905. С. 3.

с быстротоюпри помощи всех тайных сил, которыми владеет сатанинский дух, управляющий ими. Это средство, которое мы ищем, находится, увы, вне наших слабых человеческих сил. Один только Спаситель может доставить это средство Своим Божественным словом. Воззовём же к Нему от всей полноты, от всей глубины наших сердец, да сподобит Он послать Духа Своего Святого на нас и направит нас по угодному Ему пути, который один только может привести нас ко спасению"[4].

Священный союз позволил сохранить Европу от большой войны в течение почти полувека. Он был уничтожен не по вине России, а по вине Запада, развязавшего Восточную (Крымскую) войну. Распад Священного союза превратил Европу в большой котёл, в котором температура постоянно накалялась. Каждое европейское государство, за исключением России, преследовало свои узконациональные интересы, мало считаясь с опасностью большой войны. Россия, исходя как из своих коренных интересов, так и общечеловеческих, делала всё, чтобы её не допустить. Для этого надо было всеми силами не допустить гегемонии одной европейской державы над другой.

Решая свои геополитические задачи, России приходилось играть на противоречиях Запада, чтобы вновь не оказаться перед лицом объединённой европейской коалиции, как это случилось в Крымскую войну. Это в полной мере проявилось после победы России в войне 1877–1878 гг. за освобождение Болгарии от османского ига.

"Маклерская" позиция германского канцлера Отто фон Бисмарка на Берлинском конгрессе привела к ухудшению традиционно добрых русско-прусских отношений. Император Александр III быстро осознал коренные изменения, произошедшие в Европе после франко-прусской войны. Пруссия, бывшая на протяжении XIX столетия союзницей России и создавшая в 1871 г. в захваченном Версале Германскую империю, стала представлять собой опасного потенциального противника. Наряду с мощной армией, Германия стремительно развивала и тяжёлую промышленность, пытаясь

[4] Письмо Императора Александра I княгине Софии Сергеевне Мещерской. 23 октября 1820 г. С предисловием Н. Барсукова : [перевод с фр.] // Русский архив. 1886. № 10–12. С. 406.

диктовать свои условия на внешнем рынке. В планах германского руководства были и более радикальные замыслы. Бисмарк планировал вторую войну с Францией с тем, чтобы навсегда покончить с нею как с великой державой. Все французские колонии должны были перейти Германии. В таких условиях, полагал Бисмарк, Англия была бы обречена на подчинённый союз с рейхом. Этим честолюбивым планам могла помешать только Россия, которую канцлер пытался задобрить обещаниями Черноморских проливов и территориями Османской империи. Однако одновременно Бисмарк в 1882 г. стал одним из основателей так называемого Тройственного союза, в который вошли Германия, Австро-Венгрия и Италия, направленного в первую очередь против России. Александр III справедливо воспринимал этот блок как враждебный. "*Пока он будет существовать*, – говорил царь о Тройственном союзе, – *наше сближение с Германией невозможно*"[5].

В 1891 г. Александр III заключил секретную военную конвенцию с республиканской Францией (окончательно утверждена в 1893 г.). Это тайное соглашение изначально не являлось союзным договором между двумя державами[6]. Оно должно было вступать в силу только в случае нападения Тройственного союза (Германии, Австро-Венгрии и Италии) либо на Россию, либо на Францию, либо на ту и другу одновременно. В этом случае обе державы согласно конвенции должны были оказать друг другу помощь всей совокупностью своих вооружённых сил.

Тайный военный союз с Францией не был вызван со стороны Александра III симпатией к III Республике. Это был шаг прагматика, понимавшего, что Франция, которая к концу XIX в. находилась в условиях полной изоляции перед лицом нового германского вторжения, неминуемо была бы вынуждена пойти на неравный договор с немцами. В этом случае Германия, которая уже состояла в союзе с Австро-Венгрией и Италией, вступив в союз с Англией и заставив примкнуть к нему Францию, стала бы самой могущественной державой Европы. Россия в этом случае оказалась бы перед угрозой изоляции.

---

[5] Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 568. Оп. 1. Д. 37. Л. 116.

[6] Военные соглашения России с иностранными государствами до войны. М. : Военно-историческое общество, 1919. С. 97.

Вступивший на престол в октябре 1894 г. император Николай II, с первых же дней чётко обозначил преемственность своего внешнеполитического курса с политикой покойного отца. 25 октября 1895 г. государь поручил министру иностранных дел Н. К. Гирсу разослать всем заграничным русским дипломатическим представительствам циркуляр с "*изъяснением твёрдого намерения*" "*следовать во всём политике в Бозе почившего Родителя своего, имевшей ввиду сохранение мира и отвращение великих бедствий войны между государствами и народами*"[7].

В международных отношениях Николай II считал главным поддержание равновесия сил. Основные целевые установки его внешней политики вытекали из геополитического и стратегического положения России, её военного и экономического потенциала, статуса великой державы, объективного соотношения сил в мире[8]. Теми же причинами была вызвана Гаагская мирная конференция 1899 г. Став её инициатором, император Николай Александрович хотел создать международную систему, способную эффективно препятствовать возникновению больших войн. В этом он задолго опередил создание Лиги Наций. Великая инициатива государя не была оценена в конце XIX в., а в течение всего XX в. упорно замалчивалась. Большевики, присвоившие себе монополию на мирные инициативы, не могли допустить, чтобы в общественном сознании утвердился образ злодейски убитого ими царя как инициатора всеобщего разоружения.

Одной из важных причин, побудивших Государя инициировать созыв Гаагской конференции, стала Англо-бурская война и методы её ведения со стороны англичан. Именно британцы впервые в истории создали концлагеря, в которые заключались мирные жители, заложники, в том числе женщины и дети, заподозренные в оказании помощи бурам. Условия содержания в этих лагерях были ужасными. Русский военный агент в Брюсселе подполковник Е. К. Миллер в своём докладе в Петербург 17(30) марта 1901 г. описывал условия заключения буров в английских концлагерях:

---

[7] К. П. Победоносцев – Н. К. Гирсу. 25 октября 1894 г. [копия] // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 15а.

[8] *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России. 1907–1914 / А. В. Игнатьев. М. : Наука, 2000. С. 35.

"*Условия жизни сотен женщин с маленькими детьми, скученных в тесных лагерях, крайне неблагоприятны, продовольствие отпускается в недостаточных размерах, и было часто совершенно непригодного качества. <…> Маленькие дети остались совсем без продовольствия, так как нельзя назвать пищей гнилую маисовую муку, полную всяких насекомых*"[9]. По приблизительным подсчётам в английских концлагерях погибло 25 тыс. буров и 14 тыс. аборигенов[10], из них 22 тыс. были дети[11].

Преступное ведение войны англичанами не могло оставить равнодушным императора Николая II, который поручил министру иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу подготовить вместе с правительствами других европейских держав организацию дипломатического и даже военного давления на Великобританию[12]. Однако Государя в этом не поддержало ни одно европейское государство.

Советская историография объясняла мирные инициативы императора Николая II корыстными интересами: слабостью "царского режима", отсталостью русской экономики и вооружённых сил, влияниями на царя различных политических течений. Так, историк В. И. Бовыкин полагал, что невозможность "*поспеть в гонке вооружений за Германией вынудила царское правительство выйти с предложением их сокращения*"[13].

Известная исследовательница международной политики начала XX в. д-р. ист. наук И. С. Рыбачёнок выделяет три основных мотива инициативы царя по созыву конференции: "*политический – создание стабильной и благоприятной для России международной*

---

[9] Из письма военного агента в Брюсселе и Гааге подполковника Е. К. Миллера. 17/30 марта 1901 г. // Красный Архив. Исторический архив. Англо-бурская война в донесениях русского военного агента.

[10] *Энгдаль У Ф.* Боги денег. Уолл-Стрит и смерть американского века / *Уильям Ф. Энгдаль*. СПб, 2011. С. 77.

[11] *Милорадовић Г., др.* Концентрациони логори (Историја феномена масовне изолације) / Горан Милорадовић, др. // Андрићев институт. Историјские свеске. Андрићевград, 2014. 15 март. С. 36.

[12] Резолюция Императора Николая II на Всеподданнейшей записке министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа. 3 июля 1901 г. : [копия] // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 83. Л. 7.

[13] *Бовыкин В. И.* Очерки истории внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. / В. И. Бовыкин. М., 1960. С. 73.

обстановки в Европе; идеологический – формирование образа великой империи как носительницы идеи мира и справедливости; и финансовый – „замораживание“ военных бюджетов" при общем вполне прагматическом устремлении укрепить систему „неустойчивого равновесия“, сложившуюся тогда в Европе"[14].

Однако нельзя не признать, что все перечисленные автором мотивы созыва конференции в Гааге не учитывают главного: стремления императора Николая II начать практические шаги по недопущению такого зла, как современная война. Между тем можно утверждать, что эта причина превалировала у Николая II над всеми остальными. Идея Государя о разоружении и международном арбитражном суде была вызвана не сиюминутными политическими расчётами, а глобальным виденьем современной и грядущей геополитической эпохи, когда война становилась не "*продолжением политики иными средствами*", а величайшим мировым бедствием. Даже такой критик Николая II, как французский историк Марк Ферро, чьи писания настолько предвзяты, что порой переходят в дезинформацию, вынужден признать: "*Николай II стремился положить конец войнам между Германией и Францией, Англией и Россией, Россией и Австрией. Это должно было быть небольшое сообщество наций, некий аналог "Священного союза*"[15].

Император Николай II, разумеется, не тешил себя иллюзиями о том, что на следующий день после конференции государства начнут политику разоружения. Французский дипломат Жан-Жюль Жюссеран отмечал, что во время встречи с Николаем II, тот предупредил, что не следует строить "*больших иллюзий по поводу практических и немедленных результатов от его конференции. Но он уверен в её необходимости по причине моральной*"[16].

Однако речь шла не только о моральной стороне дела. Всё усиливающаяся гонка вооружений грозила большей части европейских

---

[14] *Рыбаченок И. С.* Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге / И. С. Рыбаченок. М. : РОССПЭН, 2005. С. 20.

[15] *Ferro (Marc).* Nicolas II. Une vision de l'empire et de la paix // Diplomatie. Affaires Stratégiques et relations internationales. № 5. Octobre-novembre, 2011. Géopolitique de la Russie. P. 12

[16] J.-J. Jusserand à T. Delcassé. Le 31 mars 1899 // Documents Diplomatiques Français (далее – DDF). 1-série. T. XVI. P. 196.

государств нищетой и разорением. Эта гонка была выгодна лишь одному европейскому государству – Германии, которая в силу осуществлённой в ней военно-технической революции вырвалась далеко вперёд в деле развития тяжёлого вооружения. Об этом хорошо писал в своей записке на Высочайшее имя один из организаторов конференции крупный чиновник МИД Ф. Ф. Мартенс: "*Нынешнее перевооружение германской артиллерии*, – писал он, – *служит новым доказательством неотложности положить предел этой разрушительной и опасной системе бесконечных вооружений, впервые введённой той же Германией, и которая, в конце концов, неминуемо должна привести к небывалой по своим разрушительным последствиям всеобщей войне*"[17].

Таким образом, главной целью Николая II была попытка предотвращения или хотя бы смягчения последствий грядущей мировой войны, которая, и это понимал царь, в условиях ничем не ограниченной гонки вооружений должна была неминуемо начаться.

12 августа 1898 г. министр иностранных дел граф М. Н. Муравьёв обратился к представителям России за границей с циркулярной нотой: "*Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств. Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья – таков ныне высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, Государь Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем Дворе, с предложением о созыве конференции в видах обсуждения этой важной задачи. С Божьей помощью, конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века*"[18].

Циркуляр произвёл в Европе сильное впечатление, хотя однородным его назвать нельзя. Большинство европейских государственных и политических деятелей, а также пресса консервативного

---

[17] Записка Ф. Ф. Мартенса на Высочайшее имя // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.

[18] Циркулярная нота министра иностранных дел графа М. Н. Муравьёва. 12 августа 1898 г. // Царствование Императора Николая II / С. С. Ольденбург. СПб., 1991. С. 56.

и либерального направления, однозначно приветствовали "*великодушный почин миролюбивого Государя*". Министр иностранных дел Италии маркиз Эмилио Висконти-Веноста заявил, что "*долг всех правительств помочь в деле мира, с инициативой которого выступил Царь*"[19].

"*Мир был уже поражён*, – писал в своей книге о конференции профессор международного права Парижского университета Альберт Жофр де Лапрадель, – *когда могущественный Монарх, глава великой военной державы, объявил себя поборником разоружения и мира в своих посланиях от 12/24 августа и 30 декабря. Удивление ещё более возросло, когда, благодаря русской настойчивости, конференция была подготовлена, возникла, открылась*"[20].

Однако в целом ведущие европейские политические круги восприняли идею конференции крайне скептически, усмотрев в ней лишь ограничение своих эгоистических намерений. Во Франции предложение царя о созыве конференции стало "*ушатом холодной воды"*. По словам Ф. Ф. Мартенса французы *"рвут и мечут, и не могут успокоиться, считая, что конференция направлена против них*"[21]. Военное ведомство III Республики было обеспокоено, не приведёт ли запрет на перевооружение армий новым оружием к запрету на скорострельную 75-мм пушку, перевооружение которой с успехом шло во французской армии.

В Германии идею конференции восприняли как противодействие своим экспансионистским планам. За год до конференции германский император Вильгельм II потребовал от рейхстага нового значительного усиления состава императорской армии. В рейхе, как и во Франции, была разработана новая 77-мм полевая пушка, скорострельность которой увеличилась в пять раз[22]. Поэтому неудивительно то отношение кайзера к инициативе царя, которое он выразил в помете на докладе статс-секретаря иностранных дел Бернхарда фон Бюлова 10(22) июня 1899 г.: "*Чтобы он* [Николай II]

---

[19] Barrère, Ambassadeur à Rome à T. Delcassé. 7/20 mai 1899 // DDF. 1-série. T. XVI. P. 302.

[20] *Мультатули П. В.* Внешняя политика Императора Николая II. 1894–1917 гг. / П. В. Мультатули. М. : Рос. ин-т стратег. исслед. ; ФИВ, 2012.

[21] Новое Время. 1898. Август.

[22] *Николаев Н. Ю.* Германия и Гаагская мирная конференция 1899 / Н. Ю. Николаев // Вестник ВолГу. Сер. 4. 2005. Вып. 10. С. 43.

не оскандалился перед Европой, я соглашаюсь на эту ерунду. Но в своей практике я и впредь буду полагаться и рассчитывать только на Бога и на свой острый меч. И ср…ть я хотел на все эти постановления! (Und sch… auf die ganzen Beschlüsse!)"[23].

По воспоминаниям Бюлова, кайзер был настолько "*поражён и возбуждён этим выступлением России*", что отправил своему кузену "*вызывающую телеграмму*", в которой высмеивал его миролюбивые намерения и "*подчёркивал держать русский меч обнажённым с таким пылом, как если бы он был русским военным министром*"[24].

Политика императора Николая II в конце XIX – начале XX в. характеризовалась именно своей антиимпериалистической направленностью. Об этом свидетельствует неизменная поддержка Государем антиимпериалистической борьбы африканских и азиатских народов против колониального ига.

Так, в 1894 г. Николай II оказал существенную, если не решающую, помощь народу Эфиопии (Абиссинии) в его борьбе с итальянскими колонизаторами и стоящей за ними Великобританией. За год до вступления Николая II на престол Италия, сфабриковав подложный договор с Эфиопией, заявила о своих правах на эту страну. После отказа абиссинского императора (негуса) согласиться на это, Италия, поддерживаемая Англией, начала захватническую войну против Абиссинии. Россия не признала прав Италии на Эфиопию, выступив в защиту её прав и независимости[25].

Объясняя позицию России в отношении Абиссинии, министр иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский в секретной инструкции писал русскому резиденту в этой африканской стране действительному статскому советнику К. Н. Лишину: "*Для Императорского правительства Абиссиния является главным образом серьёзным средством воздействия на другие государства, а по сему ограждение независимости и территориальной неприкосновенности Абиссинии составляет основное начало нашей политики к этой стране*"[26].

---

[23] Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. 15. Band. Berlin, 1924. № 4320. S. 306.

[24] *Бюлов Б.* Воспоминания / Б. Бюлов. М. ; Л., 1935. С. 126.

[25] *Елец Ю. Л.* Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Н. С. Леонтьева / Ю. Л. Елец. СПб., 1898. С. II.

[26] Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 151. Оп. 482. Д. 157. Л. 53–54.

Помимо этого, Эфиопия воспринималась в России как православная страна, имевшая большое сакральное значение: по легенде именно в Эфиопии находится Ковчег Завета, а эфиопский император – прямой потомок царя Соломона.

23 июня 1895 г. в Петербург прибыла большая дипломатическая делегация Эфиопии во главе с двоюродным братом негуса[27]. 30 июня 1895 г. она была принята императором Николаем II в Большом (Екатерининском) дворце Царского Села. Результатом этой встречи и переговоров с военным ведомством России стало то, что абиссинцы получили в Петербурге политическую и военную поддержку. Эфиопская делегация увезла с собой 135 больших коробок с винтовками и боеприпасами, а также крупную партию кавалерийских сабель Златоустовского завода. Император Николай II из своих средств передал Менелику II в качестве подарка 400 тыс. рублей[28]. Негус был Высочайше пожалован орденом Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского[29]. Уже в ходе войны в Эфиопию через Джибути из России и Франции было доставлено 130 тыс. ружей[30]. В марте 1896 г. Российское общество Красного Креста отправило в Абиссинию санитарный отряд, в Аддис-Абебе стал действовать русский госпиталь[31]. Был выпущен нагрудный знак с надписью: "*Православным братьям Абиссинии. Красный Крест России*"[32]. В марте 1896 г. эфиопская армия нанесла итальянцам сокрушительный удар в битве при Адуа. Итальянцы были вынуждены начать мирные переговоры с эфиопским правительством, дипломатическую поддержку которым обеспечивала Россия. 17 июля 1896 г. Раса Маконен выразил императору Николаю II глубокую благодарность за оказанную помощь: "*Эфиопы никогда не забудут Вашей благосклонности. Пусть даст*

---

[27] *Елец Ю. Л.* Указ. соч. С. 29.

[28] *Czesław J.* The Russian in Ethiopia. An Essay in Futility / Jesman Czesław. London : Chatto and Windus, 1957. P. 88.

[29] Высочайшее соизволение о награждении членов эфиопской дипломатической миссии. // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2013. Т. 4–5 об.

[30] *Елец Ю. Л.* Указ. соч. С. 29.

[31] *Давидсон А. Б.* Гумилёв в Абиссинии // Новая и Новейшая история. 2001. № 6.

[32] Там же.

Вам Бог долгие годы жизни и здоровье. Да будет уважение всему народу русскому на радость Эфиопии"[33].

4(16) октября 1896 г. Российское телеграфное агентство сообщило, что в Аддис-Абебе подписан мирный договор, по которому Италия признала независимость Эфиопии и выплатила ей контрибуцию[34]. Видную роль в дипломатической победе Эфиопии сыграла Россия и лично император Николай II.

Поддержал Государь в 1899 г. и борьбу двух южно-африканских государств, Трансвааля (Южно-Африканская Республика) и Оранжевой Республики, заселённых в основном белым населением (бурами), против Англии, стремившейся превратить их в свои колонии. Симпатии русской общественности были целиком на стороне буров, среди которых было немало выходцев из России[35]. 28 сентября 1898 г. Николай II удовлетворил просьбу бурских государств об установлении дипломатических отношений с Российской империей. Царь самым внимательным образом следил за ходом войны. В письме к Великому князю Сергею Александровичу Николай II признавался, что "*от души желает бурам ещё больших успехов, чем они до сих пор имели*"[36]. А обращаясь к своей сестре Великой княгине Ксении Александровне, он писал: "*Не могу не выразить моей радости по поводу только что подтвердившегося известия, полученного уже вчера, о том, что во время вылазки генерала Уайта целых два английских батальона и горная батарея взяты бурами в плен*!"[37].

В январе 1900 г. Россия установила дипломатические отношения с Афганистаном, который Великобритания рассматривала исключительно как зону своих колониальных интересов[38]. В ответ на

---

[33] Раса Маконен – Императору Николаю II. 17 июля 1896 г. // Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX – начало XX века) // Проблемы востоковедения. 1960. № 1.

[34] Российское Телеграфное Агентство, понедельник 4(16) октября 1896 г.

[35] *Давидсон А. Б., Филатова И. И.* Англо-бурская война и Россия / А. Б. Давидсон, И. И. Филатова // Новая и Новейшая история. 2000. № 1.

[36] Император Николай II – Великому князю Сергею Александровичу. 22 октября 1899 г. // ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 70. Л. 37.

[37] Николай Романов об англо-бурской войне // Красный архив. Исторический журнал. 1934. Т. 2 (63). С. 125–126.

[38] История дипломатии в 3 т / под ред. акад. В. М. Потёмкина. М. : ОГИЗ, 1945. Т. 1. С. 115.

протесты Лондона русский посол Е. Е. де Стааль заявил: "*Россия желает мира и сохранения дружественных отношений со всеми сопредельными государствами, и если Англия не сумела внушить доверие эмиру – Россия, со своей стороны, не считает себя вправе отклонить попытки Афганистана к дружественному сближению с Россией*"[39]. Вскоре, опираясь на поддержку Петербурга, эмир Хабибула, демонстративно отказался от британских субсидий.

Большую помощь оказал император Николай II королевству Таиланд (Сиаму) в его борьбе с французскими колонизаторами, которые в 1897 г. готовили полную ликвидацию его государственного суверенитета. Король Сиама Рама V (Чулалонгкорн) был дружен с Николаем II ещё со времён его путешествия на Восток в качестве наследника престола. Когда Рама V понял, что Франция собирается колонизировать Сиам, он отправился в заграничную поездку, надеясь добиться урегулирования отношений с Францией. Но официальный Париж отказался даже с ним разговаривать[40]. Единственной страной, которая могла бы повлиять на Францию, была её союзница – Российская империя. Рама V обратился лично к Николаю II с предложением установить с Сиамом дипломатические отношения. Царь сразу же согласился и пригласил короля в Россию. Визит Рамы V проходил с 21 по 28 июня 1897 г. Россия сделала всё, чтобы придать этому визиту наибольшую гласность. Вся русская пресса писала о сиамском короле в самых восторженных тонах как о выдающемся государственном деятеле и друге России. В Петербурге Рама V был принят как личный гость царя. Во всех официальных органах русской прессы была помещена фотография встречи Николая II и Рамы V. Все эти меры предопределили успех давления на Францию, которая не решилась продолжить агрессивные действия в отношении друга своего главного союзника. Рама V уехал к себе на родину в окружении 200 русских гвардейцев, которых Николай II отправил в Таиланд в качестве личной охраны короля. Осенью 1897 г. между Россией и Сиамом были установлены дипломатические отношения. Сразу же после встречи Рамы V с Николаем II, Франция согласилась принять сиамского монарха и

---

[39] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 15–16.

[40] *Мельниченко Б. Н.* Россия и Сиам / Б. Н. Мельниченко (Таиланд). С. 428–451. Рец. на кн.: Россия и Восток : учебное пособие. СПб. : Изд-во СПГУ, 2000.

обсудить с ним назревшие проблемы. В результате Париж отказался от планов колонизации Таиланда и он остался единственной независимой державой в регионе.

В 1901 г. Российская империя установила дипломатические отношения с Марокко, которую хотели колонизировать Англия и Франция. Николай II послал в Марокко русскую дипломатическую миссию, которую возглавлял генеральный консул в ранге министра-резидента В. Р. Ба-херахт. В Марокеше Бахерахт вручил верительные грамоты султану Марокко Аб аль-Азису. Султан заверил консула в самых дружественных чувствах к России и выразил глубокую благодарность императору Николаю II за присланную миссию.

В апреле 1901 г. в Петербург было отправлено чрезвычайное посольство во главе с министром иностранных дел султаната Абд аль-Кримом бен-Слиманом[41]. 24 июля марокканская делегация была принята в Большом Петергофском дворце императором. Абд аль-Крим передал Николаю II послание султана Аб аль-Азиса. В своём ответе султану Государь писал: "*Мы усмотрели в решении отправить означенную первую официальную миссию в Россию новый залог искреннего желания Вашего Величества ещё теснее закрепить дружественные отношения, установившиеся между империями нашими*"[42]. Во время переговоров М. Н. Муравьёв подчёркивал, что Россия заинтересована в независимом и сильном Марокко.

Империалистические цели отсутствовали в политике Николая II и на дальневосточно-азиатском направлении. "Азиатским" разворотом Николай II стремился предотвратить большую европейскую войну. Государь понимал, что цели, которые ставили его дед Александр II и отец Александр III: утвердить своё влияние на Балканах, силой занять проливы, противодействовать Австрии и Турции в Южной Европе, а Англии и Франции – на Ближнем Востоке – можно было достичь только путём кровопролитной войны. Между тем сама мысль о ней вызывала в Государе неприязнь[43]. К тому же обладание Босфором и Дарданеллами открывало

---

[41] *Подгорнова Н. П.* Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916). М. : Институт Африки, 1999. С. 58.

[42] *Подгорнова Н. П.* Указ. соч. С. 67.

[43] *Jefferson (M.).* Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral, 27 and 29 September // The Slavonic and East European Review. 1960. December. Vol. 39, № 92. P. 218.

для России лишь "форточку" в зал, который был заперт британскими "засовами". В этих условиях овладение проливами отходило у Государя на второй план. В беседе в Париже с премьер-министром Великобритании лордом Робертом-Артуром Солсбери, Николай II заявил: "*Россия не хочет иметь Константинополь или иную часть турецкой территории на стороне проливов. Она хочет только владеть дверью и иметь возможность укреплять её*"[44].

Государь искал для России выхода в Мировой океан в иных регионах. Новыми приоритетами Николая II стало развитие Сибири, Дальнего Востока и активное проникновение в Восточную Азию[45]. Николай II решительно поддержал расширение русского влияния в Северном Китае, Маньчжурии и Кореи. При этом царь не собирался вести там войну, стремясь достигнуть компромисса со всеми государствами региона, в том числе и с Японией. Николай II не стремился к аннексии Кореи, в которой он хотел лишь сохранить русские интересы и не допустить её оккупации японцами. Государь – принцу Генриху Прусскому: "*Я не хочу брать себе Корею, но никоим образом не могу допустить, чтобы японцы там прочно обосновались*"[46].

21 мая 1896 г. Россия заключила союзный договор с Пекином, по которому в случае вторжения Японии на территорию Китая, Кореи или Маньчжурии, договаривающиеся стороны обязаны были оказывать друг другу военную помощь. Китай разрешил России провести через Маньчжурию до Владивостока железную дорогу, а русские суда получали свободный доступ в порты Поднебесной империи[47]. 15 марта 1898 г. цинское правительство подписало с Россией конвенцию, по которой оно уступало ей в арендное пользование сроком на 25 лет порты Люйшунь (Порт-Артур) и Талиенван (порт Дальний) вместе с прилегающим к ним водным пространством[48]. Так, Россия приобрела незамерзающий порт на Дальнем Востоке со свободным выходом в Мировой океан. Николай II писал своему брату Великому князю Георгию Александровичу: "*Очень пора нам стало сделаться сильными на море, в особенности теперь, когда*

---

[44] *Jefferson (M.).* Op. cit. P. 218.
[45] Журнал "Золотой Лев" (№ 227–228) – издание русской консервативной мысли.
[46] Император Николай II – принцу Генриху Прусскому // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1.
[47] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 292–294.
[48] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 250.

пошла своего рода травля и погоня за китайскими портами. Слава Богу, что нам удалось занять Порт-Артур и Талянвань бескровно, спокойно, почти по-дружески! Конечно, это было довольно рискованно, ну а прозевай мы эти гавани теперь, впоследствии, конечно, без войны нам бы не удалось вышибить засевших туда англичан или японцев! Да, смотреть надо зорко, там, на Тихом океане почти вся будущность развития России, и, наконец, мы имеем вполне незамерзающий открытый порт; а железная дорога туда ещё больше укрепит наше положение"[49].

Один из тайных советников Государя утверждал: "*Пётр Великий прорубил окно в Европу. <…> Николай II прорубил окно на Восток*"[50]. Однако, прорубая это "окно", Россия в отличие от западных держав не стремилась к аннексиям чужих территорий. Император Николай II был главным сторонником сохранения единого Китая. 8 июля 1900 г. в беседе с французским послом Густавом-Луи де Монтебелло царь сказал: "*Нужно исключить все идеи раздела Китая. Искать возможности восстановления внутреннего status quo в нынешних беспорядках, таким образом, чтобы центральное правительство смогло обеспечить общественную безопасность во всей стране*"[51].

В 1900 г. Николай II убеждал королеву Викторию в частном письме: "*Всё, чего хочет Россия, – чтобы её оставили в покое и дали развивать своё нынешнее положение в сфере её интересов, определяемой её близостью к Сибири. Обладание нами Порт-Артуром и Маньчжурской железной дорогой для нас жизненно важно и нисколько не затрагивает интересы какой-либо другой европейской державы. В этом нет и никакой угрозы независимости Китая. Пугает сама идея крушения этой страны и возможности раздела её между разными державами, и я считал бы это величайшим из возможных бедствий*"[52].

---

[49] Император Николай II – Великому князю Георгию Александровичу // ГАРФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 56. Л. 100.

[50] Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Императору Николаю II о политике России на Дальнем Востоке // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 13.

[51] L. Montebello à T. Delcassé. 8 juillet 1900 // DDF. 1-ère série. T. XVI. P. 330.

[52] Император Николай II – королеве Виктории : [на англ. яз.] // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1111. Л. 4.

Продвижение России на Восток сильно обеспокоило европейские державы, прежде всего Великобританию. С целью остановить поступательное движение России в Азию, английские правящие круги пошли на тесное сближение с Японией. Используя экспансионистские устремления Токио в Корее и Китае, англичане в 1902 г. инициировали направленный против России военный союз. Договор предусматривал право на противодействие "третьей державе" (имелась в виду Россия), "*угрожающей интересам Японии или Англии*". Если бы Россия решила противодействовать японской агрессии в Корее, то это можно было бы подвести под статью англо-японского договора[53].

Лондон нашёл поддержку своим антирусским устремлениям в Вашингтоне. Президент США Теодор Рузвельт предупреждал Францию и Германию: "*в случае антияпонской комбинации в союзе с Россией, я тотчас встану на сторону Японии и не остановлюсь в дальнейшем ни перед чем, что окажется нужным в её интересах*"[54].

Вильгельм II по обыкновению занял двурушническую позицию: русского посла в Берлине графа Н. Д. Остен-Сакена он заверял, что очень доволен приобретением Россией Порт-Артура, так как принимает *"близко к сердцу всякий политический успех Императора Николая"* и надеется, что это приобретение поставит на место Англию[55], и в тоже время сообщал английскому послу в Берлине сэру Фрэнку Ласселсу, что Россия стремится настроить как можно большее число государств против Великобритании. Одновременно Берлин отверг предложенный Лондоном военный союз против России. Король Эдуард VII с раздражением говорил, что "*Англия не может участвовать в постоянных „козлиных прыжках“ кайзера*"[56].

Англия и США делали всё, чтобы спровоцировать военное столкновение Японии с Россией. Заключённый англо-японский договор 1902 г. давал Токио возможность начать войну против России с большой долей уверенности, что никто в Европе не окажет ей военной поддержки из-за опасения войны с Англией. Одновременно

---

[53] История дипломатии. Т. 2. С. 537.

[54] *Солженицын А. И.* Двести лет вместе / А. И. Солженицын. М., 2001. С. 64.

[55] Вильгельм II о занятии царской Россией Порт-Артура // Красный архив. 1033. № 3 (58).

[56] *Фейгина Л.* Бьоркское соглашение. Из истории русско-германских соглашений / Л. Фейгина. М. : Издание М. и С. Сабашниковых, 1928. С. 11.

Токио был обеспечен финансовой поддержкой Лондона, поставками вооружения и получал возможность строить на британских верфях боевые корабли. В итоге на Дальнем Востоке против России объединились три державы: Япония, Великобритания и США. Франция, Германия и Австро-Венгрия сохраняли "дружественный" нейтралитет.

Японское правительство получило кредиты от американских банков "Нэйшнл Сити банк", "Национальный Коммерческий банк", "Кун, Лёйб энд Компани" на общую сумму 200 млн долларов.

Все факты, предшествовавшие Русско-японской войне, в своей совокупности убедительно свидетельствуют, что император Николай II военного столкновения с Японией не желал, хотя и готовился к возможному противостоянию. Царь был готов идти на самые большие компромиссы с микадо. Он был готов смириться с занятием Японией большей часть Кореи и усилением её коммерческого присутствия в Китае. От японской стороны требовалось лишь признание русских интересов в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове. Но Япония не допускала никаких компромиссов с Россией. Токио нужна была война, в результате которой он рассчитывал заполучить не только Корею, но и Китай с Маньчжурией. Начавшаяся в январе 1904 г. Русско-японская война явилась реакцией Японии, Англии и США на Большую Азиатскую программу императора Николая II, реализацию которой они решили, во что бы то ни стало не допустить. Планам императора Николая II уйти из опасного европейского региона и решить жизненные вопросы России путём мирного продвижения в Азии и на Дальнем Востоке не суждено было сбыться. Запад не хотел видеть Россию сильной ни на одном участке земного шара.

Глава 2

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ФРАНКО-РУССКИЙ СОЮЗ

МИФ О НЕРАВНОПРАВНОМ ПОЛОЖЕНИИ РОССИИ И О ФИНАНСОВОМ ЕЁ ЗАКАБАЛЕНИИ ФРАНЦУЗСКИМИ БАНКАМИ

Николай II рассматривал русско-французское соглашение гораздо шире, чем его отец, который относился к нему как ко временной политической комбинации, призванной оказывать воздействие на Берлин. Формальное письменное соглашение не представлялось Александру III предпочтительным, но без него не могло быть прочных гарантий от любых "неожиданностей" со стороны Германии[1].

Николай II видел главную задачу русско-французского соглашения не в его антигерманской направленности, а в закладке краеугольного камня прочного европейского мира. Государь, ознакомившись с русско-французской декларацией "*тут же почувствовал, что в этом сближении таятся не только выгоды, но и угрозы в будущем*". Царь ясно осознал, что союз с Францией, с одной стороны, "*уменьшает опасность в случае войны с Германией, но в то же время, увеличивает шансы такой войны, создавая новые плоскости трения*". По мнению Николая II, "*только превращение франко-русского союза в соглашение великих держав европейского материка может действительно обеспечить мир в Европе и поддержание мирового первенства христианских европейских государств*". Он "*с первых дней своего царствования стремился превратить франко-русский союз из орудия "реванша" в орудие европейского замирения*"[2].

---

[1] *Огенюс-Сильвестрофф А.* (Париж). Роль политических и военных деятелей в заключении франко-русского союза / А. Огенюс-Сильвестрофф ; пер. Р. Е. Плаховой // Россия и Франция XVIII–XX века = La Russie et la France XVIII-ème-XX-ème siècles. Moscou, 1998. Vol. 2. P. 148.

[2] *Ольденбург С. С.* Указ. соч. С. 64; *Paléologue M.* Guillaume II et Nicolas II / Maurice Paléologue. Paris : Plon, 1935. P. 19.

Именно поэтому Николай II дал своё согласие на придание секретной франко-русской конвенции характера официального франко-русского союза. Это произошло осенью 1896 г. во время визита царской четы в Париж, а также в августе 1897 г. во время ответного визита президента Феликса Фора в Петербург. Тогда, на борту крейсера "*Pothuau*", стороны обменялись тостами, определившими обе нации как "*дружественные и союзные*"[3].

Государь делал все от него зависящее для сохранения союза с Францией. Он полагал, что в случае распада франко-русского союза не только Франция, но и Россия рискуют остаться в изоляции. Николай II был хорошо осведомлён о росте могущества Германии, которая опережала Россию и по темпам военного развития, и по темпам индустриализации. Было ясно, что Германия, если и будет вступать с Россией в какой-либо союз, то только на тех условиях, какие выгодны ей одной, и что в Берлине с интересами России считаться особо не намерены.

В случае если бы союз с Россией распался, Франция могла быть вынуждена пойти на соглашения с Германией, тем более что в её правящих кругах имелись влиятельные сторонники сближения с рейхом. В этих условиях нельзя было исключить присоединения к Тройственному пакту Великобритании. Ведь её отношения с Германией, а до того с Пруссией, были на протяжении XIX и в самом начале XX в. вовсе не антагонистическими. Так, в 1901 г. вступивший на престол английский король Эдуард VII заявил, "*что ему понятна необходимость для Германии добиваться колоний и хозяйственного расширения. То и другое она могла бы иметь в достаточном размере, так как на свете хватит места как для Германии, так и для Англии*"[4].

Россия могла оказаться лицом к лицу с враждебной Европой, что грозило непредвиденными опасностями. Желание не допустить изоляции России, отвести от неё опасность большой европейской войны, сохранить Францию, крупную военную державу, как своего союзника – вот чем руководствовался Государь.

---

[3] Тост Императора Николая II, произнесённый за завтраком на борту "Потюо". 14/26 августа 1897 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1897 г. Д. 42. Л. 293.

[4] *Фейгина Л.* Бьоркское соглашение. Из истории русско-германских соглашений / Л. Фейгина. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928. С. 11.

Поэтому 6 августа 1899 г. Николай II пошёл навстречу предложениям французского министра иностранных дел Теофила Делькассе, который предлагал сделать франко-русское соглашение независимым от существования Тройственного союза и дополнить его пунктом о поддержании "*равновесия сил*" в Европе[5]. Это дополнение позволяло Франции и России иметь свободу действий в том случае, если бы Австро-Венгерская империя распалась, а Германия попыталась захватить часть её владений. С согласия Николая II правительства обеих стран обменялись письмами, в которых вносились указанные выше поправки в военную конвенцию 1893 г.[6]

В мае 1902 г. в Петербург с визитом прибыл президент Франции Эмиль Лубе. Накануне своего визита в Петербург он в разговоре с советником Комбарье признал, что союз с Россией является "важнейшей вещью", так как и Англия, и Германия становятся для Франции всё более опасными экономическими конкурентами. Французский президент заявил, что "*наши интересы никоим образом не сталкиваются с русскими*"[7]. Развивая свою мысль, Лубе выразил надежду, что влияние России в Европе будет ограничено "*Балканами и Константинополем, разумеется, без аннексий и захватов*". По его мнению, Россия должна была направить своё влияние на Дальний Восток. Но и на Дальнем Востоке влияние России должно быть сдержано её союзом с Францией и Японией[8].

Слова президента Лубе демонстрировали изменение подхода Парижа к франко-русскому союзу. Он более не считал главной целью союза с Россией защиту от Германии, в отношениях с которой главным противоречием становилось экономическое соперничество.

В 1903 г. Франция начала политику сближения с Великобританией, завершившейся созданием Антанты. В представлениях российского общественного, да порой и исторического, сообществ принято считать, что Антанта была союзом России с Францией, к которой примкнула Англия. Однако такое представление неверно,

---

[5] T. Delcassé au Président E. Loubet // Documents Diplomatiques Français (далее – DDF). 1-ére serie. T. XV, № 255.

[6] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг.

[7] AN, 410/1AP, Fonds Combarieu.

[8] *Combarieu A.* Sept ans à l'Elysée avec le président Loubet / Abel Combarieu. Paris : Hachette, 1932. P. 144–145.

во всяком случае до начала Первой мировой войны. В 1903 г. Антанта представляла собой исключительно англо-французское соглашение о разграничении сфер влияния. Оно не имело признаков военного союза между двумя странами, хотя и снимало с повестки дня возможность англо-французской войны. Тем более в 1903 г. Антанта никоим образом не означала англо-русского сближения. Петербург и Лондон по-прежнему оставались геополитическими противниками. Для Николая II английский поворот французской внешней политики был неожиданным, тем более что всего три года назад, в 1900 г., Делькассе добился внесения изменения во франко-русскую конвенцию, предусматривающую совместные действия России и Франции против Англии в случае, если один из союзников окажется с нею в состоянии войны. Царю претила мысль о сближении с Англией, к которому всё более стремился официальный Париж и особенно Т. Делькассе, в политике которого царь справедливо усматривал попытку, "*опираясь на существующие договорные отношения с Россией и Англией*", изолировать Германию[9].

Между тем изоляция Германии не входила в планы Николая II, она противоречила основным положениям его внешней политики, направленной на поддержание мира со всеми государствами. Тем не менее Николай II приветствовал англо-французское примирение, доведя до сведения Парижа, что рассматривает его как шаг по упрочению всеобщего мира.

Это стремление царя отвечало интересам Франции, которая опасалась большой войны даже в условиях союза с Россией. Стремление "к реваншу", то есть возвращению утраченных в ходе франко-прусской войны провинций Эльзаса и Лотарингии, которым историческое сообщество так любит объяснять вступление Франции в Первую мировую войну, на самом деле не имело в планах правительства III Республики практически никакого значения. Уже в 1902 г. президент Э. Лубе говорил, что нужно оставить мысль о возврате в ближайшем будущем Эльзаса и Лотарингии, так как это возвращение "*совершенно невозможно путём прямой силовой атаки*"[10]. О пресловутом "реванше" в Париже воспоминали только

[9] Донесение полковника В. П. Лазарева // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 440. Оп. 1. Д. 209. Л. 1.
[10] AN, 410/1AP, Fonds Combarieu.

во время выборов. Французская колониальная империя была давно создана, и Париж был лишь озабочен тем, как бы её сохранить от ненасытных германских посягательств.

События русско-японской войны и русской смуты 1905–1907 гг. стали большим испытанием франко-русского союза на прочность, продемонстрировав всю эгоистичность и ненадёжность официального Парижа. Вступая в войну с Японией, Россия не рассчитывала на помощь Франции. А. Н. Куропаткин писал в своём дневнике: "*Франция ввиду нашей политики на Дальнем Востоке, ищет соглашения с Италией и Англией, а там и до соглашения с Германией один шаг*"[11].

По мере расширения масштабов русско-японской войны отношения между двумя союзниками продолжали ухудшаться. Французский посол в Петербурге Морис Бомпар во время аудиенций почти открыто указывал Николаю II на тот политический тупик, в который, по его мнению, он заводит франко-русский союз. Однако эти советы и предупреждения, и без того плохо воспринимаемые Императором, были окончательно скомпрометированы в его глазах после того, как в середине 1904 г. ему стало известно, что некоторые французские банки финансируют поставки оружия и артиллерии японской армии[12].

Отступление русских войск в Маньчжурии ставило перед Парижем вопрос: имеет ли смысл оставаться в союзе с государством, которое неспособно разбить даже такого второстепенного противника, как Япония? Особенно это мнение поддерживалось французскими социалистами и их товарищами в правительстве.

В Петербурге многие также задавались вопросом о целесообразности продолжать союзнические отношения с Парижем, тем более в условиях, когда тот стал прибежищем для самых отъявленных врагов царя и постоянно отказывал русскому правительству в предоставлении столь необходимых ему кредитов.

Тем не менее обе стороны понимали всю угрозу разрыва франко-русского союза. Как Парижу, так и Петербургу было ясно, что от этого выиграет только одна сторона – кайзеровская Германия.

---

[11] Дневник А. Н. Куропаткина. Нижполиграф, 1923. С. 101.

[12] *Hogenhuis-Seliverstroff A.* L'alliance Franco-Russe / Anne Hogenhuis-Seliverstroff. Paris, 1997. P. 183.

Берлин стремился воспользоваться ослаблением России и начал агрессивную политику в Марокко, требуя от Парижа и Лондона смириться с германской гегемонией в этой стране. На собравшейся Альхесирасской конференции, германская дипломатия активно убеждала французскую и английскую стороны в том, что Россия отказалась поддерживать Францию в вопросе по Марокко и всецело приняла сторону Германии[13]. Вильгельм II ставил себе целью доказать Парижу, что его союзники, Россия и Англия, не способны ничем помочь Франции, а потому ей следует уйти из Марокко и заключить неравноправный союз с Германией.

В связи с этим России было важно продемонстрировать, что, несмотря на русско-японскую войну и революционную смуту, она по-прежнему является великой державой, способной влиять на мировую политику. Для этого Николай II поручил графу В. Н. Ламздорфу отправить послу в Париже А. И. Нелидову циркулярную ноту, в которой ему предписывалось довести до нашего представителя на конференции В. Р. Бахерахта, что русская делегация должна на конференции всецело поддерживать Францию. Нелидову было поручено в качестве "личной инициативы" довести эту циркулярную ноту до сведения французской прессы. Посол так и поступил: нота Ламздорфа была опубликована во французской газете "Le Temps". Публикация вызвала ярость Берлина. В германской прессе началась антирусская кампания, а немецкие финансисты отказались участвовать в большом интернациональном русском займе, переговоры о котором велись в Париже[14].

Но нервная реакция германской верхушки не шла ни в какое сравнение с успехами русской дипломатии, достигнутыми в Альхесирасе: поддержка Франции давала столь необходимые для русской экономики финансы, укрепляла франко-русский союз, давала возможность налаживания диалога с Англией, значительно поддерживала пошатнувшийся международный престиж России и давала возможность остудить пыл Германии, уверившейся в своей безнаказанности.

Альхесирасская конференция лишний раз убедила Париж и Петербург в необходимости сохранения обоюдного союза. Тем

[13] *Извольский А. П.* Воспоминания / А. П. Извольский, бывший министр иностранных дел ; пер. с англ. А. Сперанского. Пг. ; М. : Петроград, 1924. С. 27.
[14] *Извольский А. П.* Указ. соч. С. 27.

более что политика Берлина становилась всё более агрессивной и опасной.

8(21) января 1912 г. к власти во Франции пришло правительство премьер-министра Раймона Пуанкаре. Усилиями социалистической пропаганды за ним прочно закрепился образ убеждённого сторонника войны с Германией. В советское время термин "Пуанкаре-война" был неотъемлемым клише при оценке этого государственного деятеля. Так как советская историография находилась в прокрустовом ложе "классовой борьбы", то и цели Пуанкаре она объясняла стремлениями во внутренней политике "*объединить все партии вокруг республиканского центра с целью подавления выступления рабочего класса*", а во внешней – "*осуществить реванш*", развязав войну против Германии[15].

На самом деле Пуанкаре не стремился к наступательной войне и боялся войны оборонительной. Франция во всех отношениях не была готова ни к первой, ни ко второй. Главной причиной этого был слабый прирост французского населения: с 1865 по 1912 гг. оно возросло с 37 700 млн до 40 900 млн[16] (для примера динамика роста населения Германии: в 1895 г. – 52 279 млн человек, в 1906 г. – 56 370 млн, в 1912 г. – 60 250 млн человек). Таким образом, немецкое население за 17 лет выросло примерно на 8 млн человек, тогда как французское за 47 лет только на два с половиной!

Концентрация банковского капитала, с одной стороны, и большой вывоз капиталов из страны, с другой, превращали Францию в страну-рантье. Из-за этого темпы развития промышленного производства замедлились, и Франция в этом отношении заметно отставала от других великих держав. Граф В. Н. Коковцов докладывал Государю, что финансовое положение Франции "*как это ни кажется странным, далеко не удовлетворительно*"[17].

Благодаря примитивизации и идеологизации исторической науки в советское время, в общественном сознании прочно утвердилось представление, будто бы Россия была опутана "сетями" французских займов и поэтому была вынуждена во всем уступать требованиям правительства Республики. Согласно этой же "теории"

---

[15] *Ефремов П. Н.* Внешняя политика России (1907–1914). М. : Изд-во Института международных отношений, 1961. С. 140.
[16] Quid 1992. P. 578.
[17] Сборник секретных дипломатических документов. С. 614.

именно финансовая зависимость от Франции заставила "царское правительство" в 1914 г. вступить в войну на её стороне. Так, отмечая цели визита Пуанкаре в Петербург в августе 1912 г., советская историография указывала, что "*связав царизм по рукам кабальными займами, французский империализм считал, что пришло время, когда Россия должна расплачиваться по политическим векселям*"[18]. Подобные утверждения не имеют ничего общего с действительностью. Императорское правительство действительно прибегало к иностранным займам для развития собственной промышленной инфраструктуры, так как модернизирующейся российской экономике нужны были средства, а их не было. Как отмечает д-р ист. наук Ю. А. Петров: "*Заметного экономического прогресса Россия добилась не в последнюю очередь благодаря иностранному предпринимательству и заграничным инвестициям, которые сыграли немалую роль в деле индустриализации страны, облегчив ей первые шаги в этом направлении и подтолкнув создание ряда новых отраслей промышленности. Впрочем, в этом отношении империя принципиально ничем не отличалась от других стран, вступивших на путь капиталистической модернизации с некоторым опозданием и пользовавшихся поддержкой более развитых соседей (например, Германии, в течение XIX столетия совершившей громадный скачок в индустриальном развитии). Плата за помощь капиталами и технологиями (ноу-хау) была немалой, но, во-первых, хотя услуги иностранных бизнесменов отнюдь не были филантропией и щедро оплачивались, экономический эффект оказывался выше и в конечном счёте эти инвестиции работали на дело индустриализации России. Их направления, отраслевая структура обусловливались внутренними потребностями страны. А во-вторых, значение иностранных инвестиций, о решающем вкладе которых в дело экономической модернизации России любит писать западная историография, безусловно, не было определяющим для экономического роста, отечественный капитал сохранял лидирующие позиции в народно-хозяйственной системе страны*"[19].

Франция нуждалась в предоставлении России займов не в меньшей степени, чем Россия в их получении. Вначале XX в.

---

[18] *Ефремов П. Н.* Указ. соч. С. 142.

[19] *Петров Ю. А.* Российская экономика в начале XX века / Ю. Петров // Гражданин. Периодический политический журнал. 2003. № 3.

основу находившейся в упадке французской экономики составляло ростовщичество. Помимо России, Франция щедро предоставляла займы Австро-Венгрии, Турции и Италии, что не помешало первым двум выступить в Первой мировой войне на стороне Германии. Крупнейший исследователь вопроса д-р ист. наук В. И. Бовыкин отмечал: "*Подсчёты абсолютных размеров и удельного веса заграничных инвестиций по их "национальной" или блоковой принадлежности для доказательства подчинения ими российской экономики, получившие распространение в нашей литературе в 20-е годы и встречающееся по сей день, абсолютно некорректны, поскольку исходят из совершенно ложной посылки о единстве интересов капиталистов, являющихся подданными одного государства или даже нескольких, но входящих в один военно-политический блок. Ни значительные общие размеры, ни высокий удельный вес иностранных инвестиций в России сами по себе не могут служить доказательством подчинения ими экономики страны*"[20].

В связи с экономическим подъёмом и укреплением финансов, русское правительство в предвоенное пятилетие существенно сократило свои внешние заимствования. В. И. Бовыкин писал: "*Накануне мировой войны рост внешнего государственного долга России прекратился. В 1909 г. царское правительство выпустило последний государственный заём, предназначенный для размещения на денежных рынках Западной Европы. Сумма облигаций российских государственных займов, находившихся заграницей, достигнув своего максимума на 1 января 1910 г., затем стала снижаться. К 1913 г. она сократилась на 405 млн рублей (т.е. на 8 %). В 1908–1913 гг. несмотря на возобновление размещения на Западе гарантированных правительством займов железнодорожных обществ, главной формой иностранных капиталовложений являлись прямые инвестиции в действующие в России акционерные предприятия*"[21].

Из расчёта государственной задолженности на душу населения Россия к 1913 г. занимала в Европе только десятое место (53 руб. на каждого жителя империи), значительно отставая от признанного лидера среди стран-должников – Франции (253 руб.)[22].

---

[20] *Бовыкин В. И. и др.* Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки / В. И. Бовыкин и др. М. : РОССПЭН, 2007. С. 11.
[21] Там же. С. 5–6.
[22] *Петров Ю.* Указ. соч.

По размерам государственного долга Россия в мировой табели шла на втором месте после Франции и на первом – по абсолютным размерам связанных с займами платежей. В российской официальной статистике займы подразделялись на внешние и внутренние в зависимости от предполагаемого места их реализации. Однако в действительности часть внешних займов реализовывалась в России, а облигации внутренних выпусков нередко приобретались заграничными держателями. Примечательно, что долг внутренний, несмотря на шумную кампанию в правой и леворадикальной прессе против растущего "закабаления" России иностранным капиталом, рос опережающим темпом по сравнению с внешним, что свидетельствовало о постепенной переориентации займовой политики на внутренние резервы[23].

Франция действительно являлась главным заимодавцем Российского императорского правительства. В ней было размещено без малого 60 % русских фондов за границей. "*Подчеркнём, однако*, – пишет д-р ист. наук Ю. А. Петров, – *что часто звучавший в советской литературе мотив о политической подоплёке внешних операций российской казны, о переходе России от германской к французской ориентации под влиянием смены финансовых приоритетов при всей своей внешней убедительности не находит подтверждения в исторической реальности*"[24]. Приводимая ниже таблица убедительно опровергает миф о финансовой кабале, в которой якобы пребывала Россия.

Таблица

Государственный долг мировых держав на 1907 г. (млн руб.)

Страна	Сумма долга	Платежи по займам	Расходная часть бюджета	Платежи к бюджету (%)
Франция	11310	359	1358	26,4
Россия	8894	390	2028	19,2
Великобритания	7154	255	1356	18,8
Германия	5035	189	2283	8,3
США	1734	47	1355	3,5

Мигулин П. П. Русский государственный кредит (1769–1906). Опыт историко-критического обзора / П. П. Мигулин. Харьков, 1907. С. 1192.

[23] *Петров Ю.* Указ. соч.
[24] Там же.

Миф о "кабальной зависимости" России от французских займов опровергается отсутствием какого-либо решающего влияния французских правящих кругов на русскую внешнюю политику, хотя, естественно, интересы Франции как союзника учитывались.

В январе 1914 г. французский посол в Петербурге Морис Палеолог в разговоре с сенатором Александром Феликсом Жозефом Рибо довольно верно определил характер франко-русского союза: "*В нынешнем европейском положении дел нет чисто русских или чисто французских вопросов. Есть два соперничающих блока: Тройственный союз и Тройственное Согласие*"[25]. Жаль, конечно, что сам Палеолог, как и его начальство в Париже, постоянно об этом забывали, что было проявлением общей вековой эгоистической природы внешней политики Запада в отношении России. Петербург игру вёл честно, но не забывал о своих национальных интересах. Ярким примером этому служит попытка Парижа втянуть Россию в войну на Балканах осенью 1912 г., когда между Веной и Белградом возникло острое соперничество из-за стремления Сербии обеспечить себе выход к Адриатическому морю. Вопрос этот не имел важного значения даже для Петербурга, тем более для Парижа, который всегда подчёркивал, что русские интересы на Балканах ни в коей мере не могут стать причиной участия Франции в войне против Австро-Венгрии.

Ситуация резко изменилась 25 октября (7 ноября) 1912 г., когда Р. Пуанкаре неожиданно сообщил императорскому послу в Париже А. П. Извольскому, что Франция в настоящий момент признаёт австро-сербский спор подпадающим под действие франко-русской конвенции. Говоря другими словами, Франция выражала свою готовность вступить в войну против Австро-Венгрии, если та нападёт на Сербию. Пуанкаре стал делать громкие заявления, что на Балканах нарушаются именно французские интересы, и что Франция может быть вовлечена в войну на Балканах[26].

Причина этого изменения курса французского правительства заключался в том, что как правительство III Республики, так

---

[25] Journal de M. Paléoloque du 1er février 1914 // Au Quai d'Orsay à la veille de la Tourmente. Journal, 1913–1914. P. 1947. P. 283.

[26] Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. М., 1922. С. 296.

и Форин-офис считали наступивший момент наилучшим для начала войны с Тройственным союзом. К этому времени под эгидой Петербурга был создан Балканский союз, серьёзно изменивший расклад сил в Европе и резко ослабивший позиции германских империй. Русский посланник в Софии А. В. Неклюдов сообщал в Петербург, что "*известная и влиятельная часть английского политического мира*" желает воспользоваться балканским кризисом, "*дабы вызвать путём столкновения России и Австрии войну между двумя среднеевропейскими державами и державами Тройственного согласия, имея при этом главной и конечной целью истребление германского флота и разорение Германии*"[27].

Ход этой войны виделся в Париже следующим образом. Австрия нападает на Сербию, которую автоматически поддерживает весь Балканский союз и Россия, к последним присоединяется Франция. Германия объявляет войну России и Франции, но план Шлиффена нарушен, так как Австро-Венгрия вынуждена воевать на два фронта: с Балканским союзом и с Россией. В связи с этим Германия будет вынуждена начать свои действия сначала против России. Англия нападёт на Германию на море. Тем временем Франция в любом случае избежит первоначального и самого сильного удара германских войск. То, что главный удар примет на себя Россия, – Париж волновало мало. Там опасались, что сложившаяся на Балканах крайне выгодная ситуация, как там считали, может измениться и тогда Франция подвергнется нападению Германии в гораздо худших для неё условиях. Поэтому французы нагнетали обстановку и уверяли Петербург, что Австрия вот-вот начнёт войну против Сербии. Париж выражал недовольство, что Россия всячески пытается смягчить ситуацию. Николай II твёрдо не желал войны. Это ярко продемонстрировало совещание у Государя 28 октября (10 ноября) 1912 г. На нём военный министр генерал В. А. Сухомлинов предложил объявить мобилизацию Киевского и Варшавского военных округов и подготовить мобилизацию Одесского военного округа. Но Николай II не поддержал этого плана, заявив, что его осуществление может привести к войне[28]. Государь сказал: "*Я не допускаю мысли о войне. Мы к ней не готовы*".

---

[27] *Бовыкин В. И.* Из истории возникновения Первой мировой войны. От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения / В. И. Бовыкин. М., 1972. С. 146.
[28] *Ефремов П. Н.* Указ. соч. С. 167.

В декабре 1912 г. из русского Главного штаба сообщили французскому военному министерству, что в Петербурге "*не верят в нападение Австрии на Россию, а войну Австрии против Сербии считают крайне маловероятной*"[29]. Более того, французскому представителю в Главном штабе заявили, что даже если бы Австро-Венгрия напала на Сербию, то и тогда Россия в войну бы не вмешалась. Такой ответ произвёл в Париже удручающее впечатление. А. П. Извольский сообщал, что "*Пуанкаре и весь состав кабинета крайне озадачены и встревожены*"[30]. 16(29) марта 1913 г. С. Д. Сазонов писал А. П. Извольскому, что "*политические интересы России на Ближнем Востоке отнюдь не совпадают с экономическими и финансовыми интересами европейских держав, в том числе и Франции*"[31].

6(19) февраля 1913 г. в Петербург прибыл новый посол III Республики, крупный политик Т. Делькассе, до этого занимавший должность Морского министра. Советская историография пыталась представить назначение Делькассе как признак "*зависимости царской России от Франции*". Дескать, отношения между Россией и Францией носили неравноправный характер и приезд Делькассе был призван подтолкнуть неготовую Россию к войне. В качестве "доказательств" приводились изменения, которые претерпела конвенция 1892 г. в ходе совещания начальников генеральных штабов России и Франции в период с 1900 по 1913 гг.

Так, П. Н. Ефремов утверждал, что на совещании начальников генштабов 19 июня (2 июля) 1900 г. по настоянию французской стороны были внесены коррективы, которые "*ставили Россию в неравное положение*"[32]. Эти коррективы, по мнению П. Н. Ефремова, заключались в следующем: п. 2 Русско-французской конвенции 1892 г. предусматривал, что в случае мобилизации хотя бы одного из участников Тройственного союза, Россия и Франция, не ожидая никаких дополнительных консультаций и соглашений, немедленно начинают мобилизацию своих вооружённых сил. В 1900 г. на совещании начальников генеральных штабов генералов

---

[29] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 86. Л. 21.
[30] Там же. Л. 14.
[31] *Бовыкин В. И.* Из истории возникновения Первой мировой войны. С. 160.
[32] *Ефремов П. Н.* Указ. соч. С. 224.

А. Делана и В. В. Сахарова в этот параграф было внесено изменение, по которому в случае частной мобилизации одного из союзников Германии (Австрии или Италии), для ответной мобилизации Франции и России требовались дополнительные консультации. П. Н. Ефремов полагал, что это изменение "*заостряло конвенцию в основном против Германии, за счёт того, что главный противник России на Балканах – Австро-Венгрия – отходил на второй план. Что касается Италии, то в этот момент её отношения с Францией значительно улучшились*"[33].

В этом выводе превалируют лукавство и историческая натяжка. Автор рассматривает русско-австрийские отношения 1900 г. с позиции 1909–1914 гг., когда Австро-Венгрия и Россия находились в состоянии нарастающей вражды. Между тем в 1900 г. Австрия не была для России противником на Балканах. Подписанный в 1897 г. договор между двумя империями о сохранении status quo неукоснительно соблюдался, так как обе державы были в нём заинтересованы. Высокопоставленный чиновник МИДа барон Б. Э. Нольде называл этот период в русско-австрийских отношениях "*безмятежной полосой*"[34]. Таким образом, отношения между Россией и Австро-Венгрией в 1900 г. были ничуть не хуже, чем отношения между Францией и Италией. П. Н. Ефремов не указывает главной причины, по которой стороны пошли на изменение п. 2. Оно было вызвано большей долей уверенности, главным образом со стороны Франции, в скором распаде Австро-Венгрии и опасением, что Германия или Италия будут претендовать на территории своей соседки[35]. Теоретически нельзя было исключать военного противостояния между Австро-Венгрией и Италией и даже между Австро-Венгрией и Германией. В таком случае, мобилизация австро-венгерских или итальянских войск, конечно, не требовала мобилизации войск России и Франции. Поэтому стороны и признали, что "при известных обстоятельствах" в случае объявления мобилизации только в Австро-Венгрии и в Италии, но не в Германии, для

[33] *Ефремов П. Н.* Указ. соч. С. 224.
[34] *Нольде Б. Э.* Далёкое и близкое. Исторические очерки / Б. Э. Нольде. Париж : Современные записки, 1930. С. 55.
[35] Procès-verbal de la rencontre des deux chefs d'état-major le 19 juin/2 juillet 1900 // SHAT. 1K 666.

обеих союзниц "*может оказаться неудобным*" провести мобилизацию автоматически "*без предварительного соглашения*", как этого требовал п. 2 военной конвенции.

Вторым пунктом рассматриваемых на совещании генштабов вопросов было обсуждение программы соглашения против Англии для действий в Азии и Африки[36]. П. Н. Ефремов утверждает, что этот пункт также был выгоден Франции, так как она только что столкнулась с Англией у Фашода в Сирии, который едва не привёл к англо-французскому военному столкновению. Но П. Н. Ефремов совершенно игнорирует тот факт, что на начало XX в. именно Англия являлась главным потенциальным противником России. Англо-русские интересы сталкивались и в проливах, и на Дальнем Востоке. Война с Англией была весьма вероятной для России. Поэтому на тот момент Петербург был заинтересован в совместных действиях против Англии не меньше, а может быть, даже больше Парижа. Всё вышесказанное убедительно доказывает, что в никакое "неравное положение" Россия на совещании 1900 г. поставлена не была. Более того, уже в феврале 1901 г. на совещании генералов Ж.-М. Пендезека и В. В. Сахарова поправка в п. 2 была скорректирована в интересах России в том смысле, что предварительное соглашение требовалось только на случай частичной мобилизации Австро-Венгрии или Италии. В случае же общей их мобилизации таковая должна была бы последовать автоматически и во Франции, и в России[37].

П. Н. Ефремов утверждает, что "*особенно чувствительно интересы России были ущемлены на третьем совещании, состоявшемся в апреле 1906 г.*" Якобы начальник русского Генштаба генерал Ф. Ф. Палицын был вынужден согласиться с французским требованием, чтобы в случае войны на германский фронт было направлено значительно больше русских солдат, чем ранее планировалось. Палицын вроде бы согласился и на то, что французская сторона во изменение своих прежних обязательств выступить против Германии на 10-й день мобилизации, соглашалась к этому

[36] MAE, Procès-verbal de l'entretien du 8/21 février 1901 entre les chefs des états-majors généreaux des armées française et russe, les généraux Pendezec et Sakharoff, NS Russie. Vol. 35. F. 18.
[37] Ibid.

сроку лишь подготовить своё наступление. Франция также добилась того, чтобы взятые ею на себя обязательства о военной поддержке России не распространялись на случай выступления против России одной Австро-Венгрии.

Непонятно, на какие источники опирался П. Н. Ефремов, сообщая подобные сведения. На совещании 1906 г. было подтверждено, что соглашение 1892 г. имеет в виду нападение Германии на Францию и Россию. При этом было указано, что Австрия и Италия рассматриваются лишь как возможные союзники Германии. Это было вызвано изменившейся политической обстановкой, когда разногласия в Тройственном союзе давали возможность предполагать о возможном его распаде, а вовсе не о "подчинённом положении" России в отношении Франции. Германская армия по-прежнему оставалась главным потенциальным противником обеих держав. Было также решено, что мобилизация германской армии обязывает Францию и Россию немедленно мобилизовать все силы по первому известию о таком событии и без предварительных консультаций. В случае частичной или даже полной мобилизации только Австрии и Италии такие консультации необходимы. То есть стороны вернулись к решениям совещания 1900 г.[38]

Вообще германская тема волновала обоих начальников штабов меньше ввиду её очевидности. Гораздо больше генерала Палицына беспокоила координация действий союзников против Англии. Русское военное ведомство не было проинформировано о начале тайных переговоров между Россией и Англией о возможном соглашении по разделу сфер влияниях. МИД, который был в курсе этих переговоров, наоборот, стремился устранить всё то, что могло быть истолковано как враждебные действия в отношении Лондона. Поэтому в письме генералу Палицыну от 25 апреля 1906 г. граф В. Н. Ламздорф подчёркивал, что протоколам соглашений двух генштабов "*при настоящей политической обстановке и значительном сближении нашем с Англией,* ***следовало бы сохранить характер обмена мыслей****, как то было с некоторыми предыдущими того же рода протоколами и не облекать его, по крайней мере, ныне*

[38] *Валентинов Н.* Военные соглашения России с иностранными государствами до войны / Н. Валентинов // Русская армия в Великой войне: Военно-Исторический сборник. Вып. 2. М., 1919. С. 106.

в окончательную, утверждённую обоими правительствами форму"[39]. Что и было сделано: материалы совещания 1906 г. так и остались лишь намерениями сторон. По указанию Николая II А. П. Извольский отказался утверждать протокол этого совещания[40].

Таким образом, "неравноправное положение" России, в которое она якобы была поставлена Францией на совещании 1906 г., является такой же фикцией, как и подобные утверждения о предыдущих и последующих совещаниях начальников генеральных штабов. Причина, по которой советская историография постоянно навязывала мысль о подчинённости России Франции, заключалась в обязательной идеологической установке о финансовой зависимости "царизма" от французского капитала – установке ложной и несостоятельной.

---

[39] *Валентинов Н.* Указ. соч. С. 107.

[40] *Астафьев И. И.* Русско-германские дипломатические отношения. 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения) / И. И. Астафьев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 67.

Глава 3

ПРИЧИНЫ СБЛИЖЕНИЯ РОССИИ С АНГЛИЕЙ

МИФ О ЗАВИСИМОСТИ РУССКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ОТ ЛОНДОНА

"ЗАПИСКА ДУРНОВО": ПРАВДА И ВЫМЫСЛЫ

В новой международной обстановке, сложившейся под влиянием военных неудач и революции 1905–1907 гг., Николаю II пришлось внести принципиальные изменения в свою внешнюю политику. Теперь Россия уже не была настолько сильна, чтобы проявлять активность одновременно в Европе, Центральной Азии и на Дальнем Востоке. По оценке Министерства иностранных дел, безопасность России к 1906 г. оказалась под угрозой "*на всём протяжении её восточных границ...*"[1].

Если раньше Николай II ставил своей главной целью продвижение России на Восток при сохранении добрососедских отношений на Западе, то теперь речь шла о временном отказе от восточной экспансии и переключении внешней политики на Запад. Первой и самой важной причиной этого было катастрофическое положение с финансовыми средствами в России. Внутренний кризис вызвал падение курса российских государственных облигаций, вынудив правительство выплачивать по ним высокие проценты. В ходе революции 1905–1907 гг. российские облигации, обращавшиеся в Западной Европе, существенно упали в цене.

Напуганные ростом революционного движения представители российских деловых кругов и другие состоятельные люди стали в срочном порядке переводить золотые рубли в заграничные банки и тем самым ещё более усложнили финансовое положение России. Появилась реальная угроза, что недавно созданная система золотого обращения рубля может рухнуть.

---

[1] *Греков Н. В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы / Н. В. Греков. М. : МОНФ, 2000. С. 46.

В этих условиях Николай II одобрил курс на поиски компромисса с Великобританией. На первый взгляд этот шаг выглядел весьма необычным, так как в начале XX в. Англия была главным геополитическим противником России, а Николай II с юных лет воспринимал Лондон как врага. 25 марта 1895 г. министр иностранных дел А. Б. Лобанов-Ростовский докладывал Николаю II: "*Главный и самый опасный противник наш в Азии – бесспорно Англия*"[2].

В 1896 г. Великий князь Алексей Александрович в своей письменной рецензии на книгу М. И. Кази "*Русский военный флот, его современное состояние и задачи*", предоставленной Николаю II, с возмущением отмечал: "*Автор брошюры принадлежит к числу лиц, которые считают Англию нашим главным неприятелем*". На что Государь на полях написал: "*К этому я вполне присоединяюсь, как всякий русский, знающий родную историю*"[3].

Однако под влиянием военных неудач и революции 1905–1907 гг. Николаю II пришлось временно отказаться от восточного внешнеполитического направления и переключить его на Запад. Политику Николая II этого периода хорошо определил Н. В. Греков: "*Уклончивая тактика Петербурга нервировала и Лондон, и Берлин. Обе группировки стремились привлечь Россию на свою сторону, так как она по-прежнему обладала самой многочисленной армией в мире. Петербург же, опираясь на поддержку то Берлина, то Лондона, пытался упрочить свою внешнюю безопасность*"[4].

Между тем перед лицом всё более растущей германской экспансии в Лондоне тоже искали взаимопонимания с Россией. В 1906 г. начальник русского Генерального штаба генерал Ф. Ф. Палицын писал, что Англия стремится сделать войну с Германией "*невероятною путём создания англо-французского и англо-русского соглашений и затем вести борьбу с германской державой только торгово-экономическую*"[5].

---

[2] Всеподданнейшая записка министра иностранных дел князя А. Б. Лобанова-Ростовского. 25 марта/6 апреля 1895 г. // Красный Архив. Исторический журнал.

[3] Записка Великого князя Алексея Александровича по поводу брошюры Кази: "Русский военный флот, его современное состояние и ближайшие задачи". С пометами Императора Николая II // государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 440. Л. 8.

[4] *Греков Н. В.* Указ. соч. С. 26.

[5] Генерал Ф. Ф. Палицын – А. П. Извольскому. 22 сентября 1906 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Л. 119.

Подобные планы Лондона отвечали интересам русской внешней политики по сдерживанию не считающегося ни с кем Берлина. С другой стороны, сохранение нормальных отношений с Германией должно было, по замыслу Государя, сдерживать экспансионистские планы Лондона.

В этих условиях стало возможным англо-русское сближение. Стараниями советской историографии это сближение, закончившееся соглашением 1907 г., принято воспринимать как присоединение России к Антанте, то есть создание военного союза Англии, России и Франции против Германии. Но "*царская дипломатия воспринимала это соглашение только как элемент "политики неприсоединения и лавирования между двумя блоками держав*"[6].

Русско-английская договорённость 1907 г. была вызвана стремлением обоих государств разграничить сферу влияния в Азии и договориться о взаимовыгодных уступках в других регионах. Причиной того, что и в России, и в Англии пришли к выводу о необходимости такого сближения, стало упорное стремление рейха проникнуть в геополитические регионы, представляющие исключительный интерес как для Англии, так и для России.

Тем временем Германия активно распространяла своё влияние в Турции. Именно этот фактор английский дипломат сэр Артур Никольсон считал весьма важным противоречием в русско-германских отношениях. "*Интересы России и Германии,* – писал он министру иностранных дел Эдварду Грею, – *нигде прямо не сталкиваются, за одним исключением, правда, очень большим: я имею в виду германскую политику по отношению к Оттоманской империи*"[7].

Россия была заинтересована в усилении своего союза с Францией и в договорённостях о разграничении сфер интересов с Англией, договор с которой позволил бы Петербургу не беспокоиться за свои восточные рубежи и приступить к активной политике в Европе. Соперничество с Англией становилось для России обременительнее, чем договорённость с нею.

В Лондоне понимали, что в случае прекращения действия франко-русского союза поражение Франции в войне с германским рейхом неминуемо. Тогда Германия будет доминировать в Европе,

---

[6] *Греков Н. В.* Указ. соч. С. 50.

[7] Sir Arthur Nicolson to Sir Edward Grey // British Documents. Vol. III. P. 209.

а Англия обречена на огромные уступки, граничащие с потерей ею статуса великой державы. Больше всего Англию пугал германский военный флот, который стремительно развивался, и она этому ничего не могла противопоставить. Было очевидно, что через десяток лет немцы вполне смогут соперничать с англичанами на море. Король и Грей считали Германию гораздо большей угрозой своему могуществу, "*чем Россию, с её призрачными угрозами Индии*"[8].

Ещё больше, чем германская военная угроза, Лондон тревожила торгово-экономическая экспансия рейха[9]. С. Д. Сазонов, тогда советник русского посольства в Лондоне, сообщал: в Англии уверены, что Германия вытесняет её из всемирных рынков[10].

Дальнейший рост германского экономического могущества полностью подтвердил эти опасения. За период с 1887 по 1911 гг. увеличение роста производства чугуна в Германии составило 387 %, производство стали – 1375 %. (Для сравнения за тот же период Англия увеличила производство чугуна только на 30,6 %, стали – на 154,0 %.)[11]

Но Германия не только производила чугуна и стали больше, чем Англия, она ещё и вывозила их в большом количестве, причём вывозила в английские и французские колонии. Она быстро захватывала нужные ей экономические рынки в чужих колониях. В Австралийский союз, в Алжир, в Канаду, в Британскую Индию и в Азиатскую Турцию Германия в целом вывозила во много раз больше, чем в принадлежащие ей Самоа, Новую Гвинею и Камерун[12].

В Лондоне все больше приходили к мысли, что ослабление России в ходе русско-японской войны (которому он столь содействовал) рикошетом ударило по нему самому, оставив один на один с Берлином. "Вестминстерская газета" писала: "*Россия рассматривала себя как хранительницу равновесия в Европе. Последние события*

---

[8] *Баиов А. К.* Истоки великой мировой драмы и её режиссёры / проф. А. К. Баиов. Таллин ; Ревель, 1927. С. 49.

[9] *Остальцева А. Ф.* Англо-русское соглашение 1907 года. Влияние русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав / А. Ф. Остальцева. Саратов : Изд. Саратовского ун-та, 1977. С. 162.

[10] АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. Д. 98. Л. 70.

[11] *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 10.

[12] Там же. С. 11.

в Европе показали, что Германия имеет первенство в Европе и намерена использовать это преимущество для практических целей. Мы узнали, что ослабление России означает усиление Германии, и ничем нельзя этому помещать"[13]. В Берлин из посольства в Лондоне поступали сообщения о том, что "*бритты жалуются, что вследствие краха России, Германия на Западе сделалась всемогущей*"[14].

По итогам Альхесирасской конференции Э. Грей сделал следующий вывод: "*Если необходимо держать Германию в узде, то это можно сделать только тогда, когда будет обеспечено соглашение между Россией, Францией и нами. Настоящий момент не благоприятен для обуздания Германии*"[15].

Как Петербург, так и Лондон крайне беспокоило усиление германской экспансии в Османской империи и в Персии. В России были встревожены все растущими усилиями немцев за право строительства Багдадской железной дороги, что в случае их реализации могло позволить турецкому командованию свободно перебрасывать свои войска к кавказской границе Российской империи. В Лондоне опасались, что с турецкой территории Германия могла реально угрожать Индии и британским стратегическим позициям в Египте. Англичане были озабочены также тем, чтобы не допустить вытеснения своей торговли из Месопотамии[16].

Целесообразность договариваться с Англией была обусловлена для России положением дел на Дальнем Востоке, в Тибете и Афганистане. Министр иностранных дел А. П. Извольский на совещании правительства 7 сентября 1906 г., говоря о необходимости соглашения с Великобританией, утверждал: "*Нам предстоит сделать выбор между соглашением, способным надёжно обеспечить хотя бы часть наших интересов, и соперничеством в таких условиях, при которых мы лишены уверенности, что вопросы, близко нас касающиеся, не будут решаться помимо нас и в ущерб нашим интересам*"[17].

---

[13] *Остальцева А. Ф.* Указ. соч. С. 95–96.
[14] Там же. С. 95.
[15] Memorandum of Sir Edward Grey. 20.02.1906 // British Documents. Vol. III. P. 209.
[16] *Туполев Б. М.* Происхождение Первой мировой войны / Б. М. Туполев // Новая и новейшая история. 2002. № 4.
[17] Журнал совещания 7 сентября 1906 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.

18(31) августа 1907 г. в Петербурге А. П. Извольским и А. Никольсоном была подписана англо-российская конвенция относительно Персии, Афганистана и Тибета. Правительства России и Великобритании обязались взаимно уважать целостность и независимость Персии и отказались от вмешательства во внутреннюю политику персидского правительства. Сама страна была поделена на зоны влияния: северную – русскую и южную – английскую[18]. Афганистан оставался вне сферы влияния России, а в Тибете стороны признавали сюзеренные права Китая над ним и сохранение существующего порядка внешних сношений Тибета[19]. Англо-русское соглашение прошло своего рода торжественную ратификацию 27–28 мая 1908 г. при обмене тостами во время встречи императора Николая II и короля Эдуарда VII на рейде порта Ревеля.

Таким образом, ни о каком военном союзе между Россией и Англией в 1907 г. речи не шло. Обе державы, которые ещё совсем недавно были потенциальными противниками, не стремились бросаться в объятия друг к другу даже перед лицом растущего военного могущества Германии. Русско-английская договорённость 1907 г. была вызвана обоюдным их стремлением разграничить сферу влияния в Азии и договориться о взаимовыгодных уступках в других регионах. Англо-русское соглашение не было направлено против Германии, войны с которой не хотели ни в Петербурге, ни в Лондоне. Оно лишь было призвано удержать Берлин от безудержной экспансии.

Между тем сближение с Англией вызвало в консервативной части русского общества сильное беспокойство. Сам факт, что Россия сделала шаг навстречу своему исконному противнику, вызывал у русских консерваторов опасения и неприятие. Особенно сдержанно относились к сближению с Лондоном военные круги. 15 декабря 1906 г. начальник Морского Генерального штаба вице-адмирал Л. А. Брусилов подал Николаю II записку, в которой утверждал, что Англия стремится уничтожить мощь России на суше, а Германии – на море. Заручившись поддержкой России и Франции, считал Брусилов, Англия зажмёт Германию в тиски, и та будет

[18] Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). С. 388.

[19] Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 2 : Первая мировая война. Документы и материалы. С. 19–24.

вынуждена напасть на Россию, как на менее подготовленного противника. Брусилов считал, что сама Англия не вступит в войну, а пожнёт её плоды[20]. Как известно, эти предположения не оправдались.

Начальник главного управления Генерального штаба генерал Ф. Ф. Палицын был за англо-русское соглашение, пока России не будут обеспечены "значительные преимущества"[21].

Не были довольны сближением с Англией и правые консервативные круги. Видный деятель Союза Русского Народа Н. Е. Марков утверждал: "*Лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией*"[22]. Профессор Казанского университета В. Ф. Залесский писал: "*При теперешних условиях война России и Германии гибельна для обоих государств. Сближение с нашим заклятым врагом Англией – тому порукой. Несмотря ни на какие союзные договоры, Англия в решительный момент нас предаст и, дождавшись полного истощения сил Германии и России в предстоящей губительной войне, одна получит выгоды от этого самоистребления арийской расы*"[23].

Но наибольшую известность получил документ, который принято называть запиской члена Государственного совета П. Н. Дурново. Эту "записку" он якобы подал Государю в феврале 1914 г. Документ получил невероятную популярность у наших современников, многие из них поражаются "политическим предвидением" этого действительно выдающегося государственного деятеля. Сегодня Петра Николаевича Дурново стало модно называть "русским Нострадамусом". Действительно, первое впечатление от записки не может не потрясать. Дурново предупреждал, что "*главная тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю, роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам; все неудачи будут приписаны Правительству; побеждённая армия окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом*

[20] *Данилов О. Ю.* Указ. соч. С. 86.
[21] *Лунёва Ю. В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны. (1907–1914) / Ю. В. Лунёва. М. : Квадрига, 2010. С. 17.
[22] Цит. по: Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи // сост. Репников А. В., Рудая Е. Н., Иванов А. А. М. : РОССПЭН, 2014. С. 394.
[23] Русские масоны в эмиграции. Париж, 1942. С. 5.

законности и порядка; законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддаётся даже предвидению".

В конце "записки" следовал вывод: "*Совокупность всего вышеизложенного не может не приводить к заключению, что сближение с Англией никаких благ нам не сулит и английская ориентация нашей дипломатии по своему существу глубоко ошибочна. С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за неё с Германией нам не приходится*".

Дурново считал, что будущее принадлежит не союзу России с Францией и Англией, а "*несравненно более жизненному тесному сближению России, Германии, примирённой с последнею Франции и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японии*". При этом он считал само собой разумеющимся, что и Германия пойдёт "*навстречу нашим стремлениям восстановить испытанные дружественно-союзные с нею отношения и выработать, по ближайшему соглашению с нами такие условия нашего с нею сожительства, которые не давали бы почвы для противогерманской агитации со стороны наших конституционно-либеральных партий, по самой своей природе вынужденных придерживаться не консервативно-германской, а либерально-английской ориентации*"[24].

"Записку Дурново" некоторые увлекающиеся, иногда вполне сознательно, исследователи ставят Государю в упрёк: дескать, не послушался такого умного человека. Прежде чем анализировать приведённый выше текст с точки зрения политических реалий того времени, зададимся вопросом: а существовал ли он на самом деле и был ли с ним знаком Государь? Исследователь этого вопроса д-р ист. наук А. А. Иванов, склонный полагать, что такой документ существовал, пишет: "*Пророческий характер записки П. Н. Дурново, ставшей широко известной уже в послереволюционное время, даже порождал иногда сомнения в её подлинности*"[25]. А. А. Иванов уверен,

---

[24] Записка П. Н. Дурново // Свет и тени Великой войны. С. 58–73.

[25] *Иванов А. А.* Правые в русском парламенте. От кризиса к краху / А. А. Иванов. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2013. С. 84–85.

что данный документ существовал, так как данный текст видели разные люди ещё до революции, например графиня М. Ю. Бобринская, которая в письме к А. И. Солженицыну утверждала, что она читала "записку" ещё до революции и потому может ручаться за её достоверность[26]. Машинописные копии "записки", причём в старой орфографии, сохранились среди бумаг патриарха Тихона (Белавина) и в фонде протоиерея Иоанна Восторгова, в который входят документы до 1918 г.[27] В различных архивах также имеются копии "записки"[28], не всегда совпадающие с общеизвестным оригиналом. Что это доказывает? Только то, что возможно с дореволюционных времён имеется некий текст, который известен как "Записка Дурново". Принадлежало ли её авторство действительно Дурново, или это апокриф, сегодня точно сказать невозможно. Мы знаем, что имеются так называемые "телеграммы Г. Е. Распутина", написанные неустановленными лицами, знаем о существовании "писем" Николаю II никогда не существовавшей масонской ложи "Мезори" и т.п. Но даже если предположить, что Дурново имел отношение к этой "записке" совсем не очевидно, что это был документ, предназначенный для Государя и переданный ему.

Впервые "записка" была опубликована на немецком языке в германском еженедельнике "Reichswart", который издавал немецкий публицист консервативного направления граф Эрнст цу Ревентлов, будущий член НСДАП[29]. Этот факт весьма важен, так как мы сможем убедиться, что история "записки" постоянно связана с крайне правыми прогерманскими кругами. Отечественная историческая наука впервые заговорила о "записке" как о реально существующем документе в 1922 г., когда в журнале "Былое" появилась статья Е. В. Тарле "Германская ориентация П. Н. Дурново"[30]. Тарле сразу же окутал "записку" туманом таинственности, заявив, что она "*даже не всем министрам была сообщена; только после революции она сделалась известной нескольким лицам, которым случайно*

[26] Цит. по: Свет и тени Великой войны. С. 52.
[27] Свет и тени Великой войны. С. 53.
[28] Подробно см.: *Иванов А. А.* Указ. соч. С. 85.
[29] Свет и тени Великой войны. С. 51.
[30] *Тарле Е. В.* Германская ориентация П. Н. Дурново / Е. В. Тарле // Былое. 1922. № 19.

попал в руки литографированный экземпляр её". Здесь следует отметить, что приведённая выше фраза свидетельствует, что Тарле не был знаком со стилем работы Государя. Николай II очень редко знакомил других людей, включая министров, с направляемыми ему секретными или личными записками и сообщениями. А если "записка" была официальной, то она не могла не оставить хоть каких-нибудь следов в официальном делопроизводстве. Но подобных следов на сегодняшний день не существует. Кроме того, если бы "записка Дурново" была действительно официально поданой Государю запиской, то она должна быть соответствующим образом оформлена. Вот, например, как начиналась записка Л. А. Тихомирова на Высочайшее Имя по поводу необходимости созыва Поместного собора: "*Ваше Императорское Величество Всемилостивший Государь. Осмеливаясь повергнуть на Ваше Высочайшее внимание прилагаемую статью мою "Безотлагательность Поместного Собора", я позволю себе, во имя чрезвычайной важности обстоятельств…*" и т.д.[31] Записка Тихомирова заканчивается следующим обязательным комплиментом: "*Вашего Императорского Величества верноподданный, редактор, издатель "Московских ведомостей" Лев Тихомиров. Москва, Камергерский переулок, дом 8*". Следует отметить, что в короткой записке Тихомирова обращение к императору полным титулом встречается 11 раз. А в весьма длинной "записке Дурново" – ни разу! То есть из "записки Дурново" никак нельзя сделать вывод, что она была адресована Николаю II. Кроме того, в ней отсутствуют любые сведения о пометах Государя, что совершенно исключено, если бы он действительно ознакомился с докладом такого крупного государственного чиновника, как П. Н. Дурново. Утверждение Тарле, что каким-то людям был известен лишь литографический экземпляр "записки", лишний раз свидетельствует о том, что мы имеем дело не с официальным документом, а с некой перепечаткой непонятного происхождения.

Примечательно, что в том же 1922 г. о "записке Дурново" сообщил эмигрантский журнал "Луч света", выходивший в Мюнхене[32].

---

[31] *Тихомиров Л. А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос / Л. А. Тихомиров ; ред. М. Б. Смолин. М. : Лабиринт, 2003. С. 430.

[32] Прозорливый министр // Луч света. Литературно-политическое издание. Мюнхен, 1922. Кн. IV.

В предисловии к статье "Прозорливый министр" редактор журнала полковник Ф. В. Винберг, известный своими крайне правыми и германофильскими взглядами, сообщал, что он получил от капитана 2-го ранга Г. П. Графа текст статьи, автором которой являлся другой бывший морской офицер, капитан 1-го ранга Г. Н. Коландс, проживавший в США. Статья первоначально была написана на английском языке, так как Коландс намеревался её напечатать в Америке, но там ни одно печатное издание на это пойти не решилось. Винберг в своем стиле поспешил объяснить читателю причину этого нежелания: "*Жиды, распоряжающиеся американской печатью ещё более властно, нежели европейской, никогда не допустили бы опубликования правдивых сведений о России, о нашем Государе и его министре, боровшемся с революцией*"[33].

Однако действительность была гораздо сложнее, чем юдофобские выводы Винберга. Дело в том, что Коландс, утверждавший, что лично знал П. Н. Дурново с детства, в эмиграции был тесно связан с А. И. Гучковым. А главная "копия" пресловутой "записки" находится в Бахметьевском архиве США в фонде П. Л. Барка, последнего министра финансов Российской империи. Укажем, что Барк сыграл тёмную и до конца невыясненную роль в Февральском перевороте, оказав заговорщикам весьма ценные услуги. Примечательно, что назвать документ, хранящийся в фонде Барка, копией – невозможно. Он напечатан на машинке по новой орфографии, без каких-либо шапок, обращений и дат. Число 14 февраля 1914 г. написано на первом листе "записки" от руки и, по всей видимости, самим П. Л. Барком.

Полностью "записка Дурново" была напечатана в журнале "Красная Новь"[34]. Её предваряла вступительная статья М. Павловича (псевдоним Михаила Лазаревича Вельтмана). Главный смысл статьи заключался в попытке опровергнуть выводы Е. В. Тарле о главной ответственности Германии за развязывание войны и в стремлении выставить в качестве главного виновника Россию.

---

[33] Прозорливый министр // Луч света. Литературно-политическое издание. Мюнхен, 1922. Кн. IV. С. 300.

[34] Записка Дурново. Вступительная статья М. Павловича // Красная Новь. 1922. № 6.

Наиболее интересным является упоминание о "записке" в мемуарах генерала П. Г. Курлова, вышедших в 1920 г. в Берлине на немецком языке[35]. А. А. Иванов замечает, что в русском издании этой информации нет. Прочитав абзац из "немецких" воспоминаний Курлова, посвящённый "записке", понимаешь причину этого отсутствия. В этом абзаце Курлов рассуждает о взаимоотношениях Николая II с министрами и Государственной думой. Он уверяет, что царю приходилось иногда идти на уступки думцам и отправлять верных ему людей в отставку: "*Яркий пример этого,* – продолжает Курлов, – *замена министра внутренних дел П. Н. Дурново при П. А. Столыпине. Царь уважал П. Н. Дурново, который в тяжёлые дни революционного 1905 года твердой рукой подавлял мятежников и сохранил Россию от анархии, которую мы теперь все переживаем.* ***П. Н. Дурново видел вероятность приближающейся угрозы, что он и выразил в письме, которую ему удалось передать царю 11 февраля 1914 г., где он чётко описал, какие решительные действия необходимо предпринять, чтобы спасти Россию****. Этим также объясняется непопулярность министра, которому вынесла свой приговор серая масса. Однако царь пожертвовал верным слугой, поскольку посчитал более важным действенное сотрудничество с созданной им Государственной думой*"[36].

Фраза, касающаяся какого-то письма Дурново Государю, подчёркнута нами специально, так как она полностью выпадает из контекста. Речь в абзаце идёт о внутренней политике Николая II и о тех причинах, по которым, по мнению Курлова, был отправлен в отставку Дурново. Фраза о письме императору разрывает текст на две части. Она никак не относится к изложенной информации. Кроме того, из контекста фразы становится ясным, что речь в письме Дурново идёт опять-таки о вопросах внутренней политики ("как спасать Россию"). То есть либо эта фраза является вставкой в текст Курлова по непонятным причинам, либо речь идёт о какой-то иной "записке Дурново".

Между тем сами положения "записки", независимо от её авторства, не выдерживают серьёзной критики и полностью расходятся

[35] *Kurlov P. G.* Das Ende des Russischen Kaisertums / P. G. Kurlov. Berlin : A. Scherl, 1920.
[36] Ibid. S. 40–41.

с той международной обстановкой, какая сложилась накануне Первой мировой войны. Мысли, высказанные Дурново, были бы справедливы, если бы Россия готовилась к наступательной войне с Германией или Германия была бы нейтральным государством. Но в 1914 г. не Россия планировала нападение, **а на неё собирались напасть**. Совершенно верно пишет д-р ист. наук А. А. Иванов: "*Строго теоретически Дурново, равно как и некоторые другие русские правые, был абсолютно прав, что война собственно против России была не нужна Германии, оценивая реальные последствия такого военного конфликта для рейха; но на практике именно Германия и стремилась к этой войне, развязав её летом 1914 года*"[37].

Поэтому слова из "записки Дурново" о том, что "*Германия должна пойти навстречу нашим стремлениям восстановить испытанные дружественно-союзные с нею отношения и выработать, по ближайшему соглашению с нами такие условия нашего с нею сожительства*" звучат по меньшей мере наивно. Германия никому ничего не собиралась ни "быть должной", ни идти "навстречу", тем более России, в отношении которой у неё строились совсем иные планы.

Несостоявшимися и упрощёнными являются "предсказания Дурново" и о том, что Англия "*несмотря ни на какие союзные договоры, в решительный момент нас предаст и, дождавшись полного истощения сил Германии и России в предстоящей губительной войне, одна получит выгоды от этого самоистребления арийской расы"*. Как будто бы нас предавала одна только Англия! Как будто бы кайзер множество раз не предавал Николая II и Россию! Причём предавал вероломнее, чем англичане. Те хотя бы в "вечной дружбе" не клялись и своего политического цинизма не скрывали. Что касается "арийской расы", то, что именно имел ввиду "Дурново", вовсе неясно. В XIX в. к "арийцам" относили всех индоевропейцев, в том числе и англичан. Поэтому каким образом Англия могла стремится к подобному "самоистреблению" – непонятно. Вообще это упоминание об "арийской расе" заставляет в очередной раз сомневаться в авторстве "записки Дурново". Уж очень всё это похоже на сочинения национал-социалистов и их более ранних предшественников из различных тайных обществ. Особенно если учесть, что

[37] *Иванов А. А.* Указ. соч. С. 88.

"записка" на русском языке впервые увидела свет в Германии и не просто в Германии, а в крайне правом Мюнхене за год до "пивного путча" Гитлера. Кстати, на эту мысль, сам того не желая, нас наводит канд. ист. наук В. Н. Рябцев. Воспевая "гениальную" прозорливость "Дурново" и его идею о "*жизненном тесном сближении России, Германии, примирённой с последнею Франции и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японии"*, идею столь же нелепую, сколь и на практике неосуществимую, г-н Рябцев пишет: "*Здесь, кстати, напрашивается параллель с более поздним геополитическим проектом, который четверть века спустя выдвинул глава немецкой геополитической школы, великий К. Хаусхофер (мы имеем в виду его идею создания трансъевразийского "континентального блока")*[38].

Достаточно сказать, что "великий" Карл Хаусхофер был известнейший немецкий оккультист, "крестный" отец Третьего рейха, создатель тайного "Общества Туле", оказавший огромное влияние на Гитлера. Действительно, рассуждения якобы Дурново о "четверном союзе" гораздо больше напоминают творчество Хаусхофера, чем доклад Государю реального П. Н. Дурново.

Реальное геополитическое противостояние России и Великобритании, начавшееся в конце XVIII в. и продолжавшееся в XIX, породило в русском обществе миф о некой "всесильной" Англии, способной с помощью козней и заговоров делать чуть ли не всё что ей вздумается с ведущими государствами Европы. "*Англичанка гадит*", – говорили в русском обществе, и она действительно "гадила", но это вовсе не означает, что этого не делали другие враги России, включая Германию. Кроме того, Англия никогда не "гадила" в ущерб себе. Когда ей было выгодно, она не задумываясь шла на союз с Россией. Классический пример – наполеоновские войны. В 1801 г. Лондон напрямую участвовал в поддержке заговорщиков, убивших императора Павла, так как серьёзно опасался его сближения с Бонапартом. Но в 1812 г. тот же Лондон делал всё, чтобы помочь России в её противостоянии с Наполеоном. Делал он это, разумеется, вовсе не потому, что воспылал к ней горячей любовью.

---

[38] *Рябцев В. Н.* "Нет пророка в своём отечестве", или "Записка" П. Н. Дурново Николаю II как образец геополитического предвидения. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2014. С. 86.

Просто Наполеон стал для Великобритании врагом № 1, с которым договариваться было невозможно, его надо было только уничтожить. Лондон действовал исходя из своих интересов, но они при этом совпали с интересами России, для которой Наполеон также являлся смертельным врагом. Накануне Первой мировой войны ситуация была полностью схожей с ситуацией столетней давности.

В русской правой среде накануне Первой мировой войны получил развитие миф, о том, что Англия втягивает Россию в войну с Германией. Этот же миф поддерживается сегодня некоторыми историками и публицистами. Вот как этот миф-страшилка звучит в сочинении В. Н. Рябцева: "*Долгий период времени (даже среди просвещённой публики) не было чёткого понимания, что, по крайней мере с финальных аккордов войны с Наполеоном, Россия стала для Англии противником № 1 на европейском континенте. И к столкновению с ней (пусть и не прямо, но путём столкновения лбами немцев и русских в 1914 г.) коварные и беспощадные англо-саксы стали готовиться заранее – почти 100 лет до этого*"[39].

Этот образ "коварного Альбиона" словно сошёл с немецкого агитплаката то ли 1914, то ли 1940 гг. Дело представляется таким образом, будто бы жили-были коварная Англия, "туповатая" Россия и бесконечно "благородная" Германия. Последняя, как нас пытаются заверить, только и делала, что пыталась убедить царя в своих мирных намерениях, а тот, поддавшись влиянию англо-саксов и их "пятой" либеральной колонны, упорно эти мирные намерения отвергал. То, что подобные утверждения беспочвенны и примитивны, доказывают исторические факты. Они свидетельствуют, что император Николай II всегда воспринимал Англию как геополитического противника России и не строил по этому поводу никаких иллюзий. Хорошо понимал Николай II и суть интриг Лондона. 20 августа 1897 г. сопровождавший кайзера во время его визита в Россию статс-секретарь Бернхард фон Бюлов, будущий канцлер, писал послу рейха в Вене графу Эйленбургу о своих впечатлениях от встречи с Государем: "*Царь не делает тайны из своего антианглийского образа мыслей. <…> Политика Англии, сказал Царь, имеет целью достижение европейской войны, в которой она бы осталась в стороне, как во времена Наполеона I, так как надеется, что континентальная*

[39] *Рябцев В. Н.* Указ. соч. С. 63.

война позволит ей сохранить Египет"[40]. Пик противостояния между Петербургом и Лондоном пришёлся на русско-японскую войну, когда дело чуть не дошло до англо-русской войны. Однако после Портсмутского мира, геополитическая обстановка коренным образом изменилась: главным потенциальным противником как для Лондона, так и для Петербурга стал кайзеровский рейх. В Петербурге уже давно осознавали всю опасность постоянно растущей германской гегемонии, пред которой отступали на второй план все противоречия с Лондоном. Николай II стремился найти против кайзера сдерживающие рычаги. Для этого было необходима поддержка Великобритании, которая в свою очередь сама стремилась обезопасить себя от растущих аппетитов Второго рейха.

Договорённости с Лондоном 1907–1908 гг. о разделе сфер влияния, позволили Николаю II не опасаться противодействия англичан на Дальнем Востоке и Центральной Азии. При этом надо учитывать, что германская экспансия в Османской империи и в Персии, зоне жизненных интересов России, росла с каждым годом и по своим темпам намного опережала английскую. Договорённости с Лондоном позволяли ослабленной после русско-японской войны России сдерживать германский натиск. В свою очередь, договорённости с Петербургом позволяли Великобритании не опасаться враждебных действий или враждебного нейтралитета России в случае агрессивных действий Берлина.

Боснийский кризис 1908–1909 гг. с особой остротой проявил крайне агрессивную и враждебную позицию Германии в отношении России. Нежелание Берлина учитывать её интересы, отказ от поиска компромиссов заставляли Николая II идти на более тесное сотрудничество с Англией. В этом Государь находил встречное движение у тогдашнего английского руководства. Военный агент в Лондоне генерал-лейтенант Н. С. Ермолов докладывал в Главный штаб, что в английских правящих кругах присутствует "*желание идти дальше англо-русского соглашения, заключённого в 1907 г., и, быть может, заключить с нами нечто вроде военно-морской конвенции на случай войны с Германией*"[41]. Ермолов задавал вопрос: "*Если бы такая*

---

[40] Der Stellvertretende Staatssekretär des Auswärtigen Amtes Bernhard von Bülow an den Botschafter In Wien Grafen zu Eulenburg. 20. August 1897 // Die Große Politik. 11 Band. S. 81–82.

[41] Н. С. Ермолов – А. З. Мышлаевскому. 15/28 апреля 1909 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 912. Л. 259.

конвенция была заключена, не сильнее ли бы мы оказались перед лицом Босне-Герцеговинского кризиса, поддержанного Германией?"

Но Англия всё же не стремилась к союзу с Россией. Обмен визитами между Николаем II и Эдуардом VII рассматривался правящими кругами Англии исключительно как сдерживающий Германию фактор. Лондон считал, что, так же, как в эпоху "блестящей изоляции", он по-прежнему не нуждается в союзниках. Но в отличие от политики "блестящей изоляции", англичане делали вид, что они заинтересованы в союзнических отношениях, тем самым запугивая Берлин возможностью своего союза с Россией.

В условиях постоянно растущей германской экспансии, в начале 1914 г. Николай II предложил Лондону заключить в самом ближайшем будущем военную морскую конвенцию, на что Англия ответила согласием. Это было принципиальным изменением внешней политики Лондона, который ранее всегда старался избегать любых конвенций и соглашений, могущих втянуть его в тот или иной конфликт. Лишь начавшаяся через два с половиной месяца война помешала заключению конвенции.

Несостоятельным является утверждение о том, что Лондон якобы "втравил" Россию в войну с Германией[42]. Приводимая в качестве "доказательств" этого утверждения, например В. Н. Рябцевым, какая-то "карта Лябушера"[43], якобы напечатанная в 1890 г. в Лондоне и изданная на русском языке в 1920 г. опять-таки в Берлине и опять-таки германофильскими русскими эмигрантами, ничего кроме недоумения вызвать не может. Кстати, эта карта впервые была напечатана в 1914 г. во всё той же Германии в газете "*Auf Vorposten*"[44]. Налицо явный продукт германской военной пропаганды, призванной расколоть противоборствующий блок. Поэтому удивляет столь некритический подход к этому источнику со стороны В. Н. Рябцева. Но даже если предположить, что "карта Лябушера" действительно

[42] Особенно на этой "ниве" усердствуют писатели и публицисты, пишущие на исторические темы: главный "англофоб" Н. Стариков, С. Кремлев (Брезгун), А. Мартиросян и др. Творчество этих людей имеет отношение к чему угодно, только не к исторической науке.

[43] На этой карте вся Европа была изображена в виде собрания республик, а на месте России имелась надпись: "Русская пустыня".

[44] *Бостунич Г.* Масонство в своей сущности и проявлениях : в 2 ч. / Г. Бостунич. Белград, 1928. Ч. 1. Рис. 11.

была напечатана в Лондоне в 1890 г., то это ни в коей мере не доказывает факта "стравливания" им России и Германии в 1914 г. Факты как раз говорят об обратном: Лондон всячески стремился оттянуть, а то и вовсе не допустить своего участия в военном конфликте. Разумеется, это было вызвано вовсе не его "благородством", а неготовностью Британской империи к войне, которая могла закончиться для неё весьма плачевно. Естественно, в условиях сараевского кризиса 1914 г., Форин-офис прикладывал все усилия, чтобы начавшаяся война обошлась без участия Великобритании. Этим было вызвано и упорное стремление её руководства не объявлять войны Германии, и попытка Э. Грея добиться от Берлина гарантий нейтралитета в отношении Франции, что, в случае согласия Парижа, превращало мировую войну в русско-германскую, а так как между Петербургом и Лондоном не было соглашений о взаимопомощи, последний мог бы в такой войне и не участвовать.

Однако все эти демарши свидетельствуют лишь о традиционной циничной британской политике "вечных интересов" без "вечных друзей" и "вечных врагов", а не о "втравливании" России и Германии в войну. В 1914 г. Лондон не имел достаточных рычагов, чтобы заставить кайзера напасть на Россию. Пресловутые утверждения о "подрывной" деятельности министров-"англофилов" А. П. Извольского и С. Д. Сазонова, которой некоторые "доказывают" коварную роль Англии, совершенно беспочвенны, так как ни Извольский, ни Сазонов, ни кто-либо ещё из министров не имели никакого решающего влияния на внешнюю политику России, которая всецело определялась Николаем II. Неудачный экспромт Извольского в Бухлау, в котором проявилась не столько злая воля министра, сколько его самонадеянность и некомпетентность, привёл к его отставке и почётной ссылке в Париж в качестве посла. Сближение с Англией произошло не потому что Извольский был "англофилом", а потому что император Николай II считал это сближение выгодной комбинацией для России, уравновешивающей баланс сил в Европе. В энергичной деятельности германского и австро-венгерского правительств при подготовке и организации нападения на Россию и Сербию летом 1914 г. совершенно не проглядывается роль Лондона. Очевидно, что если бы Берлин и Вена

летом 1914 г. не захотели бы начать войну, то её бы не было, и никакая Англия, масоны и банкиры сделать бы ничего не смогли.

Другое дело, что в ходе войны в правящих кругах Великобритании взяли верх представители тайных обществ и транснационального капитала. В феврале-марте 1917 г. ведущие английские политики Дэвид Ллойд-Джордж, Альберт Мильнер, Джордж Бьюкенен активно поддерживали заговор против императора Николая II. Но действовали они в первую очередь не в интересах Великобритании, а в интересах тайного общества "Круглого Стола", членами которого они все являлись с конца XIX в.[45] "Круглый Стол" в свою очередь был тесным образом связан с американскими и европейскими тайными сообществами, ставившими своей главной стратегической целью создание мирового правительства и "Нового мирового порядка". Масонский съезд, состоявшийся в 1892 г. в Брюсселе, провозгласил своей главной целью создание "Всемирной Республики"[46]. В 1905 г. глава заграничной агентуры Охранного отделения Л. А. Ратаев сообщал о масонской резолюции Великого Востока: "*На долю Франции выпала высокая задача повсюду организовывать демократию и тем постоянно подготавливать достижение масонского идеала – Всемирной Республики*"[47]. В 1910 г. эта же цель была развита и уточнена на очередном масонском съезде в том же Брюсселе: "*Человечество идёт к Вселенской международной организации. Из этой организации впоследствии будут созданы международные правительственные организации. В недалёком будущем человечество придёт к идее создать органы международного законодательства и международный парламентский союз*"[48].

В 1915–1916 гг. представители этого сообщества, по существу, враждебного не только России, но и Великобритании, оттеснили от власти английских патриотов, ярким представителем которых был военный министр, фельдмаршал лорд граф Гораций Герберт Китченер. Он был убеждён, что интересы его страны требуют того, чтобы Россия успешно продолжала вести войну. Китченер с беспокойством наблюдал, как в английской политике набирают

---

[45] *Quigley C.* The Anglo-American Establishment / Caroll Quigley. New York, 1981.
[46] О масонах // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Д. 12.2 (2). Л. 40.
[47] ГАРФ. Ф. ДП ОО 1905. № 12. Ч. 2. Л. 143.
[48] О масонах // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Д. 12.2 (2). Л. 23.

влияние силы, которые преследуют цели, далёкие от национальных интересов Англии, что британская политика всё больше начинает зависеть от мощной финансово-политической группировки, центр которой находился в Нью-Йорке. 5 июня 1916 г. по личному приглашению Государя Китченер отправился в Россию на борту крейсера "Хэмпшир". Лорд должен был расследовать деятельность фирмы "Виккерс" по срыву поставок России снарядов и вёз с собой первый взнос будущего кредита – 10 млн ф. ст. в золотых слитках, упакованных в металлические ящики[49]. 4(17) июня 1916 г. неподалёку от Оркнейских островов (Шотландия) английский крейсер подорвался на немецкой мине и затонул: Китченер и все пассажиры погибли. Немецкий генерал Эрих Людендорф считал, что загадочная смерть Китченера: "*была вызвана не германской миной или торпедой, но той силой, которая не позволила России воспрянуть с помощью лорда Китченера, потому что взрыв всей России уже был запланирован*"[50].

Во второй половине 1916 г. под влиянием пришедших к власти членов "Круглого Стола", английская внешняя политика меняет свои ориентиры. **Если до этого её главной целью была победа над Германией в союзе с Россией, то со второй половины 1916 г. такой целью стало устранение царской России и только потом победа над Германией.** Не случайно Ллойд-Джордж сразу после Февральской революции воскликнул: "*Одна из целей, которую преследовала Англия, ведя войну – достигнута*"[51]!

---

[49] *Субботин В. А.* Две кампании генерала Китченера / В. А. Субботин // Мир Истории. 1999. № 7.

[50] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 годов / Э. Людендорф ; под ред. А. Свечина. М. : Государственное издательство, 1924. С. 67.

[51] *Палей О. В.* Мои воспоминания о русской революции / княгиня О. В. Палей // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М. : Книга, 1991.

Глава 4

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И БАЛКАНСКИЙ СОЮЗ

МИФ ОБ "ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ" ПОЛИТИКЕ САМОДЕРЖАВИЯ НА БАЛКАНАХ

Боснийский кризис стал тревожным сигналом для России. Стало ясно, что Австро-Венгрия и стоящая за ней Германия твёрдо встали на путь эскалации военной напряжённости. "*После Боснийского кризиса и военным, и дипломатам, и царскому правительству было ясно, что Германия никогда не допустит войны один на один России и Австро-Венгрии и царским войскам придётся противостоять армиям обоих государств*"[1].

Возникала реальная угроза утверждения Австро-Венгрии на Балканах, захвата ею Босфора и Дарданелл. Россия этого допустить не могла. "*Поперёк австро-германских путей*, – отмечал генерал А. И. Деникин, – *стояла Россия, с её вековой традицией покровительства балканским славянам, с ясным сознанием опасности, грозящей ей самой от воинствующего пангерманизма, от приближения враждебных сил к морям Эгейскому и Мраморному, к полуоткрытым воротам Босфора*"[2].

Царю было известно, что главный идеолог Боснийского кризиса министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Алоиз фон Эренталь был противником каких-либо соглашений с Россией[3]. Помощи ни от Франции, ни от Англии в обуздании Вены ждать не приходилось. Таким образом, в ближайшей перспективе России угрожала война в одиночку с Австро-Венгрией, причём война эта тут же

---

[1] *Шацилло К. Ф.* Россия перед Первой мировой войной / К. Ф. Шацилло. М. : Наука, 1974. С. 79.

[2] *Деникин А. И.* Путь русского офицера / А. И. Деникин. М., 1990. С. 222.

[3] *Астафьев И. И.* Русско-германские дипломатические отношения. 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения) / И. И. Астафьев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 216.

обернулась бы войной и с Германией. Морской агент капитан 2-го ранга А. Н. Щеглов в своём донесении писал, что для России "*весьма важно иметь с собою для диверсии славянско-балканские государства*" на случай войны с Австро-Венгрией и Османской империей[4].

Николай II видел роль славянских государств гораздо шире. Государь в целом поддерживал неославистское движение, зародившееся в конце XIX в. в Чехии и ставившее своей целью объединение славян перед угрозой германской экспансии. Николай II понимал, что идеи неославизма можно с успехом использовать на пользу как России, так и славянству, а кроме того для предотвращения европейской войны[5]. Идея объединения балканских государств под эгидой России впервые нашла отражение в Особой записке статс-секретаря А. М. Безобразова, поданой им Государю в 1902 г. Это был пик развития "Азиатской Программы" императора Николая II и поэтому Безобразов ставил вопрос об обеспечении "тыла" Российской империи на Балканах. В записке утверждалось, что дружественный для России союз балканских стран, в состав которого вошла бы и Турция, позволит Петербургу решить вопрос об использовании проливов мирным путём[6].

В 1908 г. замыслом Николая II было примирение и объединение в военно-политический блок балканских славянских государств, что позволило бы России серьёзно влиять на политику Австро-Венгрии и Германии в регионе. В 1908 г. Государь открыто продемонстрировал свои симпатии неославистам, встретившись с основателем движения православным чехом Карелом Крамаржем, который передал Государю плана создания Славянской империи под эгидой России. Николай II этот план в целом поддержал.

В 1909–1910 гг. в Петербурге состоялся ряд визитов балканских монархов. Самыми важными стали, безусловно, встречи императора Николая II с болгарским царём Фердинандом. Болгария была

---

[4] Капитан 2-го ранга А. Н. Щеглов – ГУГШ. 15/28 марта 1912 г. // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7255. Л. 13.

[5] *Поповкин А.* Неославистское движение / А. Поповкин // Русская народная линия : интернет-сайт. 2012. 27 августа. URL: http://ruskline.ru/analitika/2012/08/27/neoslavistskoe_dvizhenie (дата обращения: 12.20.2014).

[6] *Писарев Ю. А.* Великие державы накануне первой мировой войны / Ю. А. Писарев. М. : Наука, 1985. С. 42.

самым сильным и большим государством на Балканах и от её позиции зависело очень многое. Николай II видел в Болгарии ведущее звено будущего Балканского союза. По воспоминаниям сопровождавшего болгарского царя в Петербурге премьер-министра Александра Малинова, Государь предложил Фердинанду своё содействие в приобретении Болгарией не только Македонии, но и Салоник в обмен на отказ от войны с Турцией. Фердинанд выразил согласие, правда, позже под влиянием Вены от него отказался[7].

Сближение с Болгарией встревожило сербское правительство. 24 февраля (9 марта) 1910 г. в Петербург поспешил сербский король Пётр I, который был встречен в русской столице самым торжественным образом. В официальных речах царь подчёркивал преемственность вековых традиций русско-сербской дружбы, а сербский король – статус России как главной славянской твердыни[8].

1(13) марта 1912 г. при поддержке России между Болгарией и Сербией было подписано двухстороннее союзническое соглашение. 16(29) марта 1912 г. такой же союз с Болгарией подписала Греция. Таким образом, под эгидой императора Николая II был создан Балканский союз, который имел все возможности стать действенным инструментом по сдерживанию Австро-Венгрии. "Балканская Антанта", сохрани её члены согласие друг с другом, не позволила бы Вене совершить агрессию в отношении Сербии. В значительной степени снижался бы и риск Мировой войны, так как на стороне России и Франции, в непосредственной близости от границ Австро-Венгрии, появлялась мощная сила. Поэтому образование Балканского союза вызвало в Берлине и Вене сильное раздражение: баланс сил на Балканах явно склонялся в пользу России. Наличие Балканского союза и усиление Сербии и Черногории вынуждало Вену держать на южном направлении большое количество войск, что ослабляло армию в Галиции на границе с Россией. Примечательно, что приветствуя создание Балканского союза, русская дипломатия предупреждала его участников, что Императорское правительство "*от всего сердца желало бы видеть осуществление союза*", но решительно

[7] *Малинов А. П.* Странички от нашата нова политическа история / Александър П. Малинов. София : Придворна печатница, 1938.
[8] *Поповкин А.* Указ. соч.

предостерегает их "*против всякого поползновения придать этому союзу характер наступательный*"[9].

Между тем балканские государства, идя на союзные соглашения друг с другом, стремились немедленно начать войну против Османской империи и за её счёт решить свои территориальные проблемы, заложенные ещё Берлинским конгрессом. Такая война была опасна для России: так как она грозила вылиться в большое европейское противостояние.

Сразу же после оформления Балканского союза между Болгарией, Сербией и Грецией глава болгарского коалиционного правительства Иван Евстиев Гешов направил к Николаю II делегацию, которая должна была добиться одобрения войны союзных государств против Турции[10].

Однако в Петербурге на встрече с министром С. Д. Сазоновым болгарской делегации было заявлено, что "*активное вмешательство Болгарии и неминуемое после этого осложнение общего положения на Балканах не встретило бы сочувствия в России ни у Правительства, ни в общественном мнении и что поэтому невероятно, чтобы в случае общего столкновения события сложились в пользу Болгарии*"[11]. Николай II довёл до сведения Софии, что в союзном договоре должны отсутствовать все статьи наступательного свойства.

Между тем усилия Вены и Берлина были сосредоточены на том, чтобы оторвать Болгарию от Сербии и России, рассорить между собой сербов и болгар. Австро-германские политики собирались разбить Балканский союз, создать для Сербии угрозу с тыла со стороны Болгарии. Николай II хорошо понимал это и пытался воздействовать как на Софию, так и на Белград, всячески отговаривая их от необдуманных действий, направленных на насильственное изменение существующего status quo.

Амбициозный монарх Болгарии Фердинанд Кобург мыслил исключительно интересами своего государства, весьма узко им понимаемыми. К тому же, в силу кровных и династических уз, он испытывал сильное тяготение к Германии и Австро-Венгрии.

---

[9] Международные отношения в эпоху империализма. 1878—1917 (далее – МОЭИ). Сер. 2, 1900–1913. Т. 19, ч. 1. М. ; Л. : ГИПЛ, 1938–1940. С. 3.

10 Малые войны первой половины XX века. Балканы. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. С. 366.

[11] Там же. С. 367.

Свержение правительства младотурок в июле 1912 г. сильно ускорило начало Первой Балканской войны. Анархия и мятежи, потрясавшие Османскую империю, давали повод Балканскому союзу надеяться на лёгкую победу. В этих условиях к нему поспешила присоединиться Черногория, которая неожиданно 25 сентября (8 октября) 1912 г. объявила войну Турции, поставив своих балканских союзников и Россию перед свершившимся фактом. 18(31) октября 1912 г. вслед за Черногорией войну Турции объявили все другие государства Балканского союза.

Боевые действия развивались быстро и весьма успешно для государств Балканского союза. Черногорцы заняли большую часть турецкой Албании, болгары и сербы разгромили турецкие войска и изгнали их из европейских пределов. 24 октября (6 ноября) 1912 г. болгарская армия стояла в 45 км от Константинополя. Для России такое развитие событий грозило серьёзным ударом по геополитическим интересам. Петербург был готов к высадке крупного десанта в район столицы Османской империи, так как вступление болгарской армии в Стамбул лишало бы Россию надежды на приобретение проливов. Русская дипломатия начала оказывать давление на Софию, убеждая её остановить свои войска и не входить в город. Впрочем, вопрос о вступлении болгар в Константинополь отпал сам собой: болгарская армия не смогла прорвать линию оборону турок у Чаталджи.

16(29) декабря 1912 г. в Лондоне начались мирные переговоры между Османской империей и Балканскими странами. Османская империя отдавала под контроль Балканского союза почти все свои европейские владения (кроме Константинополя и Албании, статус которой был оговорён позже), а также отказывалась от Крита.

Успехи балканских союзников в войне с Турцией вызывали в Вене сильное беспокойство. Посол рейха в Вене фон Чиршки сообщал: "*С беспокойством, в полной растерянности смотрят здесь на неожиданную победу славян и всюду задают один и тот же вопрос: что будет с Австрией? Некоторые утверждают, что после Турции настанет время Австро-Венгрии*"[12]. Не менее были напуганы и в Берлине. Канцлер Бетман-Гольвег заявил, что "*поражение*

[12] Die Große Politik der Europäischer Kabinette 1871–1914. Berlin, 1922–1927. Bd. 33. № 12402.

Турции есть поражение и немцев"[13]. Австро-Венгрия объявила о мобилизации половины резервистов и начала сосредоточивать войска на границе с Россией, которая в ответ задержала демобилизацию 350 тыс. военнослужащих срочной службы[14].

Отдав Балканскому союзу европейские территории, младотурецкое руководство, однако, подложило под Балканский союз мину замедленного действия. Хорошо зная нравы и аппетиты своих победителей, турки при заключении мира заявили, что делить завоёванное они предоставляют им самим. А каждый из победителей мечтал о своём государстве как обязательно о "великом": "Великой Болгарии", "Великой Сербии", "Великой Греции" и даже о "Великой Черногории". Между победителями начались горячие споры за ту или иную часть территории. Поэтому не успели высохнуть чернила под Лондонским мирным договором, положившим конец Первой Балканской войне, как тут же началась Вторая Балканская война, теперь уже между бывшими союзниками.

Уже в январе 1913 г. сербские газеты, принадлежавшие австрофильской партии либералов и тайной организации "Чёрная рука", развернули кампанию против сербо-болгарского союза. Правительство Николы Пашича упрекали в излишней уступчивости болгарам в территориальном вопросе. Поток "патриотической" пропаганды нарастал с каждым днём. На требования России прекратить антиболгарскую истерию Пашич 19 апреля 1913 г. заверил посланника в Белграде Н. Г. Гартвига: "*Сербия не только не питает затаённых замыслов против Болгарии, но по-прежнему дорожит искренней дружбой с ней, являющейся залогом прочности Балканского Союза*"[15]. Г-н Пашич указал, что при добросовестном и беспристрастном отношении к делу союзники сумеют прийти к примирительному результату, а на случай неудачи имеется другой выход – верховный арбитраж России".

Тем временем такая же волна, только против Сербии, поднялась и в Болгарии. С обеих сторон выдвигались обвинения, псевдоисторические обоснования "исконных" прав, претензии на обладание Македонией. Болгария, бывшая во главе союза Балканских

---

[13] Die Große Politik. Bd. 31. № 3417. S. 289.

[14] *Задохин А. Г., Низовский А. Ю.* Пороховой погреб Европы / А. Г. Задохин, А. Ю. Низовский. М. : Вече, 2000. С. 108.

[15] См.: Малые войны первой половины XX века. Балканы. С. 397.

государств и вынесшая на своих плечах основное бремя войны с Османской империей, претендовала на Македонию, а её заняли Сербия и Греция. Болгарские правящие круги стали требовать, чтобы сербские и греческие войска были выведены с тех македонских территорий, на которые распространялись их претензии. Сербия и Греция между тем заключили соглашение о совместной защите занятых территорий и их разделе между собой.

Николай II был категорическим противником распада Балканского союза. Его создание было большим дипломатическим успехом Петербурга, который стремился к урегулированию спора между Болгарией и Сербией мирным путём. Признавая, что притязания Болгарии на Македонию имеют под собой географические и этнографические основания, Россия вместе с тем советовала болгарам пойти на уступки. Российский МИД предлагал немедленно созвать конференцию премьер-министров стран Балканского союза (Сербии, Черногории, Болгарии и Греции) и при посредничестве и арбитраже России (кстати, предусмотренном сербо-болгарским союзным договором 1912 г.) найти выход из сложившегося положения, способный устроить все заинтересованные стороны[16].

Балканские войны ещё больше углубили противостояние России и Австро-Венгрии на полуострове. Вена стремилась максимально ограничить приобретения победителей, особенно сербов и черногорцев, ослабить, а по возможности и развалить Балканский союз, стравив его участников в борьбе за раздел отвоёванных у Турции территорий.

Цели России были прямо противоположны австрийским. Российская дипломатия стремилась в сотрудничестве со всеми государствами, заинтересованными в сохранении мира на Балканах, не допустить там одностороннего австрийского выступления, отстоять мирными дипломатическими средствами завоевания сербов, черногорцев, болгар и греков, не допустить развала Балканского союза.

Пока Петербург мучительно искал решение, как сохранить мир на Балканах, Австро-Венгрия и Германия делали всё, чтобы в этом регионе не появилась мощная союзная России сила. Тем более что 1913 г. стал периодом активной подготовки германских империй к большой войне с ней.

---

[16] *Задохин А. Г., Низовский А. Ю.* Указ. соч. С. 114.

Поэтому австрийская дипломатия в Белграде склоняла сербского короля к войне с Болгарией и Грецией, а в Софии – Фердинанда к войне с Сербией и Грецией. Сербскому правительству внушалось, что в Первой Балканской войне сербы не получили желаемого – доступа к Адриатике, но они могут это компенсировать, аннексировав Македонию и Салоники. Болгарскому правительству внушалось то же, что и сербскому – аннексировать Македонию. Австро-Венгрия обещала Болгарии в этом вопросе поддержку[17].

Российская дипломатия оказала жёсткое давление на правительства Сербии и Болгарии, но достичь успеха не удалось. Тогда С. Д. Сазонов попросил императора Николая II обратиться с личным посланием к правителям Сербии и Болгарии. Позже бывший министр вспоминал: "*Государь сказал мне, что подпишет текст обращения к королю сербскому и царю болгарскому, так как в час опасности для славян он имеет не только право, но и обязанность возвысить свой голос, чтобы предостеречь их от её последствий. "Если они меня не послушают, – прибавил Государь, – то зачинщики понесут за это кару. Я исполню свой долг, и совесть моя ни в чем меня не упрекнёт, чтобы затем ни произошло*"[18].

Сразу же после подписания телеграмм Николай II приказал Сазонову немедленно отправить их в Белград и Софию. Помимо этого, Государь приглашал представителей балканских государств прибыть на конференцию в Петербург и разрешить все спорные вопросы.

29 мая (11 июня) 1913 г. царь Фердинанд отправил ответную телеграмму императору Николаю II, в которой возлагал ответственность за назревавшее между союзниками столкновение на Сербию. Он указывал, что болгарское правительство стремится избежать братоубийственной войны, но не может идти против "единодушного возмущения народа" Сербией, пытающейся отнять у Болгарии плоды её побед[19].

---

[17] *Задохин А. Г., Низовский А. Ю.* Указ. соч. С. 43.

[18] *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М. : Международные отношения, 1991. С. 101.

[19] *Исаева О. Н.* Фердинанд Кобургский: штрихи к портрету первого болгарского царя / О. Н. Исаева // Новая и Новейшая история. Саратов : Изд-во Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2004. Вып. 21. С. 43.

А. А. Савинский в своих донесениях в МИД считал, что воинственное поведение Болгарии, её "безумный" курс на новую войну "*можно объяснить тем опьянением, которое охватило страну и её правителей после всех предыдущих побед*". Кроме того, на Фердинанда давили болгарские либералы, грозившие ему участью Стамболова, если болгарский монарх не начнёт войны за Македонию[20].

Король Пётр в своей телеграмме Николаю II жаловался на болгарские притязания. Но российский МИД потребовал от сербского правительства немедленно принять предложение Петербурга о созыве конференции. Такие же усилия русские дипломаты предпринимали и в Софии. Но Вена заверила правительство Болгарии, что окажет поддержку его территориальным притязаниям в Македонии. София отклонила предложение Государя о созыве конференции премьер-министров и ещё раз официально заявила, что продолжает настаивать на точном соблюдении условий сербо-болгарского соглашения 1912 г. о разделе Македонии. Так как часть македонских территорий, которые по договору 1912 г. должны были отойти к Болгарии, занимали сербские и греческие войска, София настаивала на немедленном пропуске её войск в занятые сербами и греками районы юго-западной и южной Македонии[21]. Сербия ответила отказом. Болгария отозвала своего посла из Белграда. В России этот шаг сочли равносильным объявлению войны и изменой славянскому делу.

16(29) июня командующий болгарской армией генерал Сава Савов отдал войскам приказ о наступлении. В ночь на 17(30) июня 1913 г. болгары атаковали сербские части, дислоцированные в Македонии, но получили отпор и были отброшены на исходные позиции. В Софии уже склонялись к тому, чтобы отвести армию из Македонии и объявить всё случившееся пограничным инцидентом. Но правительственные круги Сербии и Греции решили воспользоваться ситуацией и официально объявили Болгарии войну. Следом за ними последовала Черногория и Румыния, а затем и Османская империя. В результате Болгарская армия оказалась на грани полного поражения.

---

[20] МОЭИ. Сер. 3. М., 1933. Т. 2. С. 433–436.

[21] *Задохин А. Г., Низовский А. Ю.* Указ. соч. С. 116.

7(20) июня 1913 г. царь Фердинанд направил императору Николаю II телеграмму, полную отчаяния: "*Ваше Величество, Болгария, окружённая армиями пяти соседних государств, находится на пороге гибели. Через несколько дней, если Румыния и Турция будут продолжать беспрепятственное шествие вперёд, армия наша может быть уничтожена не столько оружием, сколько голодом, болезнями и лишениями. В эту тяжёлую пору надежды мои и болгарского народа устремлены к Вашему Величеству. Прошу заступничества Вашего Величества о том, чтобы они приостановили своё нашествие на территориях, приобретённых кровью сотен тысяч болгар и о том, чтобы положить конец истреблению христианских народов. Я и мой народ сумеем оценить эту историческую помощь. Фердинанд*"[22].

Николай II ответил: "*Близко принимаю к сердцу тяжёлое положение Болгарии. В нынешнюю минуту не буду входить в оценку обстоятельств его вызвавших. Болгарии приходится идти на жертвы. Неизменно относясь благожелательно к Болгарии, я с удовольствием осведомился о посылке правительством Вашего Величества уполномоченных с целью положить предел братоубийственной войне, начатой вопреки моим предостережениям. Надеюсь, что прекращение войны поможет Болгарии найти в себе достаточно сил, чтобы, не теряя времени, приступить к своему мирному обновлению*"[23].

При посредничестве России 18(31) июля 1913 г. было заключено перемирие, а через десять дней в Бухаресте завершились мирные переговоры. Болгария утратила практически все свои приобретения, завоёванные в Первой Балканской войне. Македония была поделена между Сербией и Грецией. Турция вернула себе большую часть Восточной Фракии с Адрианополем. Румыния захватила Южную Добруджу[24].

---

[22] Король Фердинанд – Императору Николаю II. 7/20 июля 1913 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 784. Л. 1.

[23] Император Николай II – царю Фердинанду. 8/21 июля 1913 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 784. Л. 1.

[24] *Задохин А. Г., Низовский А. Ю.* Указ. соч. С. 45.

Авантюра Фердинанда разрушила с таким трудом созданный Россией Балканский союз. 6(19) февраля 1914 г. русский посланник в Софии А. А. Савинский заявил болгарскому монарху, что император Николай II "*в своих постоянных заботах о славянах вообще и о болгарах в частности, не мог допустить мысли о возможности братоубийственной войны*". Русский посланник далее заметил, что когда он "*видел Государя Императора в Царском Селе перед отъездом, то мог лично убедиться, как Его Величеству было больно*", что игнорирование Фердинандом его воли не начинать войны с Сербией "*имело такие ужасные последствия на радость Австрии*"[25].

Тем не менее Николай II счёл нужным направить Фердинанду I по случаю его дня рождения поздравительную телеграмму, которая заканчивалась фразой: "*Сердечно желаю Вашему Величеству благоденствия и Божьей помощи в исполнении лежащей на Вас задачи возрождения и укрепления Болгарии, за мирным развитием которой я продолжаю следить с неизменным сочувствием*"[26].

На самом деле, подлинным победителем во Второй Балканской войне стали германские империи, прежде всего Австро-Венгрия. Хотя Сербия и увеличила свою территорию с 48,3 до 87,3 тыс. кв. км, а население – с 2,9 до 4,4 млн человек, на самом деле эта победа была пирровой. Исходя, как и все балканские государства, из узкоэгоистических интересов, Сербия не смогла правильно оценить ослабление позиций России на Балканах. Теперь Сербию ничего не отделяло от могущественной и крайне враждебной Австро-Венгерской империи. Вражда между Сербией и Болгарией имела в близком будущем самые тяжёлые последствия для всей Европы. Как верно писал уже после начала Первой мировой войны "Вестник Европы": "*Если бы Австрия знала, что Сербия может опереться на Болгарию, едва ли мы имели бы войну в 1914 г. Можно с уверенность сказать, что её бы не было*"[27].

---

[25] А. А. Савицкий – С. Д. Сазонову. 6/19 февраля 1914 г. // МОЭИ. Т. 3. С. 365.
[26] Император Николай II – царю Фердинанду I // МОЭИ. Т. 3. С. 423.
[27] Ближний Восток и война // Вестник Европы. 1914. С. 281.

Глава 5

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И КАЙЗЕРОВСКАЯ ГЕРМАНИЯ

МИФ О "БРАТСКОМ" ВТОРОМ РЕЙХЕ

Идеологическая сущность кайзеровской Германии

До 1871 г. Германия представляла собой конгломерат маленьких королевств, герцогств, графств и прочих земель, отличавшихся порой друг от друга по вере, культуре и даже языку. В 1871 г. в занятом прусскими войсками Версале канцлер Отто фон Бисмарк провозгласил короля Пруссии Вильгельма I германским императором. Так возникло новое единое государство: Германская империя. Согласно её конституции, она объединила 25 государственных образований. За несколько лет до этого в 1866 г. некоторые из них (Бавария, Саксония, Вюртемберг, Ганновер) воевали против Пруссии на стороне Австрии. В силу разных причин далеко не все германские государства испытывали к Берлину тёплые чувства. Например, католическая Бавария, с её особым языковым диалектом, не воспринимала грубый "Hochdeutsch" протестантской Пруссии.

Бисмарк понял, что объединить Германию может только сверхидея и такой сверхидеей может быть только германский национализм. "Песнь немцев" (более известная во всём мире как "Deutschland, Deutschland Über Alles" – "Германия превыше всего!") стала неофициальным гимном рейха именно при Бисмарке. Национализм, помноженный на хорошо обученную армию, великую культуру, образование, науку и на трудолюбивый добросовестный народ, дал огромный импульс новому государству. К концу XIX столетия Германия по мощи и политическому значению уступала в Европе только Англии и России, но по темпам экономического развития опережала их.

Отношения России с Пруссией исторически были непростыми. С одной стороны, Россия участвовала в антипрусской коалиции

в Семилетнюю войну. Русские войска разгромили армию Фридриха II и взяли Берлин. С другой стороны, Александр I дважды спасал Пруссию от Наполеона: в 1807 г. в Тильзите, не дав французскому императору уничтожить прусское государство, и в 1813 гг., когда русская армия освободила Пруссию от наполеоновского ига. Император Александр I придавал важное значение Пруссии как наиболее сильному монархическому звену Священного союза. Укреплению отношений между двумя государствами способствовали и династические браки: великий князь Николай Павлович, ставший в 1825 г. императором Николаем I, был женат на дочери прусского короля Фридриха-Вильгельма III принцессе Фредерике Шарлотте (в православии Александра Феодоровна). Император Николай I придавал важное значение союзу с Пруссией. Наряду с Австрией он видел в ней необходимую часть его политической охранительной системы. Связанный семейными узами с берлинским двором и искренне расположенный к прусскому королевскому семейству, Николай I, однако, с неудовольствием относился к попыткам Пруссии возглавить национальное движение в Германии, особенно после 1840 г., когда на престол вступил Фридрих-Вильгельм IV. В политике Пруссии, стремившейся к объединению Германии и гегемонии в Европе, Николай I видел измену Священному союзу[1].

Этот отход от идей Священного союза со стороны Берлина ещё более усилился в эпоху Бисмарка. Циничный и вероломный "железный канцлер" стремился усилить Пруссию за счёт России. Выставляя себя её другом, Бисмарк собирался при помощи Петербурга вывести Пруссию в ведущие европейские державы, по возможности максимально ослабив своего восточного соседа. Когда в 1863 г. вспыхнул инспирированный западными державами польский мятеж, Бисмарк решил, что России придётся отказаться от Польши. В узком кругу канцлер заявил: "*Отлично! Тогда мы начнём действовать. Займём Польшу, и через три года там все будет германизировано*". Увидев, что русские войска одерживают верх, Бисмарк решил извлечь иную выгоду из этого восстания. Он предложил императору Александру II прусскую помощь в подавлении восстания.

[1] *Капустина Т. А.* Николай I / Т. А. Капустина // Вопросы истории. 1993. № 11–12.

В Петербурге была подписана конвенция между Пруссией и Россией, по которой русские власти могли преследовать польских сепаратистов на прусской территории. Бисмарк с большой торжественностью обнародовал эту конвенцию, представив дело таким образом, будто в ней есть некие тайные пункты. Александр II с недоверием отнёсся к этим шагам Бисмарка, а брат царя великий князь Константин Николаевич заявил, что вся деятельность Бисмарка по этому вопросу ему не по душе.

Тем не менее Александр II весьма благосклонно отнёсся и к разгрому в 1864 г. прусскими войсками Австрии, предательство которой во время Крымской войны царь не забыл, и к общему усилению Пруссии. Глава русского внешнеполитического ведомства князь А. М. Горчаков полагал, что "*серьёзное и тесное согласие с Пруссией есть наилучшая комбинация, если не единственная*"[2].

Во время франко-прусской войны в 1870–1871 гг. Александр II снова придерживался дружественного нейтралитета в отношении Пруссии. В обмен на это Пруссия поддержала Россию в отмене унизительных для неё статей Парижского мира.

Провозглашение Германской империи Александр II в целом также поддержал. Однако он не мог не осознавать, что на западных рубежах России появилась мощная воинственная держава. Поэтому, когда в 1875 г. Бисмарк стал планировать новый поход против Франции, Александр II выступил против этих планов, так как речь шла о фактическом уничтожении независимого французского государства, а это для России было невыгодно и опасно. При встрече с императором Вильгельмом I в Берлине Александр II прямо заявил, что не допустит нападения Германии на Францию. Одновременно князь Горчаков, по поручению царя, сказал Бисмарку, что Россия не сможет "*наблюдать хладнокровно, как в условиях мира, без какой-либо основательной причины, Германия ринулась бы со всеми своими силами на безоружную Францию, чтобы её добить. Кроме гнусности подобной агрессии, она представляла бы реальную опасность равновесию в Европе, которое было бы серьёзно задето исчезновением политического фактора, столь важного, как Франция*"[3].

---

[2] *Ляшенко Л.* Александр II / Л. Ляшенко. М. : Молодая гвардия, 2002. С. 233.
[3] La Russie et la France XVIIIe –XXème siècle. V. 3. P. 148.

Вильгельму I и Бисмарку пришлось заверять Александра II и Горчакова, что Германия не собирается воевать с Францией. Перед тем как покинуть Берлин, Горчаков, желая закрепить вынужденное немецкое обещание, разослал всем посольствам и миссиям телеграмму. В ней сообщалось, что Император Александр II "*покидает Берлин вполне уверенный в господствующих здесь миролюбивых намерениях, обеспечивающих сохранение мира*"[4]. Редактируя текст телеграммы перед её отправкой, Александр II заменил последние слова на "*теперь мир обеспечен*".

Эта телеграмма вызвала у Бисмарка сильное раздражение. Канцлер жаловался Александру II на "нечестный" поступок Горчакова. Государь, принимавший личное участие в составлении телеграммы, слушал Бисмарка молча, курил и слегка улыбался.

Позиция Петербурга вынудила Берлин отказаться от планов уничтожения Франции в 1875 г. С этого момента Бисмарк понял, что Россия – его главное препятствие для свободы рук в Европе. В 1878 г. канцлер не преминул отомстить Петербургу на Берлинском конгрессе, поспособствовав тому, чтобы Россия лишилась плодов победы в Освободительной войне 1877–1878 гг. Французская исследовательница А. Огенюис-Селиверстов отмечает, что "*в России ответственным за столь очевидное её поражение считали Бисмарка. Дипломатические депеши того периода свидетельствуют, что в Санкт-Петербурге воцарилась подлинная германофобия. После 1878 года общественное мнение униженной на Берлинском конгрессе России преисполнилось крайней неприязнью к Бисмарку*"[5].

В октябре 1879 г. Германия заключила тайный союзный договор с Австро-Венгрией, в котором говорилось: "*В случае если бы одна из двух империй, вопреки надеждам и искреннему желанию обеих высоких Договаривающихся сторон, подверглась нападению со стороны России, обе высокие договаривающиеся стороны обязаны выступить на помощь друг другу со всею совокупностью вооружённых сил своих империй и соответственно с этим не заключать мира иначе, как только сообща и по обоюдному согласию*"[6].

---

[4] Франко-германский кризис 1875 г. // Красный Архив. Исторический журнал. М., 1938. Т. 6 (91). С. 135.

[5] La Russie et la France XVIIIe –XXème siècle. Vol. 3. P. 152.

[6] Русско-германские отношения // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 1. М., 1922. С. 89.

Отныне Германия могла напасть на Францию будучи уверенной, что Россия будет сдержана австро-венгерской армией. Таким образом, этот договор стал основанием будущего агрессивного Тройственного союза, который в 1914 г. развязал Первую мировую войну.

Ухудшение политических отношений между Германией и Россией при Императоре Александре III привело к ухудшению и отношений экономических, что больно сказалось на экономике обеих стран. Россия была важным экономическим партнёром Германии. В 1897 г. Германия поглощала 30 % российского экспорта, являлась важнейшим сырьевым рынком России и поставляла ей машинное оборудование. Немецкий капитал был крупнейшим участником русской промышленности, цифра его вкладов в хозяйство России превышала 200 млн золотых рублей[7].

В последние годы жизни Александра III, то есть в 1892–1894 гг., между Германией и Россией разразилась таможенная война. До 1891 г. вся германская промышленность пользовалась в России всевозможными льготами и большинство германских товаров проходило без всяких пошлин. Никаких торговых договоров между Россией и Германией не существовало. Однако в 1891 г. Россия ввела новый таможенный тариф, который предусматривал индивидуальное налогообложение для каждого ввозимого из-за границы товара. Главной целью этих мер было создание своей собственной национальной промышленности. В ответ на русский новый тариф Германия ввела два вида пошлин на сельскохозяйственные продукты: максимальные и минимальные. Причём Германия заявила, что ко всем тем державам, с которыми она имеет торговые договоры, будут применяться пошлины минимальные, а к тем державам, с которыми не заключено торговых договоров, будут применяться максимальные пошлины. Так как Россия не имела с Германией торговых договоров, то к ней сразу применили пошлины максимальные. Берлин ввёл высокие пошлины на сельскохозяйственные продукты из России и главным образом на ввозимый русский хлеб. Петербургу был поставлен ультиматум: отменить действия нового тарифа. Однако Россия не поддалась германскому шантажу и в свою

[7] *Оль П. В.* Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России / П. В. Оль. Л., 1925. С. 15.

очередь повысила ввозные пошлины на германские уголь, металл и машины. В результате Берлин был вынужден пойти на уступки, однако торговые противоречия между двумя империями продолжали существовать.

Антагонизм между Россией и Германией был вызван не только геополитическими противоречиями. Не менее важной причиной была духовно-идеологическая основа Второго рейха. Ещё начиная с 1848 г. в Пруссии всё более усиливается роль либеральных идей и франкмасонства. Собственно, оно всегда имело в Германии прочные позиции. Король Фридрих Великий был членом ордена Иллюминатов и имел звание гроссмейстера Великой ложи "Трёх Глобусов". Уже во времена Фридриха масонский фактор использовался для борьбы с Россией. Находясь под контролем масонских организаций Пруссии, русские масоны становились своего рода подданными прусского короля, мечтавшего о разгроме и расчленении России. Фридрихом планировалось не только отстранение от власти императрицы Елизаветы Петровны, но и военная интервенция в России[8]. Участие России в Семилетней войне было обусловлено, в том числе, масонской опасностью, исходившей от прусского трона. Высшее прусское масонство по своим каналам было тесно связано с молодым русским масонством и всячески опекало его. Сложилась система неформальных связей, которая для многих русских масонов становилась предпочтительнее, чем служение России.

Следует отметить, что германское масонство в целом, и прусское в частности, было тесным образом связано с масонством английским. Именно из Англии масонство пришло в Германию. Первый немецкий масон, владетельный граф Альбер Вольфган Шаум-бург-Липпе, вступил в ряды "братства" в масонской ложе в Лондоне. До 30-х гг. XVIII в. все немецкие масоны должны были ездить на заседания английских лож. Только в 1733 г. английские старшие "братья" разрешили немцам самим открывать ложи в германских государствах. Через ложи Англия весьма сильно влияла на Пруссию вплоть до конца XIX в. Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. Лондон поддерживал прусского короля масона Вильгельма I, ставшего в 1871 г. императором объединённой

[8] *Брачев С.* Масоны в России. От Петра I до наших дней / С. Брачев. СПб. : Стомма, 2000.

Германии. Масоном был и преемник Вильгельма I, его сын император Фридрих III, отец Вильгельма II.

Англо-германские масонские связи были установлены на самом высоком уровне, в том числе и династическом. В 1840 г. английская королева Виктория вышла замуж за принца Альберта Саксен-Кобург-Готского. Ещё до женитьбы Альберт вступил в студенческую аристократическую корпорацию "Боруссия", несомненно, масонского характера; в неё же вступит и его внук Вильгельм II. Старший сын Альберта принц Альберт Эдуард, будущий король Эдуард VII, был великим мастером объединённой Великой ложи Англии, его внуки, Эдуард VIII и Георг VI, были мастерами Шотландской ложи.

Либеральный дух, царивший в Доме Саксен-Кобургов, был унаследован дочерью королевы Виктории и Альберта принцессой Викторией, которая в 1858 г. вышла замуж за принца Фридриха Прусского, ставшего в 1888 г. германским императором Фридрихом III. Активную роль в том, что этот брак состоялся, сыграла мать Фридриха и супруга Вильгельма I – принцесса Августа (с 1871 г. императрица Германии), которая была страстной англофилкой, называвшая Британию не иначе как "страной своей мечты". В свою очередь брак получил широкую поддержку со стороны правящих кругов Великобритании. Там, правда, преследовались совершенные иные цели. Как отмечал английский автор Э. Бенсон "*Викки было предназначено играть в Германии ту же роль, которую исполнял Альберт при Виктории, – роль монарха де-факто*"[9]. В течение двух лет, предшествовавших свадьбе Фридриха и Виктории, шла тщательная обработка английской принцессы. Девушке говорили о двух основных задачах – желательности объединения Германии и необходимости либерализации Пруссии. Нет сомнений, что Виктория была частью большого масонского проекта, целью которого было превращение Пруссии в мощное проанглийское и либеральное государство – Германский рейх. Став прусской принцессой и супругой наследника престола, Виктория начала быстро претворять в жизнь полученные в Лондоне наставления. Она открыто презирала всё прусское и внушала супругу, что тот "*не проникся как следует либеральными и конституционными традициями и*

[9] Цит. по: *Макдоно Д.* Последний кайзер – Вильгельм Неистовый / Д. Макдоно. М. : АСТ, 2004. С. 46.

ценностями". Фридрих, боготворивший жену, полностью попал под её влияние. Помимо этого, вступление на престол после смерти "русофила" Фридриха Вильгельма IV, масона и англофила Вильгельма I – явно способствовало осуществлению планов Лондона. Главными направлениями "Новой эры" короля Вильгельма стали "*отход от России, опора на Англию, больше свободы, больше согласия, меньше власти и давления сверху*"[10].

Однако при дворе, да и в народе, открыто недолюбливали "англичанку". В Берлине была достаточно сильна "русофильская партия", ориентировавшаяся на укрепление союза с самодержавной Россией. Правящим кругам Лондона требовалось окончательно упрочить свой успех, для чего им был нужен воспитанный в английских ценностях германский император. Кронпринц Фридрих на эту роль подходил недостаточно, поэтому надежда была на его потомство.

25 января 1859 г. у Фридриха и Виктории родился сын. В 1888 г. он станет германским императором Вильгельмом II. Британский историк Д. Макдоно уверен, что "*для будущего кайзера программа была разработана задолго до его рождения. Соединить военную мощь Пруссии и парламентский либерализм Англии – в этом заключалась миссия Вильгельма. Брак его родителей, наследного принца Фридриха Вильгельма Прусского и английской принцессы Виктории, был начальной фазой политического проекта, который должен был завершить их наследник*"[11]. Таким образом, "*маленький Вильгельм призван был стать воплощением англо-прусского альянса*"[12].

Однако с первых же дней "проект" не заладился. Ребёнок при родах едва не скончался от долгой асфиксии, результатом которой стали левосторонний тремор (подёргивания на лице и судороги) и сухость левой руки, которая на несколько сантиметров была короче правой. Маленького Вильгельма пытались лечить тогдашними средствами (в частности, электрошоковой терапией), которые он сам позднее определял "пытками". Несомненно, что эти физические недуги наложили свой отпечаток на личность будущего императора.

---

[10] *Шиндлинг А., Циглер В.* Кайзеры / А. Шиндлинг, В. Циглер. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. С. 501.
[11] *Макдоно Д.* Указ. соч. С. 46.
[12] Там же. С. 45.

Кроме того, он явно не испытывал избытка материнской любви. Виктория, которая восприняла рождение больного ребёнка, прежде всего, как удар по своим проанглийским планам, явно недолюбливала своего первенца, впрочем, как и всех его братьев, за исключением самого младшего, умершего в младенчестве принца Сигизмунда.

Чем больше взрослел Вильгельм, тем больше разочаровывалась в нем его мать. "*Он от природы ужасный бездельник и тунеядец, он ничего не читает, разве что идиотские истории <...> у него нет жажды знаний*, – жаловалась она в 1877 г. – *я боюсь, что его сердце совсем невоспитанно*"; у Вильгельма нет "*скромности, доброты, доброжелательности, уважения к другим людям, способности забывать о себе, смирения*"; Виктория желала, чтобы удалось *"сломить его эгоизм и его душевную холодность*"[13].

Неудивительно, что Вильгельм платил матери теми же чувствами, которые невольно переносились им и на её первую родину – Англию. Военные парады прусской армии в честь разбитых ею Дании, Австрии, Франции, величественный дед-император, героический отец – непосредственный участник победоносных войн – всё это наполняло душу мальчика гордостью за свою родину. Поэтому мать со своим презрением к Пруссии и любовью к Англии, вызывала в юном Вильгельме непонимание и раздражение. Будущий кайзер не раз сокрушался, что "*герб нашего рода запятнан, а империя загнана на край гибели английской принцессой, которая приходится мне матерью*"[14]. Он также предупреждал: "*Пусть Англия остерегается того времени, когда я смогу сказать своё слово*"[15].

Однако не стоит преувеличивать эту внешнюю "англофобию" Вильгельма. Несмотря на свои противоречия с матерью и восприятие Британии как соперника Германской империи, он с первых дней своего царствования и до последнего предвоенного часа 1914 г. не собирался воевать с Туманным Альбионом. Более того, Вильгельм II был сторонником сближения с Англией, которую он считал "естественным союзником" рейха. Макдоно пишет: "*Прусская традиция диктовала необходимость добрых отношений с Россией, могучим восточным соседом, однако в этом вопросе сказалось*

---

[13] *Шиндлинг А., Циглер В.* Указ. соч. С. 515.
[14] Там же. С. 520.
[15] Там же.

влияние матери, к тому же семейные связи действовали в ином направлении: для Вильгельма приоритетом стало установление хороших отношений с Великобританией. Он всегда говорил, что Германия и Англия – естественные союзники: немцы должны владычествовать на суше, англичане – на море"[16]. Через сорок лет в этом же ключе будет рассуждать и Адольф Гитлер. Немецкий историк Фриц Фишер подчёркивает, что "*желание Вильгельма сделать Германию подобной Англии, пропитывает его политические взгляды в такой же степени, как взгляды большей части его министров и статс-секретарей*"[17].

Надо сказать, что и в Лондоне было достаточно влиятельных сторонников сближения и даже союза с Германией. В 1898 г. лорд Дж.-О. Чемберлен заявил германскому послу в Лондоне, что "*период блестящей изоляции Англии миновал… мы предпочитали бы примкнуть к Германии и Тройственному союзу*"[18].

Говоря об империи Вильгельма II, не следует упускать из виду, что она находилась под сильным влиянием германских банкирских домов, тесно связанных родственными узами с ведущими банкирскими домами США. Так, глава банкирского дома "Лёб, Кун энд Компани" Якоб Генрих Шифф, выходец из богатой раввинской семьи Гессена, тесно связанной с банкирским домом германских Ротшильдов, родился и вырос во Франкфурте-на-Майне. В 1865 г. он эмигрировал в США, где женился на Терезе Лёб, дочери крупного банкира германо-еврейского происхождения – Самуила Лёба, уроженца города Вормса (Рейланд-Пфальц). В 1894 г. дочь Шиффа Фрида вышла замуж за финансиста Феликса Варбурга, родившегося в Гамбурге в семье богатого банкира. Феликс приходился родным братом основателю Федеральной резервной системы США Полу Варбургу и директору гамбургского банкирского дома Варбургов Максу. Последний был назначен Вильгельмом II начальником секретной службы по взаимодействию между американским банкирским сообществом и германским правительством[19]. Достаточно

[16] *Макдоно Д.* Указ. соч. С. 45.
[17] *Fischer F.* Les buts de Guerre de l'Allemagne Impériale, 1914–1918 / Fritz Fischer. Paris : Edition de Trévise, 1970. P. 24.
[18] *Лиддел-Гарт Г.-Б.* Правда о Первой мировой / Г.-Б. Лиддел-Гарт. М. : Яуза, 2009.
[19] *Mullins E.-C.* The Federal Reserve Conspiracy, Common Sense, Union / E.-C. Mullins. New Jersey, 1954.

отметить, что эти банкирские сообщества сыграют видную роль в свержении монархии в России. Американские спецслужбы докладывали в 1918 г.: "*Варбург Пол: Нью-Йорк. Натурализованный в 1911 г. гражданин немецкого происхождения; был награждён кайзером в 1912 г.; вице-председатель Федеральной резервной системы; оформил большие суммы, предоставленные Германией Ленину и Троцкому; у него есть брат, который является руководителем системы шпионажа Германии*"[20].

Одним из самых крупных банковских домов во Франкфурте-на-Майне конца XIX в. был дом банкиров Бетманов, также связанных с Ротшильдами[21]. Представитель Бетманов станет при Вильгельме II рейхсканцлером Германии, одним из главных поджигателей Первой мировой войны и яростным врагом России. Он войдёт в историю как Теобальд фон Бетман-Гольвег[22]. Кстати, дед Теобальда читал курс истории деду Вильгельма II принцу Альберту Саксен-Кобургскому.

Американские банкиры германо-еврейского происхождения оказывали кайзеровской Германии значительные услуги. Первый секретарь русского посольства в Вашингтоне граф И. Г. Лорис-Меликов сообщал 17(30) марта 1916 г., что "*никакая иностранная нация не имеет в Америке столько банков, сколько Германия. Чтобы перечислить только крупнейшие из них, достаточно упомянуть о фирмах: "Кун, Лёйб и К", "Ляденбург, Тальман и К°", "Селигман и К°" и прочие. Эти банки всецело немецкие по происхождению, и если в настоящее время они и считаются американскими, то не подлежит сомнению, что интересами своими они всё ещё тесно связаны с Германией*"[23].

Якоб Шифф финансировал рейх вплоть до его поражения в 1918 г. Одновременно, многие банки и промышленные кампании Великобритании находились в руках выходцев из Германии. Одним из них был судопромышленник германо-еврейского происхождения Г.-В. Вульф, игравший видную роль на англо-германо-американском рынке. Историк С. П. Мельгунов утверждал, что

---

[20] *Mullins E.-C.* Op. cit.

[21] *Оггер Г.* Магнаты. Начало биографии / Гюнтер Оггер. М. : Прогресс, 1985.

[22] *Саттон Э.* Уолл-Стрит и большевистская революция / Э. Саттон. М. : Русская идея, 1998.

[23] И. Г. Лорис-Меликов – Б. В. Штюрмеру // Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. Документы. М., 1999. С. 628.

"*Николай II указывал в телеграмме английскому королю на возможное влияние* [английских] *банков, находившихся в немецких руках*" на революционное движение в России[24]. Нельзя не отметить и германские связи влиятельных английских политиков, членов тайного общества "Круглый Стол", о котором уже говорилось выше. Так, лорд Альфред Мильнер родился и провёл свою молодость в Гессен-Дармштадте, его мать была немка; будущий посол Великобритании в Петербурге сэр Дж. Бьюкенен много лет провёл в Германии в качестве сотрудника посольства.

К началу XX в. роль транснационального капитала, имевшего своей целью передел мира и создание Нового мирового порядка, чрезвычайно возросла и его центр находился в США. Вильгельм II через банковские и промышленные круги поддерживал тесные контакты с Америкой. Близким другом кайзера был промышленник Альберт Баллин. Его отец был владельцем агентства, которое специализировалось на организации эмиграции в США талантливых инженеров, конструкторов и предпринимателей. В их числе были впоследствии авиаконструктор В. Боинг, изобретатель джинсов Л. Страус, производитель роялей Г. Стенвей и другие. После смерти отца А. Баллин возглавил агентство "Гамбург-Американалайн" и придал его деятельности принципиально иной уровень, став безусловным лидером на этом рынке. Помимо промышленников с США был связан фельдмаршал Альфред фон Вальдерзее, женатый на Мэри Эстер Ли, дочери нью-йоркского торговца.

Через эти связи Вильгельм II устанавливал прямые контакты с правящими и финансовыми кругами США, а в 1901–1909 гг. лично с президентом Т. Рузвельтом, которого называл своим "большим приятелем". Таким же "большим приятелем" кайзера был, до поры, и другой американский президент В. Вильсон, впоследствии сыгравший видную роль в свержении Вильгельма с престола.

Такова была подлинная суть Второго рейха, не имевшего ничего общего с благостным лубком "братской" страны, который так популярен у некоторых российских германофилов. На самом деле в лице кайзеровской Германии Россия имела смертельного и опасного врага.

---

[24] *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года) / С. П. Мельгунов. Париж : Родина, 1931. С. 67.

Император Николай II и кайзер Вильгельм

Трудно найти в мировой истории две более противоположные личности, чем кайзер Вильгельм II и император Николай II. Полной противоположностью были их характеры, устремления и духовный мир. Великий князь Гавриил Константинович так делился впечатлениями от встречи с кайзером: *"Я невольно сравнивал его с нашим дорогим Государем, который был само благородство, спокойствие и достоинство. Вильгельм II скорей походил на фельдфебеля, вносил много шума, и в нём не было того, что называется породой*"[25].

Полной противоположностью стала и их смерть. Насколько праведной была мученическая кончина императора Николая II со всей его семьёй в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге, настолько банальной была смерть скрывавшегося в голландском Дорне изгнанного из Германии Вильгельма. В Ипатьевском доме царь молился за Россию и весь мир, на смерть он пошёл, неся на руках больного сына, оставив человечеству завет, что мир спасёт Любовь. Вильгельм II в Дорне выращивал тюльпаны и писал лживые мемуары, главной мыслью которых было самолюбование и самооправдание. Бывший кайзер очень выгодно вложил свои деньги в германскую промышленность. По официальным данным, за десять лет личное состояние Гогенцоллернов удвоилось и составляло 37 млн марок[26]. В 1940 г. бывший император посылал восторженные телеграммы своему бывшему солдату Адольфу Гитлеру по случаю взятия им Парижа[27].

Кайзер Вильгельм был любителем эпатажа, эффектной позы, длинных и пафосных речей, которые он произносил всюду. По словам австро-венгерского дипломата Оттокара фон Чернина, кайзер "*говорил об искусстве, науке, политике и музыке, религии и астрономии, и его разговор всегда будил мысль. Не то что все его мысли казались верными, наоборот, он часто приходил к очень спорным выводам, – но он не страдал худшим недостатком светского человека – он не был скучен*"[28].

---

[25] *Гавриил Константинович, Великий князь*. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи / Гавриил Константинович, Великий князь. Нью-Йорк, 1955.
[26] *Рыжов К.* Все монархи мира. Западная Европа / К. Рыжов. М., 1999.
[27] Das Dritte Reich. Band 50. Berlin : Dokumenten-Verlag, 1975. S. 325.
[28] *Czernin O.* Im Weltkriege / Ottokar Czernin. Berlin-Wien, 1919.

Наставник будущего императора Георг Хинцпетер отмечал, что с одной стороны, его воспитанник представлял собой *"необычайно крепкую и развитую индивидуальность"*, а с другой – имел ленивый и "фарисейский" характер. Хинцпетер считал, что эгоизм принца Вильгельма достиг "*почти кристаллической твёрдости*"[29]. Б. Бюлов отмечал, что Вильгельм II "*обладал большей фантазией, чем bon sens и его подвижный ум был склонен к скачкообразным и фантастическим переменам*"[30]. Начальник канцелярии министерства императорского двора и уделов генерал-лейтенант А. А. Мосолов, много раз видевший Вильгельма, вспоминал, что тот "*временами производил впечатление истеричного человека*"[31]. Граф Филипп Ойленбург высказывался о своём августейшем друге гораздо более откровенно: "*Он нездоров, и это – самая мягкая из всех возможных формулировок*"[32].

Однако кайзер Вильгельм был достаточно гибким политиком, умевшим находить выходы из сложных ситуаций. Но у него были два весьма опасных для государственного деятеля свойства: импульсивность при принятии решений и страх перед их последствиями. Это в свою очередь приводило к непостоянству и двурушничеству, стремлению использовать другую сторону исключительно в своих интересах.

Мир ценностей Вильгельма II основывался на представлении о святости германской монархии. Говоря в 1897 г. о своём покойном деде императоре Вильгельме I, кайзер заявил, что тот оставил правящим государям "*в наследство жемчужину, которую мы обязаны хранить и считать священной, а именно – монархию милостью Божьей, монархию с её тяжёлыми обязанностями, работой, нескончаемыми трудами и страшной ответственностью перед Создателем*"[33].

Однако эта монархия не имела ничего общего с русским самодержавием. Вильгельм II был, скорее, наследником языческих римских кесарей, чем Константина Великого. Главный упор кайзер

---

[29] *Шиндлинг А., Циглер В.* Указ. соч. С. 510–538.
[30] *Бюлов Б.* Воспоминания / Б. Бюлов. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1935. С. 77.
[31] *Мосолов А.* При дворе последнего Императора / генерал А. Маслов. СПб. : Наука, 1992. С. 183.
[32] *Шиндлинг А., Циглер В.* Указ. соч. С. 531.
[33] *Туполев Б. М.* Династия Гогенцоллернов // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 172.

делал на культе военного вождя, победителя, грозного владыки, для которого христианские ценности были понятиями второстепенными, а иногда вообще не играли значимой роли. Например, посетив Святую Землю в 1898 г., кайзер писал Николаю II, что "*если бы он приехал туда, не имея никакой религии, то, конечно, стал бы магометанином*"[34].

Даже гимн Германии при Втором рейхе "Heil dir Im Siegerkranz" ("Слава тебе в венке Победителя!"), длинный и бравурный, был исполнен хвалой кайзеру, имя которого повторялось десятки раз, при этом имя Божие не упоминалось вовсе. (Сравним этот гимн с "Молитвой русского народа", краткой и торжественной, в которой народ обращается к Господу: "Боже, Царя храни!")

Таким образом, германская монархия воспринималась кайзером не как Богом установленный институт – защитника христианской веры и народа, а как идеальное мировое устройство, в котором Германия будет играть ведущую исключительную роль. Непостоянный, импульсивный, крайне самоуверенный, злопамятный и в то же время наделённый огромной властью, Вильгельм II являл собой образец непредсказуемого и ненадёжного политика. Генерал-фельдмаршал А. фон Вальдерзее уже в самом начале XX в. считал, что Вильгельм II "*слишком много затеял, ничего не довёл до конца и наделал такую путаницу, которую Бог весть, когда придётся распутать*"[35].

Россию Вильгельм не любил и одновременно боялся: "*Изо всех соседей Пруссии*, – говорил он, – *Россия – самый опасный, как по причине своей мощи, так и по своему географическому положению. Мои предшественники правильно делали, что поддерживали дружбу с этими варварами*"[36].

Вальдерзее рассказывал в письме, что "*кайзер неоднократно, крайне неосторожно высказывал антирусские чувства. Я не сомневаюсь, что подобные высказывания делаются в семейном кругу, и отсюда уже получают широкую огласку... При этом я убеждён, что все эти слова и речи проистекают из-за чувства страха перед*

---

[34] Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 9 ноября 1898 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. М., 2007. С. 296.

[35] *Людвиг Э.* Последний Гогенцоллерн. Вильгельм II / Э. Людвиг. М. : Московский рабочий, 1991. С. 138.

[36] *Paléologue (Maurice).* Guillaume II et Nicolas II / Maurice Paléologue. Paris : Plon, 1935. P. 9.

Россией, но так как монарх показать этого не хочет, то он высказывает в своих речах жестокость, чтобы доказать себе и окружающим, что он чрезвычайно энергичный человек"[37].

Первоначально, ещё не имея возможности решать проблемы военным путём, Вильгельм II стремился при помощи дипломатических интриг втянуть Россию в такой союз с Германией, в котором она бы играла подчинённую роль. Одной из целей, которые ставил перед собой германский император в отношении России, было максимальное ослабление её влияния в Европе. Вильгельм II в письме Николаю II от 26 апреля 1895 г. указывал, "*что для России великой задачей будущего является дело цивилизации Азиатского материка и защиты Европы от вторжения жёлтой расы. В этом деле я буду всегда по мере сил твоим помощником*"[38].

Говоря иными словами, кайзер предлагал России увязнуть на Дальнем Востоке, не лезть в европейские дела, а играть роль буфера между "варварской" Японией и "цивилизованным" Западом, хозяином которого должен был стать он, кайзер Вильгельм.

Между тем император Николай II с первых дней царствования был сторонником сохранения мирных, но равноправных отношений с Германией. Видный германский военный деятель гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц вспоминал: "*Николай II был настроен в пользу Германии. Общественность составила себе ложное представление о Царе. Это был честный, лично бесстрашный человек со стальными мускулами. Николай II в одной из бесед со мною сказал по собственной инициативе: "Гарантирую вам, что я никогда не буду воевать с Германией*"[39].

Когда в 1896 г. великий князь Алексей Александрович высказал мнение, что Германия стремится к отторжению русских областей и оттеснению России к рубежам Московского царства, Николай II возразил: "*С какой стати? Владея входом в Балтийское море, Германия вполне спокойна*"[40].

---

[37] *Людвиг Э.* Указ. соч. С. 130.

[38] Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 26 апреля 1895 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. М., 2007. С. 268.

[39] *Тирпиц А.* Воспоминания / А. Тирпиц. М. : Воениздат, 1957.

[40] Записка Великого князя Алексея Александровича по поводу брошюры Кази: "Русский военный флот, его современное состояние и ближайшие задачи". С пометами Императора Николая II // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 440. Л. 8.

Во время своей первой заграничной поездки в 1896 г., главной целью которой было посещение Парижа, Николай II специально вначале нанёс визит в Берлин, где встретился с Вильгельмом II. Эта встреча должна была лишний раз продемонстрировать мирный характер визита царя во Францию. Советник французского посольства Жюль Гансен писал, что русский министр иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский "*был настроен откровенно антигермански, но он был вынужден уступать перед непреклонной волей Николая II, который был расположен к сотрудничеству с Германией*"[41].

Всё это опровергает досужие утверждения о якобы присущей императору Николаю II германофобии. Никакой неприязни к Германии Государь не испытывал, но он всё больше убеждался в лицемерии, ненадёжности и двурушничестве её повелителя. Поток славословий и комплиментов, сочетавшихся с клятвами в "вечной дружбе" и "братском единении", коими были наполнены все письма германского императора, не мог скрыть того, что говорил кайзер третьим лицам. Так, в 1901 г. на похоронах королевы Виктории Вильгельм II в беседе с новым английским королём Эдуардом VII позиционировал себя как врага России, что не питает уважения к императору Николаю II, этому "*некомпетентному правителю, годному только для того, чтобы выращивать репу*"[42].

Находясь с официальным визитом в Петергофе в 1897 г. и произнося тост в честь Николая II, Вильгельм заявил: "*С полным доверием могу я снова дать Вашему Величеству торжественное обещание, и этому, я знаю, сочувствует мой народ, что в великом деле сохранения народами мира, я всеми силами буду содействовать Вашему Величеству и оказывать самую сильную поддержку против всякого, кто попытается помешать или разрушить его*"[43]. Вильгельм II в конце своего тоста "*ручался, что за ним вся его нация всегда будет*

---

[41] *Hansen J.* Ambassade à Paris du baron de Mohrenheim / Jules Hansen. Paris, s/d. P. 169.

[42] *Остапенко Г. С.* Наследники королевы Виктории и первые британские монархи XX века: Эдуард VII и Георг V. Конституционные полномочия и реальные права монархов XX века / Г. С. Остапенко // Новая и новейшая история. 1999. № 6.

[43] Приветственная речь императора Вильгельма II на приёме у Императора Николая II. 27 июля 1897 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 710. Л. 2.

стоять за Россию и за мир". Комментируя эту фразу, великий князь Константин Константинович провидчески отметил: "*Такое ручательство мне кажется несколько смелым*"[44]. Через семнадцать лет Вильгельм II забудет о своём торжественном обещании, когда сделает всё, чтобы развязать Первую мировую войну.

Тем не менее Николай II по-прежнему не только желал сохранять дружеские отношения с Германией, но даже не отказывался от военного сотрудничества с ней. При этом он учитывал, что среди германской элиты остаётся немало сторонников сохранения добрых отношений с Россией. 4 июля 1900 г. Государь получил депешу от русского военного агента в Берлине В. Н. Шебеко, где приводились слова крупного германского военного чина: "*Место Германии возле России и Франции, а не возле Англии, поскольку, сделавшись союзницей последней, Германии пришлось бы иметь дело с мировой войной, войной в собственной стране и войной на два фронта – с Францией и Россией*"[45].

Стремясь сохранять добрые отношения с Германией, Николай II всячески укреплял русско-французский союз. Суть этой политики точно выразил граф В. Н. Ламздорф: "*Для того, чтобы быть действительно в хороших отношениях с Германией, нужен союз с Францией. Иначе мы утратим независимость, а тяжелее немецкого ига я ничего не знаю*"[46].

Осенью 1901 г. в Спале Государь принял принца Генриха Прусского, брата императора Вильгельма. Принц Генрих был назначен командующим Дальневосточной германской эскадрой, поэтому посещение им царя в условиях начавшейся большой игры великих держав на Дальнем Востоке имело важное значение. Генрих Прусский вынес из длительного общения с Николаем II следующее впечатление: "*Царь благожелателен, любезен в обращении, но не так мягок, как зачастую думают. Он знает, чего хочет, и не даёт никому спуску. Он настроен гуманно, но желает сохранить самодержавный строй. Свободно думает о религиозных вопросах, но никогда публично не вступит в противоречие с Православием. Хороший*

[44] Дневник Великого князя Константина Константиновича. Запись от 25 июля 1897 г. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1.Д. 44. Л. 71–72.
[45] Депеша агента в Берлине В. Н. Шебеко от 4 июля 1900 г. // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4945. Л. 632.
[46] Дневник В. Н. Ламздорфа. Август – октябрь 1895 г. : [на фр. яз.] // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 42.

военный"[47]. В своих беседах с принцем Генрихом, Николай II ещё раз дал понять, что его союз с Францией вовсе не исключает дружественных отношений с Германией[48].

Поклонники теории о "братской Германии", любят ставить в вину Государю, что он якобы отверг "мудрые" предложения кайзера Вильгельма о военном союзе против Англии, выдвинутые им в 1904–1905 гг. Утверждается, что Николай II якобы пренебрёг интересами России во имя союза с Францией и тому подобное. Между тем подлинная обстановка вокруг "Биоркского договора" свидетельствует о жёсткой дипломатической игре двух монархов, в ходе которой каждый пытался использовать ситуацию в свою пользу.

Проект "союза" был предложен кайзером России в очень тяжёлой для неё обстановке. Война с Японией на Дальнем Востоке была отягощена осенью 1904 г. так называемым Гулльским инцидентом, когда корабли русской 2-й Тихоокеанской эскадры, направлявшейся из Балтики в Жёлтое море, в ночь с 8 на 9 октября обстреляли английские рыбацкие суда, ошибочно принятые за японские миноносцы. На следующий день телеграфные агентства Великобритании известили весь мир о "*нападении русской эскадры на английских рыбаков*", причём число убитых было превышено в два раза. Сегодня не вызывает сомнений, что этот инцидент был англо-японской провокацией, которая должна была стать поводом для вступления Англии в войну на стороне Японии против России. "*Война может быть вопросом нескольких часов,* – писала "The Times", – *Англии остаётся лишь один путь*"[49]. Ещё в середине 1904 г. английский генеральный штаб разработал планы нападения на Россию[50]. В русском МИДе также знали, что готовится английский десант на кавказское побережье России[51].

---

[47] *Ольденбург С. С.* Указ. соч. С. 114.

[48] *Нигметзянов Т. И.* Российско-германские отношения в правления императоров Николая II и Вильгельма II // II-е Романовские чтения Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 26–27 марта 2009 г. / сост. и науч. ред. А. М. Белов, А. В. Новиков. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009.

[49] *Теплов В.* Происшествие в Северном море / В. Теплов // Русский вестник. 1905. Март. № 3.

[50] *Данилов О. Ю.* Пролог "великой войны". 1904–1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт / О. Ю. Данилов. М. : Поколение, 2010. С. 35.

[51] Там же. С. 36.

В этой связи для России была принципиально важна позиция, которую займёт Франция. Русский военный агент полковник В. П. Лазарев сообщал в своей шифрограмме от 24 октября 1904 г.: "*Франция ни в каком случае не окажет вооружённое содействие нам в борьбе с Англией*"[52]. При таком развитии событий рассчитывать на помощь Парижа не приходилось.

Вильгельм II решил, что настал благоприятный момент втянуть Россию в фарватер своей политики, отстранить от европейских дел, полностью захватить русский внутренний рынок и разорвать франко-русский союз. 14 октября 1904 г. в телеграмме Николаю II кайзер предложил создать "*мощную комбинацию трёх наиболее сильных континентальных держав*", а именно – России, Германии и Франции, на которую англо-японской группе придется не раз подумать, "*прежде чем напасть*"[53].

В ответной телеграмме Николай II поблагодарил кайзера за предложение и согласился "*чтобы Германия, Россия и Франция пришли к соглашению уничтожить англо-японское высокомерие и нахальство. Как только он будет нами принят, Франция должна будет присоединиться к своей союзнице. Этот план приходил мне часто в голову, он принесёт мир и спокойствие всему миру*"[54].

По мнению Николая II, предлагаемая Вильгельмом комбинация могла стать для России большим успехом. Она позволяла решить сразу несколько задач. В случае заключения договора с немцами, царь, естественно, должен был сообщить о нём французам. Согласно изменениям в русско-французской конвенции 1901 г., Франция и Россия обязаны были вступаться друг за друга в случае нападения Англии на одного из союзников. Если бы Франция согласилась примкнуть к русско-германскому союзу, она, в случае нападения Англии на Россию, была бы вынуждена объявить войну Англии и воевать с англичанами в союзе с русскими и немцами. Но Николай II понимал, что для Франции, которая только наладила

[52] Доклад военного агента полковника В. П. Лазарева. 24 октября 1904 г. // РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 209.

[53] Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 14 октября 1904 г. //Красный Архив. Исторический журнал. М., 1924. Т. 5. С. 5–6.

[54] Император Николай II – императору Вильгельму II. Не позднее 16 октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 341–342.

союзные отношения с Англией, такой расклад событий был бы крайне нежелателен и что Франция сделает всё от неё зависящее, чтобы отговорить Англию от войны с Россией.

Начиная дипломатическую игру с кайзером, Николай II преследовал следующие цели: 1) предотвратить вступление Англии в войну против России; 2) заставить Францию, под угрозой объединения с Германией и совместной войны с Англией, оказать давление на Лондон; 3) втянув Германию в активную антианглийскую деятельность, не допустить все ещё имеющиеся возможности для Германии и Англии договориться между собой против России.

Граф Ламздорф цели Государя не понял и поэтому с тревогой докладывал ему 16 октября 1904 г.: "*…в предложениях германского правительства постоянное стремление его расстроить дружеские отношения между Россией и Францией*"[55]. Ламздорф предлагал императору указать послу в Берлине графу Н. Д. Остен-Сакену "*на необходимость крайней осторожности в столь щекотливом вопросе*"[56].

Однако Николай II стремился именно к тому, чего так боялся Ламздорф. Государь хотел добиться наибольшего эффекта от известия о русско-германском сближении. Для выхода из крайне опасной ситуации, сложившейся после Гулльского инцидента, царю необходимо было заставить призадуматься как Англию, так и Францию. Поэтому Николай II ответил Ламздорфу, что не согласен с ним: "*Вы увидите из моего ответа на телеграмму Императора Вильгельма, что я сильно стою в настоящее время за такого рода соглашения с Германией и Францией. Это избавит Европу от чрезмерного нахальства Англии и будет весьма полезно в будущем*"[57].

Вильгельм II воспринял согласие Николая II, как большой дипломатический успех. В своей следующей телеграмме, он, не скрывая чувств радости, писал: "*Дорогой Ники! Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту*

---

[55] Доклад графа В. Н. Ламздорфа Императору Николаю II. 16 октября 1904 г. // Красный Архив. Исторический журнал. М., 1924. Т. 5. С. 6.
[56] Там же. С. 7.
[57] Помета Императора Николая II на докладе графа В. Н. Ламздорфа // Красный Архив. Исторический журнал. М., 1924. Т. 5. С. 6.

я могу быть Тебе полезным. Пусть будет так, как Ты говоришь. Будем вместе"[58].

Дальнейшие строки Вильгельма II свидетельствуют, что кайзер действовал в согласии с влиятельными кругами США. Дело в том, что они, сделав всё, чтобы развязать русско-японскую войну, к началу 1905 г. стали опасаться, как бы успехи англо-японской коалиции, в случае вступления Англии в войну на стороне Японии, ни привели к чрезмерному усилению Великобритании в Дальневосточном регионе. Военное поражение России, по мнению американских политико-финансовых кругов, должно было привести не к усилению Англии и Японии, а к ослаблению России и усилению США. Союз кайзера и царя не мог остановить продвижение японцев, но совершенно определённо мог остановить англичан. Поэтому Вильгельм II в своём письме сообщал Николаю II: "*…очень важно, чтобы Америка не видела для себя угрозы в нашем соглашении*"[59].

Вильгельм II убеждал Николая II в бесполезности и ненужности союза с Францией, не подкреплённого союзом с Германией[60]. Мысль императора Вильгельма сводилась к следующему: Россия заключает с Германией союзный договор, до поры до времени ничего не сообщая об этом Франции. Это никоим образом не мешало вовлечь Англию в войну с Россией. Когда же Франция окажется поставленной перед фактом русско-германского союза, она будет вынуждена либо примкнуть к нему, что крайне маловероятно, либо выступить против России и Германии на стороне Англии и Японии, что означало бы полный развал франко-русского союза. Но даже в случае присоединения Франции к русско-германскому союзу, она попадала в зависимость от Германии и утрачивала независимость своей политики. Таким образом, Германская империя становилась главной державой в Европе. Таковы были планы императора Вильгельма, когда он посылал проект союзного договора Николаю II. Смысл этих планов удачно выразил В. Н. Ламздорф: "*Истинные цели Императора Вильгельма совершенно разрушить*

[58] Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 17/30 октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. М., 2007. С. 342.
[59] См.: Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 17/30 октября 1904 г. С. 343.
[60] Там же. С. 344.

франко-русский союз и получить возможность окончательно скомпрометировать нас в Париже и Лондоне. Россия изолированная и неизбежно зависимая от Германии – вот его давняя мечта"[61].

Проект договора содержал в себе три статьи, предусматривавших взаимную военную помощь в случае нападения третьей страны на одного из союзников, давление на Францию в плане исполнения ею своего союзнического долга согласно русско-французской конвенции и отказ от заключения сепаратного мира одной из договаривающихся сторон[62].

Николай II с самого начала хорошо понимал истинные цели кайзера. Сразу после получения от кайзера проекта договора, царь писал Ламздорфу 20 октября 1904 г.: "*Только сегодня получил письмо с проектом "Соглашения" от Императора Вильгельма. Читая его, я рассмеялся. Содержание трёх единственных статей более всего касается Франции. Срок договора – длительность нашей войны с Японией. Последний пункт касается именно предмета неудовольствия германского правительства действиями Англии относительно угольной операции. Но это – частное дело обоих государств*"[63].

Все действия Николая II при подготовке проекта договора с Германией говорят о том, что он не собирался жертвовать союзом с Францией и пускаться в авантюрный союз с Германией. Полная переориентация на Берлин заставила бы Россию уступать ему в вопросах Ближнего Востока и в обладании проливами, а агрессивный германский капитал ещё активнее начал бы вторжение на русский рынок.

По распоряжению Государя, Ламздорф внёс значительные коррективы в проект договора. Так, в первую статью было вписано следующее дополнение: "*Его Величество Император Всероссийский предпримет необходимые шаги для того, чтобы ознакомить Францию с этим договором и побудить её присоединиться в качестве союзницы*"[64].

---

[61] Красный Архив. Исторический журнал. М., 1924. Т. 5. С. 6.

[62] Проект договора 17/30 октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. М., 2007. С. 345.

[63] Император Николай II – графу В. Н. Ламздорфу. 20 октября 1904 г. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 5. С. 12–13.

[64] Доклад графа В. Н. Ламздорфа Императору Николаю II 22 октября 1904 г. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 5. С. 13.

Тогда же было составлено конфиденциальное сообщение французскому правительству. В нём император Николай II сообщал, что "*враждебная и вызывающая политика, которой всё чаще и чаще считает нужным придерживаться к другим державам британское правительство*", заставляет его и императора Вильгельма прибегнуть к серьёзным шагам по организации отпора английской агрессии путём заключения союзного договора. Об этом он, Николай II, в силу союзнических обязательств, сообщает французском правительству для выяснения мнения последнего по этому поводу[65].

Одновременно Государь сообщил германскому императору, что "*было бы разумным показать французам черновик договора*", в связи с чем он просит Вильгельма "*согласия ознакомить правительство Франции с этим проектом*"[66]. По существу, это заранее означало провал так называемого "союза Центральных держав",[67] так как весь план кайзера строился именно на том, чтобы поставить Францию пред свершившимся фактом состоявшегося русско-германского союза.

Предложение царя вызвало у Вильгельма II крайнее негодование. Он писал Бюлову: "*Его Величество начинает прошибать холодный пот из-за галлов, и он такая тряпка, что даже этого договора с нами не желает заключить без их разрешения, а значит, не желает его заключать также и против них. По моему мнению, нельзя допустить, чтобы Париж что-нибудь узнал, прежде чем мы получим подпись "царя-батюшки". Ибо если до подписания текст договора сообщить Делькассе, то он даст телеграмму Камбону, и в тот же день её напечатают "Times" и "Figaro", а тогда делу конец. Первая неудача, которую я лично испытываю*!"[68]

С плохо скрываемым раздражением кайзер сообщал об этом же Николаю II 26 ноября 1904 г.: "*Было бы, несомненно, опасно уведомлять Францию, прежде чем мы с Тобой не подпишем договора; последствия этого были бы диаметрально противоположны нашим желаниям. <…> Если Франция узнает, что русско-германский договор только в проекте, но ещё не подписан, она тотчас предупредит*

[65] Красный Архив. Исторический журнал. Т. 5. С. 13.
[66] Телеграмма императора Николая II императору Вильгельму II // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 354.
[67] Такое название договору предлагал Вильгельм II.
[68] Die Große Politik, 19. Bd. T.1, № 6126. S. 408.

своего друга (если не тайного союзника) Англию, с которой её связывает "Entente Cordiale", и осведомит её немедленно"[69].

Кайзер рисовал Николаю II страшные последствия от ознакомления Парижа с проектом договора: "*Результатом такой информации будет, без сомнения, моментальное нападение двух союзных держав, Англии и Японии, на Германию в Европе, равно как и в Азии. Громадное превосходство их морских сил скоро бы покончило бы с моим небольшим флотом, и Германия на время осталась бы калекой. Это нарушило бы мировое равновесие в ущерб нам с Тобой, и позднее, когда Ты начнёшь переговоры о мире, оставило бы Тебя один на один с нежным попечением Японии и её торжествующих подавляюще могучих друзей*"[70].

Но Николай II знал, что ничего подобного не произойдёт и что нагнетание обстановки кайзером преследует одну лишь цель: добиться подписания выгодного только для Германии договора. Николай II стремился к тому, чего так не хотел кайзер: добиться того, чтобы Франция предупредила Англию о готовящемся подписании русско-германского союза и тем самым заставила её отказаться от войны с Россией. Он понимал, что для Франции было крайне невыгодно ни оказаться в союзе с Германией, ни вступать с ней в войну. А именно к одному из этих двух вариантов привёл бы Париж русско-германский договор.

Государь не ошибся в своих расчётах. Весть о готовящемся русско-германском союзе сильно встревожила Париж. Примкнуть к договору означало для него фактический отказ от статуса Франции как ведущей державы Европы. С другой стороны, отклонить договор и продолжать занимать прежнюю позицию в отношении Петербурга означало разрыв с Россией и объединение её с Германией. В этом случае Париж ставил себя в крайне опасное положение: он оставался один на один со старым врагом при весьма сомнительной помощи Англии.

Неудивительно поэтому, что французские правящие круги сразу начали оказывать ощутимое давление на британское правительство. 28 октября посол Франции в Лондоне Поль Камбон во время

---

[69] Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 13/26 ноября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. М., 2007. С. 355.
[70] Там же.

аудиенции у министра иностранных дел Генри-Чарльза Лэнсдауна пригрозил, что в случае если Англия нападёт на Россию, может последовать изъятие из лондонских банков значительных французских капиталов[71]. Если учесть, что долг Великобритании Парижу составлял тогда около 1,5 млрд франков, угроза французского посла была более чем весомой и грозила катастрофой лондонскому Сити. Поэтому Лондон поспешил согласиться на русское предложение передать Гулльский конфликт на разрешение международной конвенции и отказался от военных приготовлений против России.

Таким образом, император Николай II удачно использовал намерения кайзера по расколу франко-русского союза для предотвращения военного столкновения с Великобританией. Примечательно, что Вильгельм II, узнав об изменении позиции Англии, прекратил все переговоры о "братском единении", лишний раз продемонстрировав, что подлинная его цель не имела ничего общего с желанием подлинного союза с царём.

Однако вскоре дипломатическая игра вокруг русско-германского союза разгорелась с новой силой. Не успела ещё закончиться русско-японская война, как Европа оказалась втянутой в Марокканский кризис. На обладание этой североафриканской страной настойчиво претендовали Германия и Франция. Только в этих условиях стала понятна правота Императора Николая II, отказавшегося осенью 1904 г. от проекта "союза Центральных держав", который так настойчиво предлагал ему кайзер Вильгельм. Пойди Россия на подписание союзного договора с Германией, одним из обязательств которого было участие в войне на её стороне, и она могла быть легко в неё втянута из-за совершенно чуждого русским интересам марокканского вопроса.

31 марта 1905 г. Вильгельм II прибыл в марокканский город Танжер. Его встреча вылилась в демонстрацию германской силы, фактически потребовав от Парижа отказа от прав на Марокко[72]. Душой сопротивления германским требованиям стал французский министр иностранных дел Т. Делькассе, который был уверен, что Германия блефует и не начнёт войны из-за Марокко[73]. Но весной

[71] P. Cambon à T. Delcassé // Documents Diplomatiques Français (далее – DDF). 2-éme série. Vol. V. P. 475–476.
[72] История дипломатии. Т. 2. С. 568.
[73] *Zorgbibe C.* Delcassé. L'inconnu du Quai d'Orsay / Charles Zorgbibe.. Paris : Olbia Eds, 2001. P. 108.

1905 г. Делькассе не нашёл понимания со стороны многих французских политиков, в частности председателя совета министров Мориса Рувье, который вопрошал: "*Что произойдёт, если Германия всё-таки атакует Францию, а Англия её не поддержит? Разве можно подвергать страну такому риску, когда Россия поглощена войной в Маньчжурии и вполне может отказаться от своих обязательств по союзному договору?*"[74]. С Германией, полагал Рувье, следует идти на договорённости, а не воевать[75]. Французский премьер предлагал немцам полный доступ на французский рынок и двусторонний франко-германский делёж Марокко без участия Англии[76].

Немцы были согласны, но требовали немедленной отставки Делькассе. Цель Вильгельма II в отношении Франции была той же, что и в отношении России – навязать Парижу "союзный" договор, оторвать её от России и полностью подчинить интересам германской политики.

Пойдя на поводу у немцев, М. Рувье, под прямым давлением Германии и заручившись поддержкой президента Э. Лубе, 6 июня 1905 г. добился отставки Делькассе и сам встал во главе министерства иностранных дел. Это была крупная дипломатическая победа Германии: чувствуя слабость позиции французского правительства, германцы стали требовать от него полной капитуляции в Марокко[77]. Вильгельм II полагал: для того чтобы развить успех и заставить Францию отказаться от всякого сопротивления, её необходимо поставить в условия полной изоляции, когда помощи ждать будет неоткуда. Для этого надо во что бы то ни стало оторвать её от России. В Берлине хорошо понимали, что Англия, не имевшая многочисленной армии, не сможет оказать Франции действенной помощи на суше. Стремясь осуществить свой замысел, Вильгельм II вновь вернулся к идее заключения с Россией секретного союзного договора, к которому, после его подписания, предполагалось присоединить Францию.

---

[74] *Renouvin P.* La crise européenne et la Grande Guerre / Pierre Renouvin. P. 71–72.
[75] AN, Fonds Loubet, AP 473/7.
[76] *Hammann O.* Zur Vorgeschichte des Weltkrieges / O. Hammann. Berlin, 1919. S. 214.
[77] MAE, 12–15. Négociations secrètes. Janvier 1902-novembre 1905. Agent Barrère. 2. (microfilm). Lettres de Barrère. La chute de Delcassé.

Тем временем в 1905 г. Россия переживала грозные события. К неудачам русско-японской войны прибавилась общероссийская смута, грозившая гибелью самодержавному строю. Кроме того, к лету 1905 г. Россия фактически вновь оказалась в международной изоляции, так как будущее союза с Францией после отставки Делькассе и усиления позиций антироссийских сил, вообще представлялось в Петербурге весьма туманным. Осенью 1904 г. Париж стал местом проведения конференции российских оппозиционных и революционных сил, а после событий 9 января 1905 г. в Петербурге – центром яростной антицарской пропаганды.

В этих условиях кайзер, который возвращался морским путём в Германию по Балтике, направил императору Николаю II телеграмму с предложением встретиться[78]. Николай II сразу же ответил согласием и предложил "*Биоркезунд, недалеко от Выборга, на борту наших яхт*"[79].

8 июля 1905 г. в письме к Ламздорфу Николай II отметил, что считает предстоящее свидание с германским императором "*очень полезным и важным*". При этом Государь указал Ламздорфу не сопровождать его в поездке, "*так как Бюлов не находится в плавании с Императором*"[80].

Царь специально не взял с собою Ламздорфа, максимально засекретив свою встречу с кайзером. Объяснения Николая II, что он не берёт с собой министра иностранных дел, потому что с кайзером не будет рейхсканцлера Бюлова, нельзя признать убедительными, так как на борту "Гогенцоллерна" находился граф Генрих фон Чиршки-Бёгендорф, бывший сотрудник германского посольства в Петербурге и влиятельное лицо германской дипломатии. По свидетельству А. П. Извольского "*в царской свите не было никого равного по рангу и по осведомлённости*" Чиршки[81].

---

[78] Das Telegramm des Kaisers an den Zar. 18 juli 1905 // Die Große Politik. 19. Bd. № 6202. S. 435.

[79] Der Reichskanzler Fürst von Bülow, z. Z. In Norderney, an das Auswärtige Amt // Die Große Politik. 19. Bd. № 6202. S. 435.

[80] Император Николай II – графу В. Н. Ламздорфу 8 июня 1905 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 112.

[81] *Извольский А. П.* Воспоминания / бывший министр иностранных дел А. П. Извольский ; пер. с англ. А. Сперанского. Пг. ; М. : Петроград, 1924. С. 44.

Несомненно, что это было сделано сознательно императором Николаем II, для того чтобы в случае подписания любого договора, можно было в будущем его легко дезавуировать ввиду отсутствия подписи Ламздорфа.

Свидание двух императоров состоялось 10(23) –11(24) июля 1905 г. в финских шхерах около острова Бьёрке. На этой встрече Вильгельм II предложил Государю вернуться к проекту договора 1904 г. На этот раз кайзер был уверен в успехе. Опасность того, что царь заранее ознакомит французское правительство с проектом союзного договора, его больше не пугала, так как новый кабинет Рувье делал всё, чтобы не раздражать германского повелителя. Вильгельм II с этого и начал встречу с Николаем II, заявив, что теперь можно возвратиться к прошлогоднему проекту, так как с премьер-министром Рувье легко находить общий язык.

Николай II согласился. Текст договора был тот же самый, что и в 1904 г. А. П. Извольский утверждал, что сам Царь рассказывал ему, "*что договор был подписан за несколько минут до отъезда Императора Вильгельма, после завтрака, который состоялся на борту "Гогенцоллерна*"[82].

Эта видимая лёгкость, с какой Государь подписал договор, дала потом повод различным писателям утверждать, что он находился "под хмельком". Как писал Извольский, то было "*вульгарное утверждение, которое легко могло бы быть устранено, если бы кто-нибудь из них имел случай, как это бывало со мной, часто присутствовать на подобных завтраках*"[83].

Кайзер настаивал, чтобы договор был контрассигнован. С германской стороны это сделал Чиршки, с русской – вице-адмирал А. А. Бирилёв, причём Государь закрыл для него текст договора рукой и приказал адмиралу поставить свою подпись, что тот и сделал, не зная, что подписывает.

Почему же Николай II, который отказался подписывать секретный договор в 1904 г., сделал это летом 1905 г.? Советская историография считала, что царь пошёл на поводу у германского императора. На Западе часто можно было слышать суждения, что Россия и Германия подписали что-то вроде сепаратного мира, и тем самым

[82] *Извольский А. П.* Указ. соч. С. 43.
[83] Там же.

Россия чуть ли не предала Францию. Однако при тщательном рассмотрении вопроса Бьёркского соглашения вырисовывается совершенно иная картина.

Для понимания того, что произошло в Бьёрке, надо рассматривать всю ситуацию – военную, внутреннюю и международную, в которой оказалась Россия и лично император Николай II к лету 1905 г.

Несмотря на Цусимское поражение русского флота, война складывалась не в пользу Японии. Её войска овладели Кореей и Южной Манчжурией, но Центральная и Северная Манчжурия находились под контролем русских войск. Русское командование возвело близ Сыпингая мощную линию укреплений. Как признавался японский главнокомандующий сухопутными частями в Манчжурии маршал Ивао Ояма, его армия, одержав с большим трудом победу под Мукденом, физически и психологически "надорвалась" и уже не в силах была вести наступательные операции[84]. Конечно, было бы неправильно представлять Японию полностью "разбитой", и в 1905 г. Россия не стояла на пороге победы. У армии микадо имелись ещё возможности для ведения войны.

Но военная обстановка не шла ни в какое сравнение с тем, что творилось в самой Российской империи. Начавшаяся в январе 1905 г. смута охватила всю страну, от рук террористов ежедневно гибли десятки людей. К середине 1905 г. Россия была парализована всеобщей забастовкой. Николай II весьма точно оценил сложившуюся ситуацию: "*Мы находимся в полной революции при дезорганизации всего управления страной – в этом главная опасность*"[85].

Не менее тяжёлым было внутриполитическое давление на Государя. Промышленные и либеральные круги упорно требовали от него прекращения войны и введения в стране парламентского строя. К этому давлению добавлялось давление извне. Во Франции "возмущение" по поводу "варварского" самодержавия достигла своего апогея, в Англии Россию иначе как страной "кнута и виселицы" не называли, и даже кайзер Вильгельм позволил себе в письме к Николаю II рассуждать о необходимости введения в России представительного органа.

---

[84] *Сахаров А. Н.* Размышления о русско-японской войне 1904–1905 гг. / А. Н. Сахаров // Вопросы истории. 2007. № 4.

[85] Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 19 октября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 15.

Но самым тяжёлым было финансовое положение дел в стране. 29 апреля (12 мая) 1904 г. Россия подписала в Париже контракт о займе на 800 млн франков (300 млн руб.), которые пошли на нужды войны[86]. Революция привела к громадным дополнительным затратам. Русской просьбе о новом займе в размере 300 млн руб. Париж отказал.

Когда Государь направлялся на встречу с кайзером в Бьёрке, он уже знал, что Лондон и Париж готовы выделить России заём, но только после окончания войны и при двух условиях: политическая позиция относительно Англии должна перестать быть враждебной, а внутри России должен установится порядок вещей "*способный внушить доверие*"[87]. Советский историк Б. А. Романов со знанием дела писал в сороковых годах XX в., что вокруг Николая II "*замыкалось кольцо, за которое не было хода*"[88].

Прорывом из этого "кольца" во многом стало Бьёркское свидание. Николай II понимал, что необходимо заключать мирный договор с Японией. Дальнейшее продолжение войны, без необходимых финансовых средств, в условиях набирающей силу смуты, было крайне опасным. Царю было известно, что революционные силы, имеющие влиятельных союзников как за рубежом, так и в верхних эшелонах российской власти, вынашивали планы его устранения и уничтожения монархии. Государь знал также, что Франция, Германия и США, каждый по своим соображениям, были настроены против продолжения войны России с Японией.

Поэтому Николай II вновь стремился использовать хитроумную комбинацию кайзера в свою пользу, добившись от германского императора поддержки в заключении приемлемого для России мира. Именно для этого в 3 статью договора, который в остальном являлся повторением немецкого варианта 1904 г., по настоянию Николая II была внесена поправка: "*настоящий договор войдёт в силу тотчас по заключении мира между Россией и Японией*".

---

[86] Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Фонд Секретный архив, 1904 г. Д. 224/225. Л. 60.

[87] *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907) / Б. А. Романов. М. ; Л. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1947. С. 366.

[88] Там же.

Эта поправка была главным достижением Николая II. Государь понимал, что Берлин, весьма заинтересованный, чтобы договор скорее вступил в силу, окажет всё имеющееся у него давление на Японию с целью скорейшего прекращения войны. Кроме того, в своих письмах кайзер не раз намекал царю на желательность мирного посредничества президента США Теодора Рузвельта, который, по словам Вильгельма, один может повлиять на японцев и "*побудить их быть благоразумными в своих требованиях*". Если только Николай II пожелал бы, заявлял кайзер, он мог бы частным образом снестись с Рузвельтом, "*потому что мы с ним большие приятели*"[89].

Идея Рузвельта сводилась к простой формуле: "*Надо будет радоваться, если результат войны сведётся к тому, что русские и японцы останутся лицом к лицу, уравновешивая друг друга, те и другие – ослабленные*"[90]. Это вполне устраивало и кайзера, который предложил американскому президенту сразу же после заключения мира, начать активно действовать в Китае[91].

Николай II знал, что Рузвельту, как и кайзеру, выгоден скорейший мир на Дальнем Востоке. Ради этого они готовы были поддержать Россию на мирных переговорах с Японией. Поэтому царь с такой лёгкостью и подписал договор с Вильгельмом, заранее зная, что этот договор постигнет судьба его предшественника 1904 г. С. Ю. Витте справедливо писал по этому поводу, что в интересах императора Вильгельма "*было ещё более обессилить Россию, а раз были Биорки, его интерес также заключался в том, чтобы в Портсмуте дело кончилось миром. Не мог же он тогда думать, что Биорки потом провалятся*"[92].

Через две недели после подписания договора царь уведомил о нём Ламздорфа, который принялся сокрушаться по поводу "поспешности" заключения договора. Николай II подыграл своему министру и, как бы соглашаясь с тем, что он совершил ошибку, попросил графа сделать так, чтобы этот договор был признан ничтожным, чем Ламздорф энергично и занялся. Но перед этим Николай II распорядился сообщить о договоре в Париж, чтобы выяснить его

---

[89] Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 13 июня 1905 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 379.
[90] Jusserain à Delcassé // DDF. 3-série. P. 38.
[91] Die Groβe Politik. 19. Bd. № 6285.
[92] *Витте С. Ю.* Воспоминания. Берлин : Слово, 1922.

отношение к возможности присоединения Франции к русско-германскому союзу. Разумеется, в Париже известие о новой возможности заключения русско-германского союза, к которому его приглашали примкнуть, произвело весьма тягостное впечатление. Было понятно, что вместо союза с Россией французам предлагался фактический союз с Германией. Для Франции подобные запросы царя стали сигналом к прекращению политики уступок Германии и к возобновлению активного союза с Петербургом. Рувье заявил, что Франции вполне достаточно союза с Россией, которому она остаётся верна[93].

Перспектива русско-германского союза сильно встревожила и Великобританию, в которой всё более набирали силу антигерманские настроения, и все более крепло убеждение в необходимости нормализовать свои отношения с Россией.

Таким образом, известие о свидании в Бьёрке и подписанном там договоре между царём и кайзером резко изменило международную обстановку в пользу России. Результатом стало возобновление активного франко-русского сотрудничества и начало русско-английского сближения. Непосредственно после Бьёркского свидания начинается активная посредническая деятельность президента США Т. Рузвельта по организации мирных переговоров России и Японии.

Известие об отказе Франции участвовать в русско-германском союзе пришло из Парижа, когда Портсмутский мир был подписан и ждал своей ратификации. После неё должен был автоматически вступить в силу Бьёркский договор. Как писал Витте, Вильгельм II "*уже не сомневался, что его дело в шляпе – война ослабила Россию и ему развязала руки с Востока, теперь же Портсмут и Биорки послужат ему к успокоению, а возможно, и к возвеличиванию Германии при помощи России с Запада. И всё это без пролития капли крови и затраты хотя бы одного германского пфеннига. Но человек полагает, а Бог располагает*"[94].

Специально не дождавшись ратификации мирного договора, Николай II послал Вильгельму II письмо, в котором сообщал, что

[93] AN, AP 473/7 Fonds Loubet, Alliance Franco-Russe, Guerre russo-japonaise.
[94] *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 381.

"*Бьёркский договор не должен быть проводим в жизнь до тех пор, пока мы не узнаем, как к нему отнесётся Франция*"[95].

Царь был готов подписать договор с Германией, но с одной оговоркой: поскольку Франция пока не собирается примыкать к союзу России и Германии, то статья 1-я договора о военной взаимопомощи между двумя странами не будет выполняться Россией в отношении Франции в случае войны её с Германией. Берлин занял по этому вопросу непримиримую позицию, настаивая на том, что договор должен соблюдаться в том варианте, каким он был подписан, безо всяких изменений. Тем самым Вильгельм II продемонстрировал, что его истинными целями являлось насилие над Францией, к которому он хотел привлечь и Россию.

Николай II знал о ненадёжности характера германского императора и подписывал с ним "союз", изначально рассматривая его как необходимый тактический ход. Все предположения о том, что на разрыв союза повлияли царские министры (Ламздорф и Витте) строятся на недостаточном понимании русской самодержавной власти. Следует помнить, что царь держал все нити управления внутренней и внешней политики в своих руках и принимал решения единолично по всем вопросам. Эту сторону Николая II, как государственного деятеля, хорошо понял французский президент Э. Лубе, когда писал: "*Обычно видят в Императоре Николае II человека доброго, великодушного, но слабого. Это глубокая ошибка. Он имеет всегда задолго продуманные планы, осуществления которых медленно достигает. Под видимой робостью Царь имеет сильную душу и мужественное сердце, непоколебимо верное. Он знает, куда идёт и чего хочет*"[96].

Вторая по счёту неудача Вильгельма II в создании "союза Центральных держав" стала его крупным дипломатическим поражением. Пытаясь спасти лицо, он, по своему обыкновению, пустился в эмоциональные телеграммы, в которых заклинал Николая II: "*Мы подали друг другу руки и дали свои подписи перед Богом. Что подписано, то подписано*"[97]. Однако эти телеграммы не трогали Государя, и он их прочитывал с полным спокойствием.

---

[95] Император Николай II – императору Вильгельму II. Без даты // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 400.
[96] AN. Fond Combarieu. AP410/1.
[97] Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 29 сентября 1905 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 402.

Долгое время в советской историографии считалось, что политическая игра немцев осенью 1904 – летом 1905 гг. вокруг союзного договора с Россией была крупным дипломатическим успехом Германии, уловкой, на которую поддались русские политики, осознавшие затем пагубность для России этого договора и отказавшиеся от него. Однако на самом деле всё было наоборот: в ходе этой дипломатической игры именно царь переиграл германского императора. Это был крупный успех дипломатии Николая II.

Вплоть до завершения Альхесирасской конференции, в Берлине были уверены, что ослабленная Россия будет следовать германской линии. Вильгельм II и Бюлов настолько в этом не сомневались, что не побоялись потребовать от России полной поддержки в марокканском вопросе. Эта поддержка стала бы для России потерей международного авторитета и столь нужной ей западной финансовой помощи. При этом Германия со своей стороны ничего не предлагала взамен. Единение, с которым выступили Россия, Франция и Англия на Альхесирасской конференции, вызвало сильное раздражение в Берлине, всё более не желавшего уважать иные интересы, кроме своих собственных. Весной 1906 г. военный агент в Берлине полковник А. В. Михельсон в своих донесениях начальнику Главного управления Генерального штаба генералу Ф. Ф. Палицыну указывал на демонстративное охлаждение кайзера и высшего руководства рейха к представителям России[98].

Негодование Вильгельма II не могло не удивлять, так как после окончания русско-японской войны ему постоянно поступали предупреждения об изменении ориентиров русской внешней политики. Германский морской атташе в Петербурге капитан 1-го ранга Пауль фон Гинце, пользовавшийся расположением императора Николая II, неоднократно докладывал кайзеру и Тирпицу о том, что Петербург во чтобы то ни стало стремится решить проблему Черноморских проливов и устранить свои противоречия с Лондоном[99]. Имея подобную информацию, в Берлине, казалось, должны были бы учесть русские устремления и хотя бы в чём-то пойти им навстречу, однако этого не последовало.

---

[98] Полковник А. В. Михельсон – генералу Ф. Ф. Палицыну. 14 мая 1906 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 564. Л. 73–73 об.

[99] *Шилов С. П.* Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия: 1897–1914 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / Шилов С. П.. Тюмень, 2004. С. 43.

Тем не менее Николай II понимал, что Германия является самым опасным потенциальным противником, а потому в первую очередь с ней нужно выстраивать дружественные отношения. 15 ноября 1906 г. Государь заявил германскому послу в Петербурге барону Вильгельму фон Шёну, что он стремится к новому сближению с Германией и Австро-Венгрией в виде возобновления Союза трёх императоров[100]. Это предложение Царя нашло живой отклик у Алоиза фон Эренталя, который советовал германскому правительству незамедлительно организовать встречу с царём на высшем уровне[101].

Свою первую заграничную поездку в ранге министра иностранных дел А. П. Извольский совершил именно в Германию. Николай II передал кайзеру личное послание, в котором заверял его в своей самой "*искренней дружбе*"[102].

Грубое вмешательство Германии в пользу Австро-Венгрии во время Боснийского кризиса, полное игнорирование кайзером просьб Николая II о воздействии на Вену привели к резкому ухудшению российско-германских отношений. Государь пришёл к окончательному выводу о нежелании кайзера строить дружественные равноправные отношения с Россией. Вся дальнейшая политика императора Николая II в отношении Германии не несла в себе и тени дружественной откровенности. "*Форма или приём германского правительства*, – писал Государь матери, – *их обращение к нам, был груб, и мы этого не забудем!! Я думаю, что этим ещё раз хотели отделить нас от Англии и Франции, но опять это не удалось. Такие способы приводят скорее к обратным результатам*"[103].

После Боснийского кризиса и военным, и дипломатам, и Государю было ясно, что Германия никогда не допустит войны один на один России и Австро-Венгрии и царским войскам придётся противостоять армиям обоих государств[104]. Последующие события

---

[100] *Данилов О. Ю.* Указ. соч. С. 88.

[101] Граф И. Л. Татищев – Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(1). Л. 5.

[102] *Астафьев И. И.* Указ. соч. С. 130.

[103] Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 4 марта 1909 г. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 79.

[104] *Шацилло К. Ф.* Россия перед первой мировой войной / К. Ф. Шицилло. М. : Наука, 1974. С. 79.

все более убеждали Николая II: Германия окончательно взяла курс на войну.

Несмотря на это, Государь вскоре после завершения Боснийского кризиса предложил Вильгельму II встретиться в Бьёрке. Главной причиной, по которой Николай II стремился увидеться с кайзером, была крайне опасная для России политика Австро-Венгрии на Балканах. Военный агент в Вене полковник М. К. Марченко докладывал в ГУГШ в июле 1909 г.: "*Я беру на себя смелость утверждать, что Австро-Венгрия серьёзно готовится к разрешению в ближайшем будущем, с наибольшей для себя выгодой, балканского вопроса во всей его полноте, и первым этапом в этом направлении явился бы захват ею (при соучастии Болгарии) западной части Сербии, обеспечивающего для Австро-Венгрии владение Боснией и дальнейшего движения её к Салоникам*"[105].

Николай II рассчитывал в личной встрече убедить кайзера оказать давление на Вену, относительно её дальнейшей политики на Балканах в обмен на гарантию нейтралитета России в случае англо-германской войны. Вильгельм II, однако, воспринял приглашение царя как продолжающуюся после Боснийского инцидента капитуляцию России. Вильгельм II и Бюлов решили, что царь готов полностью изменить свою политику и развернуться в сторону Германии. Сам кайзер ни на какие уступки России идти не хотел, а саму встречу рассчитывал использовать исключительно для демонстрации силы и закрепления достигнутого в 1908 г. дипломатического успеха. Встреча Николая II и кайзера Вильгельма состоялась 4(17) – 5(18) июня 1909 г. в местечке Виролахти, в 8 км от границы с Россией и 200 км от Петербурга. На неоднократные попытки Извольского поднять вопрос о недопустимом поведении Австрии, немцы отвечали отговорками. На заявление русского министра о том, что "*русско-английское соглашение не имеет никакого общего характера и никоим образом не направлено против Германии*", немецкая сторона никак не прореагировала. Из общего разговора с германской делегацией Николай II сделал вывод, что Берлин не собирается идти навстречу России по вопросу сдерживания Австро-Венгрии. Одной из главных причин этого нежелания было

[105] Полковник М. К. Марченко в ГУГШ. 18/31 июля 1909 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 674. Л. 99–100.

стремление Германии самой закрепиться с помощью Вены на Балканах, а оттуда усилить своё влияние в Турции, развернув продвижение в Персию – зону русско-английских интересов. В таких условиях всякая попытка России начать переговоры о соглашении с Германией теряла всякий смысл.

15(28) октября 1910 г. в Петербурге было созвано Особое совещание для обсуждения возможного соглашения с Германией[106]. Оно пришло к выводу, что переговоры с германской стороной должны носить "*лишь очень общий характер*" и желательно не связывать себя "*никакими определёнными обещаниями*"[107]. Но Николая II не покидало стремление несмотря ни на что договориться с императором Вильгельмом. Он видел, что мир быстрыми шагами идёт к войне, которую Россия всеми силами пыталась не допустить. К 1911 г. империя уже вполне оправилась после русско-японской войны и смуты. Хотя оставалось немало нерешённых вопросов и проблем, русская экономика уверенно шла вперёд, претендуя за 10–15 лет выйти в мировые лидеры по многим отраслям. П. А. Столыпин писал А. П. Извольскому: "*Нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет гибельная для России и Династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точек зрения, но и с финансовой и экономической*"[108].

Главный урок, какой Россия вынесла из дальневосточной войны, заключался в том, что решение любой геополитической проблемы должно осуществляться путём договоров с другими государствами о разделе сфер влияния. Эта дипломатия уже принесла свои плоды с Англией, конфронтация с которой сменилась внешне дружескими отношениями, при которых возможно было обсуждение и решение спорных вопросов между Петербургом и Лондоном. Последнему теперь было труднее открыто противодействовать России.

---

[106] *Астафьев И. И.* Указ. соч. С. 241.

[107] *Лиманская Т. О.* С. Д. Сазонов (министр иностранных дел 1910–1916 гг.) // Дипломатический вестник. 2001. Ноябрь.

[108] П. А. Столыпин – А. П. Извольскому. 28 июля 1911 г. // АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 43. Л. 26.

Такие же договорённости Николай II хотел достичь и с Берлином, так как перспективу войны с Германией царь считал особо опасной и губительной. По большому счёту всё, чего хотел Государь от Берлина, – это отказ от поощрения австро-венгерской экспансии на Балканах и соблюдение приоритетных прав России в проливах и Персии. Немцы, чьё торговое присутствие в Персии постоянно росло, были заинтересованы в согласии России на продолжение строящейся ими ветки Багдадской железной дороги в Персию. Германцы добивались от русского Правительства строительства соответствующего участка дороги на персидской территории. Николай II был готов пойти навстречу немецким торговым интересам, не допуская, однако их политического влияния на шахское правительство. России, конечно, не было выгодно строить в Персии эту железную дорогу, которая помогала бы проникновению в страну конкурентов, прежде всего Англии и Германии. Однако, опасаясь дальнейшего ухудшения отношений с Берлином, Николай II счёл необходимым согласиться с его пожеланиями. Предложения немцев самим построить участок дороги, были русским правительством отвергнуты из-за опасения возникновения очага усиления германского влияния в этом важном центре русских геополитических интересов[109].

С. Д. Сазонов, сменивший на посту министра иностранных дел А. П. Извольского, вспоминал: "*Русскому правительству необходимо было, прежде всего, обезвредить Германию на долгий срок путём возможных уступок в области её экономических интересов. Положение её было довольно выигрышное, и нам трудно было удержаться на почве экономической монополии Северной Персии. Надо было сохранить, главным образом, в неприкосновенности наше политическое положение в Тегеране и добиться его официального признания со стороны Германии, что было недостижимо без соответственных уступок*"[110]. Николай II был готов также гарантировать кайзеру нейтралитет России в случае войны рейха с Англией.

Эти вопросы Николай II 21 октября (3 ноября) 1910 г. обсуждал с императором Вильгельмом в Потсдаме. Государь стремился перевернуть страницу, связанную с Боснийским кризисом и

---

[109] *Казем-Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии / Фируз Казем-Заде. М. : Центрполиграф, 2004. С. 98.
[110] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 32.

попытался нормализовать отношения с Германией. Отправляясь на встречу с кайзером, Государь писал матери: "*В настоящее время нам нужно жить с нашими соседями в постоянной дружбе*"[111]. По указанию Николая II, Сазонов предложил заключить Германии соглашение по железной дороге в Персии на следующих условиях: 1) Россия не будет препятствовать строительству Багдадской железной дороги; 2) Багдадская железная дорога не будет соединяться с будущими персидскими линиями без предварительного согласия России; 3) Германия объявит, что не имеет в Персии политических интересов, а также согласится с существованием особых стратегических и коммерческих интересов России в Северной Персии и не будет добиваться там концессий.

Однако в Потсдаме Николай II и Сазонов прекрасно знали, что Россия получила взамен обещания не препятствовать строительству Багдадской железной дороги. После того как Германии были предложены весьма выгодные экономические условия в Персии, Бетман-Гольвег заявил, что "*если бы Австро-Венгрия обнаружила стремление к политике захватов на Балканах, то она не встретила бы ни малейшей поддержки со стороны своей союзницы, не обязанной к тому никакими договорами и не склонной к подобной политике в силу собственных интересов*"[112].

Это было долгожданное обещание Германии не потворствовать экспансии Австро-Венгрии на Балканах! Казалось, появилась ниточка, с помощью которой можно было начать разматывать балканский клубок. Сазонов сказал Бетману, что это чрезвычайно важное заявление, о котором он должен немедленно сообщить Государю[113]. Далее германский рейхсканцлер подтвердил, что Германия не преследует в Персии никаких политических целей и не будет домогаться в русской зоне для себя никаких территориальных уступок[114].

Русский министр ещё раз заверил германскую сторону, что договорённости с Англией 1907 г. вызваны исключительно разграничением сфер влияния и не направлены против Германии. "*Если*

---

[111] Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1.
[112] С. Д. Сазонов – Императору Николаю II // Красный архив. Исторический журнал. М. ; Пг., 1923. Т. 3. С. 7.
[113] Там же. С. 7.
[114] *Ефремов П. Н.* Указ. соч. С. 109.

Англия захочет вести враждебную Германии политику, то она не найдёт нас на своей стороне", – заявил Сазонов[115].

Тем временем в Потсдаме Государь заверял императора Вильгельма, что Россия – не враг Германии. Николай II и Вильгельм II достигли устной договорённости не поддерживать политики, направленной друг против друга. Германия гарантировала отказ от поощрения агрессивной линии Австро-Венгрии на Балканах, а Россия – от участия в агрессивных планах Англии против Германии.

Но в момент переговоров Сазонов получил от русского посла в Берлине графа Н. Д. Остен-Сакена конфиденциальную информацию, в которой сообщалось, что Берлин тайно уже предупредил Вену, чтобы та не очень обращала внимание на возможные обязательства перед Россией в отношении неё. Остен-Сакен вообще призвал Сазонова не питать никаких иллюзий ни в отношении русской политики Германии, ни возможной перемены её отношений с Австро-Венгрией[116]. Как доказывал Остен-Сакен, Германия стремится использовать переходное время, пока "*наше главное внимание сосредоточено на внутренних реформах, чтобы умножить и закрепить свои мировые позиции*". Остен-Сакен подчеркнул, что союз с Веной служит краеугольным камнем нынешней политики Берлина[117].

В результате Сазонов дал условное согласие на смычку будущих персидских железных дорог с Багдадской дорогой и обещал не чинить препятствий немецкой торговле в Северной Персии в обмен на отказ Германии преследовать там любые политические и прочие некоммерческие цели. На это условие руководители германской политики ответили полным согласием. Что касается взаимных обязательств, то Сазонов сузил своё предложение до желательности посредничества Германии, в случае если интересы мира потребуют достаточно доверительных отношений между Россией и Австро-Венгрией. Эта сдержанность позволила ему уйти от ожидавшихся Берлином заверений относительно Англии.

---

[115] Die Große Politik. Bd. 27. S. 838.

[116] *Лиманская Т. О.* С. Д. Сазонов (министр иностранных дел 1910–1916 гг.) // Дипломатический вестник. 2001. Ноябрь.

[117] АВПРИ. Ф. 133 Канцелярия министра. 1910. Д. 204. Л. 73–75.

По возвращении Сазонова в Потсдам, он представил Государю подробный доклад о проведённых переговорах, на котором Николай II написал: "*Я считаю результаты этих бесед весьма удовлетворительными*"[118].

6(19) августа 1911 г. подписала выработанное в Потсдаме "Соглашение по персидским делам", которое допускало германский бизнес в Персию[119]. Это соглашение вызвало в Англии большое беспокойство. Лондон стал оказывать на русское правительство мощное давление, с целью заставить его отказаться от соглашения по Персии. Однако это не возымело никакого действия, хотя соглашение в целом не было выгодно и России. Оно было призвано исключительно для того, чтобы умиротворить Германию, вручив ей приз виде активного проникновения на персидский рынок. Сазонов при этом надеялся, что строительство будет идти долго, а потому согласие России на соединение сети персидских железных дорог с Багдадской магистралью может оказаться "чисто фиктивным". Но он не учёл энергии и деловитости немецких чиновников и инженеров. Строительство Багдадской железной дороги продвигалось стремительными темпами.

Ещё одним обстоятельством, свидетельствующим о том, что отказ от проекта соглашения с Германией был вызван нечестной игрой Берлина, а не давлением Франции и Англии, стало частичное изменение дислокации русских войск на западной границе. Часть из них были переброшены на восток. Это решение было принято лично Николаем II главным образом как знак доброй воли в адрес Берлина.

25 января (7 февраля) 1912 г. император Вильгельм, выступая в рейхстаге, объявил о внесении на рассмотрение депутатов закона об увеличении вооружённых сил. Несмотря на соглашение по Персии, демонстративного проявления Россией своего миролюбия, выразившегося в переброске части своих войск от западной границы, постоянных заверений в отсутствии у русского правительства враждебных намерений в отношении Германии, кайзеровский рейх продолжал вооружаться усиленными темпами. На Балканах

[118] С. Д. Сазонов – Императору Николаю II // Красный архив. Исторический журнал. М. ; Пг., 1923. Т. 3. С. 7–8.
[119] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. С. 405–406.

всё больше разгоралось пламя войны. Позиция Берлина была неопределённой, а Вены – настороженной и враждебной в отношении балканских государств. Опасность представляло то обстоятельство, что в случае военного вмешательства Австро-Венгрии в балканский конфликт, почти неминуемо могло последовать и вмешательство Германии, что было чревато всеобщей европейской войной. Поэтому Николай II считал необходимым до конца прояснить позиции обеих стран.

В феврале 1912 г. Николай II послал в Вену великого князя Андрея Владимировича. Это был первый после Боснийского кризиса визит в Вену представителя царствующего русского Дома, который должен был продемонстрировать стремление России к нормализации отношений между двумя странами. Посол России в Вене заявил, что "*Великий Князь Андрей Владимирович нанёс визит Императору Францу-Иосифу вовсе не случайно, как об этом многие думают. Это произошло по прямому приказу Императора Николая*"[120].

Летом 1912 г. Николай II пригласил кайзера в Балтийский порт Палдиски для обсуждения двусторонних отношений. Встреча двух императоров состоялась 21 июня (4 июля) 1912 г. Государя сопровождали С. Д. Сазонов и граф В. Н. Коковцов, сменивший на посту председателя Совета министров убитого в сентябре 1911 г. П. А. Столыпина. Вместе с германским императором прибыли канцлер Т. фон Бетман-Гольвег, с многочисленной военной свитой, и посол в Петербурге граф Ф. фон Пурталес. Переговоры происходили на обеих императорских яхтах.

Коковцов заявил Бетман-Гольвегу, что Россию сильно тревожит германская программа вооружения 1911 г. и вотированный рейхстагом чрезвычайный военный налог. "*Мы ясно видим*, – отмечал Коковцов, – *что Германия вооружается лихорадочным темпом, и я бессилен противостоять такому стремлению и у нас*". Коковцов развил перед канцлером мысль, что "*Россия доказала Германии свою чисто оборонительную политику тем планом, который она провела по инициативе её военных деятелей в 1910 году, упразднением польских крепостей и отводом на Восток своего*

[120] F. Grozier à R. Poincaré. Le 11 Février 1912 // DDF. 3-me série. T. 2. P. 19.

выдающегося фронта в Польше. Из этого одного факта с непреложною ясностью вытекает, что у России нет наступательного плана и что она думает только об одной обороне, рассчитанной на отражение нападения, которое было бы сделано на неё"[121].

Бетман-Гольвег ответил Коковцову, что "*Германия хорошо знает, что Россия не отойдёт от своего союза, глубоко скорбит теперь о том, что 30 лет тому назад произошёл роковой поворот в традиционной политике Германии по отношению к России, и что ей не остаётся ничего другого, как сдерживать этот неизбежный ход событий*".

Слова канцлера были малоутешительны для Петербурга. В них как бы уже содержался ответ, что Берлин также "глубоко скорбя" в определённый день и час не сможет сдержать "неизбежный ход событий". Когда Коковцов сообщил Государю об этих словах канцлера, Николай II сказал: "*Готовиться нужно и хорошо, что нам удалось провести Морскую программу, необходимо готовиться и к сухопутной обороне*"[122].

Второй день встречи подходил к концу, когда император Вильгельм, внезапно пригласил Сазонова к разговору. Главный смысл сказанного кайзером был заключён в последних его словах: "*Жёлтая опасность не только не перестала существовать, но стала ещё грознее прежнего и, конечно, прежде всего, для России. Что вами делается для её предотвращения? Вам остаётся только одно – взять в руки создание военной силы Китая, чтобы сделать из него оплот против японского натиска. Это совсем не трудно ввиду бесконечного его богатства в людях и иных естественных ресурсах. Задачу эту может взять на себя только одна Россия, которая к тому предназначена, во-первых, потому, что она наиболее всех заинтересована в её выполнении, а во-вторых, потому, что её географическое положение ей прямо на неё указывает. Если же Россия не возьмёт этого дела в свои руки и не доведёт его до конца, то за реорганизацию Китая примется Япония и тогда Россия утратит раз и навсегда свои дальневосточные владения, а с ними вместе и доступ к Тихому океану*"[123]. Более ясного указания России:

---

[121] *Коковцов В. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 77.
[122] Там же. С. 81.
[123] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 49.

не вмешиваться в европейские дела и повернуться лицом на Восток – представить было невозможно.

1913 год – год 300-летия династии Романовых – стал временем расцвета Российской империи. Её небывалый промышленный подъём, развитие науки, экономики, вооружённых сил не могли не волновать главного претендента на мировое господство – кайзеровскую Германию и всё более подконтрольную ей Австро-Венгрию. Именно 1913 г. стал периодом дипломатической подготовки германским блоком войны против России. К этому времени Германия и Австро-Венгрия уже создали для себя наиболее выгодные плацдармы для обеспечения успеха в предыдущей агрессии. В 1913 г. они стремились укрепить своё господство на Балканах и в Турции. С другой стороны, не произошло создания единого блока России, Франции и Англии. Последняя, несмотря на все свои заверения, так и не взяла на себя никаких военных обязательств перед Россией и Францией. Во время визита С. Д. Сазонова в сентябре 1912 г. в Англию сторонам удалось договориться только о взаимодействии в Персии. Что же касается русско-английской морской программы, о необходимости подписания которой Сазонов убеждал Грея, то английская сторона с энтузиазмом поддержала саму идею и благополучно затянула вопрос по ней до самого начала войны. В начале 1913 г. посланник Объединённого комитета еврейских политических организаций Р. М. Бланк, участвовавший в заседании межпарламентской организации в Париже, узнал от французского сенатора Поля Анри д'Эстурнель де Константа, что Англия в случае войны России и Франции против Германии не будет в ней участвовать. Это же подтвердил Бланку находящийся рядом председатель межпарламентской организации лорд Вердель[124].

Единственным союзником России продолжала оставаться Франция. Впрочем, и этот союзник был ненадёжен. В случае начала новой войны на Балканах и вмешательства в неё, у России не было никакой уверенности, что Франция окажет своему союзнику военную помощь, даже если бы в войну вступила Германия. В Париже постоянно давали понять, что условия русско-французской конвенции подразумевают вмешательство только в случае нападения Германии или Австро-Венгрии на одного из них.

---

[124] *Бланк Р.* Германцы против англичан / Р. Бланк // Вестник Европы. 1914. С. 267.

Россия находилась в чрезвычайно опасном положении. Ей нужно было любой ценой сохранить мир. Весь 1913 г. император Николай II и его дипломаты предпринимали попытки по недопущению создания военной угрозы, постоянно стремясь умиротворить становящийся всё более агрессивным Берлин.

В мае 1913 г. император Николай II прибыл в Берлин на свадьбу дочери кайзера принцессы Виктории-Луизы, выходившей замуж за принца Эрнста-Августа Брауншвейгского. Этому визиту было суждено стать последним посещением Николаем II Германии, в ходе которого и произошла его последняя встреча с императором Вильгельмом II. Словно в предзнаменовании этого, визит Государя в Берлин был особенно торжественен и прошёл в обстановке особой теплоты и внимания со стороны кайзера. Вернувшись в Петербург, Государь признавал: "*Я остался очень доволен своим пребыванием в Берлине. Прежде всего, приём, оказанный мне императором Вильгельмом, меня очень тронул*"[125].

Николай II был поражён и тёплой встречей, оказанной ему простыми берлинцами. "*Говоря о своих берлинских впечатлениях,* – вспоминал С. Д. Сазонов, – *он сказал мне, что ему была оказана в Германии чрезвычайно любезная встреча не только со стороны Двора, что было в порядке вещей, но и со стороны населения столицы, приветствовавшего каждое его появление*"[126].

Однако Государь за 1,5 месяца до своего отъезда в Берлин 12(25) марта 1913 г. ознакомился с сообщением военного агента в Берлине полковника П. А. Базарова о прениях в рейхстаге по новому военному законопроекту. В нём депутатами рейхстага "*впервые открыто германство противопоставлено славянству, усиление которого и развитие панславизма, вызвавшие националистическое движение во Франции, обусловливают необходимость спешного увеличения вооружённых сил Германии*"[127].

---

[125] *Винберг Ф. В.* Крестный путь. Ч. 1 : Корни зла. Мюнхен, 1922. С. 112.
[126] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 126.
[127] *Сергеев Е. Ю.* Образ Германии в представлениях военной элиты России накануне Первой мировой войны // Рабочая группа исследователей новейшей истории Германии и России : интернет-сайт. URL: http://rusgermhist.narod.ru/RusRaboti/RusSergeev/Sergeevreportrus-01-01.htm (дата обращения: 12.10.2014).

Когда в мае 1913 г. Император Николай II встречался с Вильгельмом в Потсдаме, кайзер, между прочим, среди других маловажных вопросов, сообщил, что собирается послать в Константинополь военную миссию во главе с генерал-лейтенантом Отто Лиманом фон Сандерсом. Эта миссия, по словам кайзера, ничем не будет отличаться от других военных германских миссий, которые до того посылались в Турцию. Вильгельм поинтересовался у Государя, не будет ли тот против посылки миссии? Николай II ответил, что если она не будет отличаться от прежних, то никаких возражений у него не вызовет[128].

Между тем, направляя миссию во главе с генералом фон Сандерсом, кайзер преследовал далеко идущие цели. Подготавливая войну, германское руководство видело Турцию своим союзником. Однако тяжёлые поражения турок от армий балканских государств в 1912–1913 гг. вызвали в Берлине чувство глубокого разочарования. Там стало ясно, что без кардинальной перестройки турецкую армию в новой войне ждёт не менее тяжёлое поражение, что и в Балканской. Но на большие реформы турецкой армии у Германии не было времени. Для начала нужно было подчинить своему командованию генеральский и старший офицерский корпус армии султана, а затем с помощью своих генералов и офицеров начать реорганизацию турецкой армии. Германская военная миссия из 42 офицеров была направлена в Турцию в ноябре 1913 г. Глава миссии Лиман фон Сандерс был назначен султаном верховным инструктором турецких войск и командующим турецким корпусом, расположенным в Константинополе. Германское правительство не сочло нужным ознакомить с этим Петербург. В Берлине прекрасно знали, что реакция русского правительства, когда ему станет известен факт назначения Сандерса турецким командующим, будет крайне негативной.

Сазонов вызвал германского посла графа Пурталеса и заявил ему, что "*не может себе представить, чтобы в Берлине не отдавали себе отчёта в том, что русское правительство не может относиться безразлично к такому факту, как переход в руки германских офицеров командования Константинопольским гарнизоном.*

[128] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 126.

Германский канцлер должен был знать, что если есть на земном шаре пункт, на котором сосредоточено наше ревнивое внимание и где мы не могли допустить никаких изменений, затрагивавших непосредственно наши жизненные интересы, то этот пункт есть Константинополь"[129].

Одновременно Государь поручил председателю Совета министров графу В. Н. Коковцову, возвращавшемуся в Петербург из заграничного турне, сделать 26 октября (4 ноября) остановку в Берлине, для того чтобы обсудить с германскими правящими кругами вопрос вокруг миссии Сандерса.

Коковцов встретился с рейхсканцлером Бетманом-Гольвегом, который утверждал что посылка генерала в Турцию является лишь помощью одного союзника другому. При встрече Коковцова с Вильгельмом II тот разразился гневной тирадой, в которой иносказательно обвинил царя в непостоянстве, утверждая, что он предупреждал его о грядущей смене главы германской миссии в Константинополе и получил на это царское согласие. Директору Кредитной канцелярии Н. Ф. Давыдову кайзер открыто заявил, что скоро начнётся война между Германией и Россией.

Между тем в России все здравомыслящие люди не хотели войны с Германией. 22 февраля (6 марта) 1911 г. французский посол Жорж Луи записал в свой дневник: "*Нельзя сказать, что русское правительство желает менять основы своей политики: оно желает сохранять отношения как с Германией, так и с Антантой. Все считают, что надо быть в хороших отношениях с Германией, чтобы Россия могла свободно посвятить себя внутреннему развитию*"[130].

Войны не хотел Государь и большая часть русского правящего слоя. Конечно, были и в России свои "ястребы". Среди них выделялся Великий князь Николай Николаевич-младший. П. А. Столыпин говорил о нём: "*Удивительно, он резок, упрям и бездарен. Все его стремления направлены только к войне, что при его безграничной ненависти к Германии очень опасно. Понять, что нам нужен сейчас только мир и спокойное дружное строительство, он не желает и на*

---

[129] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 44.

[130] Les carnets de Georges Louis, ambassadeur de France en Russie. T. 1 : 1908–1912. T. 1. P. 168.

все мои доводы отвечает грубостями. Не будь миролюбия Государя, он многое мог бы погубить"[131].

Но Николай Николаевич никакого влияния на внешнюю политику России не оказывал.

Несмотря на то что формально вопрос с германской миссией в Турции был улажен, ситуация на Ближнем Востоке представлялась Николаю II крайне опасной. По мнению царя, главная угроза войны исходила именно с Ближнего Востока, а также с Балкан. Государь отдал распоряжение С. Д. Сазонову, насколько это возможно, ускорить переговоры о заключении конвенции с Англией. Сазонов по этому поводу сказал: "*Соглашение, которые мы заключим с Англией, обеспечит равновесие и мир. Спокойствие Европы не будет более зависеть от каприза Германии*"[132]. До войны оставалось два с половиной месяца.

---

[131] *Бок (Столыпина) М. П.* Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине / М. П. Бок (Столыпина). М., 1992. С. 234.

[132] М. Палеолог – г. Думергу. 2/15 мая 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма. 1878—1917. Сер. 3. Т. 3. С. 16.

Глава 6

ПОДГОТОВКА КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ "ПРЕВЕНТИВНОЙ" ВОЙНЫ ПРОТИВ РОССИИ

Впервые о возможности войны с Россией кайзер Вильгельм II высказался ещё будучи наследным принцем в 1888 г. в письме к Бисмарку[1], который на полях оставил помету, что осуществление подобных планов "*было бы несчастьем*"[2]. Вильгельма это не остановило и свою диссертацию, защищённую в берлинской Академии Генерального штаба, он озаглавил как "*Варианты фронтального наступления вглубь России*". В ней будущий кайзер доказывал: чтобы не повторять ошибок Наполеона, удовлетворившимся только походом на Москву, следует занять всю Европейскую часть России вплоть до Урала, Кавказ и Прибалтику[3]. Полвека спустя подобный план будет разработан в ставке Гитлера под кодовым наименованием "Барбаросса".

Бисмарк вновь возражал, полагая, что Россия является тем "ящиком Пандоры", открывать который ни в коем случае не надо: "*Даже самый благополучный исход войны никогда не приведёт к распаду России, которая держится на миллионах верующих русских греческой конфессии. Эти последние, даже если они впоследствии международных договоров будут разъединены, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как находят этот путь друг к другу разъединённые капельки ртути. Это неразрушимое Государство русской нации сильно своим климатом, своими пространствами и своей неприхотливостью, как и через осознание необходимости постоянной защиты своих границ. Это Государство даже после полного поражения будет оставаться нашим порождением, стремящимся к реваншу противником, как это мы и имеем в случае с сегодняшней Францией на Западе. <…> Но*

---

[1] *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания : в 3 т. / О. Бисмарк. М. : ОГИЗ-СОЦЭГИЗ, 1941. Т. 3. С. 108–109.

[2] Там же. С. 111.

[3] *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М. : Наука, 1985. С. 14.

я не готов принять на себя эту ответственность и быть инициатором создания нами самими подобной ситуации"[4].

Это позиция Бисмарка в отношении России, которую Вильгельм II считал "русофильской", стала в немалой степени причиной отставки "железного канцлера". "*Если мы не договоримся с Бисмарком в русском вопросе*, – заявил кайзер, – *то нам придётся расстаться*". "Договориться" не удалось, и в 1890 г. Бисмарк был отправлен в отставку.

Между тем Вильгельм II имел среди германской верхушки немалое число единомышленников, вполне допускавших "превентивный" удар по России.

Здесь следует отметить, что несмотря на главную долю ответственности за развязывание Мировой войны, которая лежит на императоре Вильгельме II, было бы неправильно полагать, что он был единственный её виновник. Необходимо помнить, что кайзер родился, вырос и сформировался как личность в обществе, где жила абсолютная уверенность в том, что Европа, да и весь мир, должны жить под руководством Германии. В конце XIX в. в германских радикал-националистических кругах складывается образ "Серединной Европы" (Mitteleuropa), то есть Европы, объединённой вокруг Германии и во главе с ней. Границы этого прототипа современного ЕС должны были включать большую часть Западно-Европейской России (так называемой Восточной Европы), которая рассматривалась Вильгельмом II (как потом и Гитлером) как "Жизненное пространство на Востоке" (Lebensraum Im Osten). Известный немецкий экономист Вернер Зомбарт с целью доказать необходимость "жизненного пространства" для Германии и "закономерность" создания "Серединной Европы" утверждал: "*Немецкому народу уже не хватает места, и хозяйство его вынуждено все больше искать себе базиса на земле зарубежных стран*"[5]. Примечательно, что имеющиеся карты "Серединной Европы" предусматривали создание большого "государства" Украина, прибалтийских государств и Финляндии, разумеется под полным протекторатом Германии. Граница с Россией

---

[4] Die Große Politik der Europäischer Kabinette 1871–1914. Berlin, 1922. Bd. 6. № 1340. S. 302.

[5] Цит. по: *Троян С. С.* Немецкие проекты "Миттельевропы" конца XIX – начала XX вв. / С. С. Троян // Известия ПГГУ им. В. Г. Белинского, 2012. № 27. С. 1047.

должна была проходить по Киеву. Влиятельные адепты проекта Mitteleuropa утверждали, что его реализация "*является большой задачей для современного поколения*"[6].

Идеологи "Серединной Европы" считали, что центральное географическое положение Германии даёт ей право претендовать на руководство другими европейскими государствами. Богослов, педагог и географ Герберт Даниэль отмечал, что Германия – "сердце Европы" и, как сердце, нуждается в теле, так и Германия нуждается в целом мире. В лице Германии всему миру "*дан географический и исторический объединительный пункт*"[7]. Она призвана Богом осчастливить человечество германизмом и своей культурой. Для этого необходимо, чтобы немцы, занимающие центральное положение в Европе, создали могущественную среднеевропейскую державу или "Соединённые Штаты Европы" в качестве орудия для дальнейшего завоевания мирового господства.

Другой немецкий учёный Фридрих Ратцель был убеждён, что задача Германии состоит "*в сплочении и обеспечении за собой сил Срединной Европы*". При этом восточной границы этого государственного образования Ратцель не устанавливал. Он же в 1901 г. впервые сформулировал понятие "Жизненного пространства на Востоке". Он перенёс теории Чарльза Дарвина о борьбе за выживание в животном мире на отношения между народами и описывал государства как живые существа, которые находятся в постоянной борьбе за жизненное пространство, дальнейшее существование которых зависит от его наличия. По-существу, это была прелюдия к национал-социализму.

Очевидно, что главным объектом германской экспансии была Россия. Ещё в 1875 г. немецкий учёный Пауль де Лагард видел будущий Германский рейх, раскинувшийся "*на западе от Люксембурга до Бельфора, на востоке от Немана до "древних готских земель" Причерноморья, на юге с выходом к Адриатическому морю и с потенциалом расширения в Малую Азию*"[8].

---

[6] *Троян С. С.* Указ. соч. С. 1049.
[7] Цит. по: *Троян С. С.* Указ. соч. С. 1048.
[8] *Puchner U.* Die völkische Bewegung im wilhelminischen Kaiserreich / Uwe Puchner. Darmstadt : Sprache-Rasse-Religion, 2001. S. 114.

Немецкий дипломат и публицист Константин Франтц указывал на опасность России для будущего Европы. Он считал, что удержать Россию могут лишь Германия и Австрия в союзе между собой и во главе всего западного мира. "*Только соединённый Запад может образовать преграду России и при том с той стороны, с которой она наиболее уязвима, то есть с западной. Пусть вытеснят Россию за Двину и Днестр и покажут ей силу, ежеминутно готовую к нападению, и Россия будет также мало думать о переходе через Гималаи, как через Балканы*"[9]. Франтц указывал на образование Европейской федерации во главе с Германией (при обязательном участии Голландии, Бельгии, Швейцарии и Австрии) против России как на историческую и политическую необходимость. В такой федерации именно кайзеровская Германия и двуединая Австро-Венгерская империя должны быть пограничными стражами европейской цивилизации. По мнению идеологов серединного европейского объединения, в состав или сферу влияния Германии должны били отойти западные районы Российской империи, Юго-Восточная Европа, Турция и Ближний Восток.

О месте и значении Германии в грядущем мировом устройстве проповедовал немецкий историк-националист Ганс Дебрюк. По его мнению, целью борьбы должно быть коренное изменение лица земли, "*которая больше не должна иметь следов ни англосаксов, ни московитов*". Миссия Германии, по Дебрбюку, заключается в том, чтобы не дать "*новой культуре народов быть задушенной щупальцами доминирующих в мире Англии и России*"[10]. С началом Первой мировой войны Дебрюк называл главным поджигателем войны Россию, указывая, что у Франции и Англии нет никаких оснований воевать против Германии, "*защищающей Европу и Азию от доминирования московитов*"[11].

В год вступления кайзера на престол немецкий философ Эдуард фон Гартман опубликовал в журнале "Гегенварт" статью "Россия в Европе"[12]. Следует отметить, что Гартман считал расово неполноценными евреев и славян. Под последними он в большей степени

---

[9] Цит. по: *Троян С. С.* Указ. соч.

[10] Цит. по: *Fischer F.* Les buts de Guerre de l'Allemagne Impériale, 1914–1918 / Fritz Fischer. Paris : Edition de Trévise, 1970. P. 25.

[11] *Delbrück H.* Krieg und Politik / H. Delbrück. Berlin, 1918.

[12] *Hartmann E. von.* Russland in Europa / Eduard von Hartmann // Die Gegenwart. 1888. January 21. S. 37–38.

имел в виду русских. Неудивительно, что статья изобиловала мечтаниями о расчленении Российского государства: "*Финляндия была бы отдана Швеции, Бессарабия – Румынии, Эстляндия, Лифляндия и Курляндия вместе с Ковенской и Виленской губерниями были бы преобразованы в самостоятельное Балтийское королевство, а речная область Днепра и Прута – в королевство Киевское. Швеция и Балтийское королевство получили бы гарантию их существования от Германии, а Румыния и королевство Киевское – от Австрии и вступили бы с этими государствами в военный союз, при котором их армии были бы в случае войны подчинены командованию стран-гарантов. В Польше снова вступили бы в силу права собственности раздела 1795 года с использованием стратегически целесообразных границ. На Балканском полуострове у Австрии были бы развязаны руки*"[13]. Эти идеи будут приняты на вооружение Вильгельмом II, а позже Гитлером.

В том же 1888 г. посол рейха в Вене князь Генрих VII фон Рёйсс цу Кёстриц полагал, что "*надо разгромить русскую мощь, прежде чем та станет для нас опасной*"[14]. Кронпринц Вильгельм напротив этой фразы на полях написал возбуждённое: "*Да! Правильно!*"

Символично, что вскоре после этого германский Большой штаб приступил к разработке превентивной войны с Россией. Ещё в самом начале XX в. германским командованием был разработан план войны на два фронта: против Франции и против России. Уже в 1870 г., после капитуляции французов при Седане, генерал-фельдмаршал Гельмут фон Мольтке-старший сказал: "*Самым тяжким испытанием для существования новой Германской империи была бы одновременная война против России и Франции, и так как эта возможность не исчезла, нужно изыскивать способы её отражения*"[15]. "Способы отражения" свелись в германском генштабе к разработке грандиозного стратегического плана генерала Альфреда фон Шлиффена. Он полагал, что Германия в союзе с Австро-Венгрией вполне может вести войну на два фронта. При этом основные германские силы должны были быть направлены

[13] *Hartmann E. von*. Op. cit. S. 38.
[14] Die Große Politik. Bd. 6. № 1339. S. 302.
[15] *Argueyrolles J.* La tragique campagne de Prusse Orientale Le coup dés de Tannenberg / colonel J. Argueyrolles. Paris, s.a. P. 20.

против Франции. Шлиффен писал: "*Самый наиглавнейший для нас вопрос – это знать, кто из двух противников, готовых к нападению, наиболее опасен. Это – французы. На Западном фронте можно в начале организовать большое встречное столкновение, которое было бы решающим*"[16]. Генерал склонялся к идее концентрации масс германской армии против Франции, а против России должны были быть задействованы только те силы, которых не успели послать на западную границу[17]. Основную роль в войне на русском фронте на первоначальном этапе вплоть до поражения Франции, немцы отводили австро-венгерской армии. В 1905 г. Шлиффен составил окончательный вариант своего плана, по которому "*русские армии будут моментально сдержаны австро-венгерской армией и минимально – германскими силами. На Западе, против Франции – мощное массированное наступление германских армий*"[18].

К 1914 г. План Шлиффена был выработан досконально, а сроки его осуществления чётко регламентированы. Когда 12 мая 1914 г. начальник австро-венгерского генерального штаба генерал барон Франц Конрад фон Гётцендорф спросил у своего германского коллеги генерала Мольтке, сколько времени понадобится Германии, чтобы сокрушить Францию, пока австрийцам придётся воевать одним против русских, тот ответил: "*Мы надеемся покончить с Францией за шесть недель с начала военных действий и до того момента, как сможем сконцентрировать все наши силы на Востоке*"[19].

С первых же лет царствования Вильгельма II чётко проявились тенденции его политики в отношении России: игнорировать её геополитические и экономические интересы и по возможности выдавливать из стратегических регионов. В 1897 г. немцы фактически захватили китайский порт в Киао-Чао, в котором Россия, по соглашению с китайским правительством, имела преимущественное право зимней стоянки кораблей.

В начале 1898 г. началась германская экспансия в Османской империи. Дипломатия рейха начала активно добиваться создания там военных баз, строительства железных дорог. В октябре 1898 г.

---

[16] *Argueyrolles J.* La tragique campagne de Prusse Orientale Le coup dés de Tannenberg / *colonel J. Argueyrolles.* Paris, s.a. P. 24.
[17] Ibid. P. 24.
[18] Ibid. P. 24, 27.
[19] *Fischer F.* Op. cit. P. 52.

своё большое турне по Ближнему Востоку предпринял и сам Вильгельм II. Официальной целью поездки кайзера было "паломничество по святым местам" в Иерусалиме. Вместе с кайзером находился директор "Дойче банка" Георг фон Сименс, который провёл успешные переговоры о концессии на продление железнодорожной линии от Коньи до Багдада, а также на оборудование порта в Хайдар-паша. Кроме того, Вильгельм обещал султану "вечную дружбу и вечный мир". 30 октября 1898 г. в Дамаске кайзер возложил на гробницу султана Саладина венок и произнёс пафосную речь, в которой назвал себя другом Турции и 300 млн мусульман[20]. Результатами этой поездки стало усиление германского влияния на Босфоре, разрешение немецким инженерам строить Багдадскую железную дорогу, данное османским правительством, укрепление существующих деловых отношений между ним и крупными германскими оружейными производителями.

Немцы хорошо знали, что Россия считает Константинополь зоной своих геополитических интересов и весьма болезненно относится к любым попыткам установить чужую гегемонию в этом регионе. Как отмечает германский историк Ф. Фишер: "*Поездка Вильгельма II на Ближний Восток и его речь в Дамаске, в которой император предложил своё покровительство более чем 300 млн мусульман, не могла быть воспринята в глазах русских как прямая провокация*"[21].

Понимая это, Вильгельм II в своих письмах к Государю всячески пытался опровергнуть "*весь вздор, распускавшийся во время моей поездки в Иерусалим*"[22], то есть кайзер пытался дезавуировать перед царём все свои комплименты, сделанные султану, и все поползновения германского капитала к широкому проникновению в этот регион. Однако Николаю II было хорошо известно, что кайзер, столь щедро обещавший в Петергофе в 1897 г. "вечный мир и дружбу с Россией", не менее щедро обещал то же самое султану в Стамбуле[23].

---

[20] История дипломатии / под ред. акад. В. П. Потёмкина : в 3 т. М. : ОГИЗ, 1945. Т. 2.

[21] *Fischer F.* Op. cit. P. 37.

[22] Император Вильгельму II – Императору Николаю II. 28 августа 1899 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. М., 2007. С. 291.

[23] Lieutenant-Colonel Moulin au Général de Galliffet // Documents Diplomatiques Français (далее – DDF). 1-ère série. P. 447.

Становилось всё более очевидным, что Германия не собирается учитывать русские интересы ни на Балканах, ни в Черноморских проливах. На донесении своего посла в Петербурге Хуго фон Радолина о том, что министр иностранных дел Муравьёв довёл до сведения Берлина готовность Петербурга признать германские приобретения в Тихом океане в обмен на признание Германией русских интересов в Проливах, Вильгельма II написал резолюцию: "*Сколь бесконечно великодушно и милостиво! Приблизительно так, должно быть, разговаривал Николай I с Фридрихом-Вильгельмом IV. Но при мне дела, чёрт возьми, обстоят иначе! Прошу Вас! Каблуки вместе, стоять смирно, господин Муравьёв, когда говорите с германским императором*"[24]. Понятно, что с таким политическим партнёром, как Вильгельм II договариваться о чём-либо было весьма рискованно.

Осенью 1899 г. император Николай II, принимая Бюлова, сказал ему: "*Нет никакого вопроса, в котором интересы Германии и России находились бы в противоречии. Есть только один пункт, в котором вы должны считаться с русскими традициями и бережно к ним относиться – а именно на Ближнем Востоке. Вы не должны создавать впечатления, будто вы хотите вытеснить Россию, в политическом или экономическом отношении, с того Востока, с которым она веками связана многими узами национального и религиозного характера. Даже если бы я сам относился к этим вопросам более скептически или равнодушнее, я бы должен был всё-таки поддерживать русские традиции на Востоке. В этом отношении я не могу вступить в противоречие с заветами и чаяниями моего народа*"[25].

Между тем планы вытеснить Россию с Ближнего Востока всегда оставались приоритетными в политике кайзера Вильгельма. Известный английский колонизатор Джонсон писал: "*Будь я немцем, я мечтал бы о германско-австрийско-турецкой империи с двумя главными торговыми гаванями: Гамбургом и Константинополем. Это государство оказывало бы своё влияние на Багдад на всю Малую Азию и Месопотамию. Непрерывная империя от берегов Эльбы до берегов Тигра представляет собой гордую цель, достойную великой нации*"[26].

---

[24] Die Große Politik. Bd. XIV. T. II, № 4022. S. 554.
[25] L. Montebello à T. Delcassé. 29 janvier 1899. // DDF. 1-ère série. T. 15. P. 83.
[26] Ближний Восток и война // Вестник Европы. 1914. С. 278.

Ещё в июле 1902 г. Государь знал из донесений своей разведки, что в германском генштабе на случай войны с Россией рассматривается вопрос об использовании польских сепаратистов на территории Царства Польского. В донесении помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части генерал-лейтенанта И. А. Фуллона говорилось, что по сведениям, полученным от военных агентов в Берлине, там идут "*тайные переговоры с польско-патриотической партией, обещая полякам, если они откажут помощь Германии в войне с Россией, после успешного окончания войны образовать из нынешней Познанской провинции и Привисленского края по образцу Саксонского королевства "Королевство Польское", которое управлялось бы самостоятельно, но, входя в то же время в состав Германской империи, находилось бы под её постоянной защитой*"[27].

Когда в германских правящих верхах стало понятно, что Россия не будет добровольно примыкать к германскому блоку, и не будет обслуживать планы по построению "Pax Germanika" под убаюкивающую демагогию кайзера, в Берлине было принято решение так или иначе заставить Россию это сделать.

Весной 1908 г. военный агент в Берлине полковник А. А. Михельсон докладывал, что "*к весне 1909 г. Германия будет совсем готова к войне и ей выгодно будет её начать, чтобы использовать свою армию, содержание которой, вместе с постройкой новых судов, стоит Германии таких огромных денег, что недалеко то время, когда дальнейшее развитие её станет не под силу стране, обременённой тяжёлыми налогами. Вот до наступления этого момента и выгодно Германии нанести удар славянскому миру и его союзникам, чтобы на долгие годы закрепить своё преобладание в Европе*"[28].

Осенью 1908 г. на стол Николая II легла составленная Мольтке и утверждённая кайзером "Записка о распределении германских сил

[27] Донесение генерал-лейтенанта И. А. Фуллона начальнику штаба Варшавского военного округа, Варшава, 7(20) марта 1902 г. // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 401. Оп. 5. Д. 143. Л. 78.

[28] И. Л. Татищев – Императору Николаю II. 19 марта/1 апреля 1909 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(2). Л. 18.

в случае войны", в которой речь шла о нападении на Россию[29]. Этот документ был добыт русским военным агентом в Берлине полковником А. А. Михельсоном через негласную агентуру. Содержание записки не оставляло сомнений в наступательном характере будущей войны для германской армии, причём начало боевых действий относилось на тот момент, когда Германия придёт к "*убеждению, что сохранение мира более несовместимо с нашей честью*". Относительно Российской империи Мольтке, в частности, писал: "*По воле верховного вождя, Его Величества Императора Вильгельма, война с Россией должна ограничиться пределами русской Польши, а при заключении мира – предоставить Австрии требовать уступок. Балтийские провинции должны быть по возможности избавлены от ведения в них военных операций, а при удачном исходе войны земли эти должны получить обратно их собственное управление, даже в виде самостоятельного государства буферного типа*"[30].

27 марта 1911 г. рейхстагом принят военный закон на пятилетие 1911–1915 гг. По сводкам ГУГШ: "*Вызываемые новым законом организационные изменения заключаются в следующем: Общее увеличение численности германской армии. Армия должна была увеличиться на 100–875 тыс. чел. Увеличение численности будет происходить постепенно в течение 5 лет. Вызываемые новым законом единовременные расходы исчислены в 82 419 033 марки, из коих в 1911 г. ассигнуются 4 177 836 марок, а остальные в течение 1912–1915 годов. Обыкновенные расходы в 1911 г. увеличиваются на 3 727 441 марку, а по окончании всех реформ – на 21 813 979 марок*"[31].

Именно эти колоссальные финансовые затраты на вооружение сделали Германию заложницей войны. Сбывались опасения императора Николая II о смертельной опасности в современных условиях гонки вооружений. Эти опасения побудили царя в 1899 г. созвать конференцию по разоружению в Гааге, идеи которой

---

[29] Записка о распределении германских вооруженных сил в случае войны. 22 августа (5 сентября) 1908 г. // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 33. Л. 98–106; см. также: *Сергеев Е. Ю.* Образ Германии в представлении военной элиты России накануне Первой мировой войны / Сергеев Е. Ю // Российская ассоциация историков Первой мировой войны 1914–1918 : интернет-сайт. URL: http://rusasww1.ru/view_post.php?id=184 (дата обращения: 03.10.2014).

[30] Записка о распределении германских вооруженных сил в случае войны. 22 августа (5 сентября) 1908 г. // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 33. Л. 98–106; см. также: *Сергеев Е. Ю.* Указ. соч.

[31] Сборник ГУГШ. Вып. XXIV : Май 1911 г. СПб., 1911. С. 1–14.

были так самонадеянно и близоруко отвергнуты императором Вильгельмом. Теперь же созданная кайзером колоссальная военная мощь, требовала своего применения. Экономика империи изнывала под тяжестью военных налогов. Германии нужно было где-нибудь начать войну. Россия не давала поводов для нападения, и поэтому начиная с конца 1912 г. Германия этот повод лихорадочно искала.

25 ноября (8 декабря) 1912 г. на совещании своего генералитета Вильгельм II высказал мысль, что наступило "*наилучшее время*" для начала войны против Франции и России[32]. Кайзер заявил, что начинается новая глава германской истории "*борьба германцев за существование против русских и галлов. Никакая конференция не сможет нас от этого избавить, так как речь идёт не о важной политической проблеме, но о расовом вопросе. Он касается существования германской расы в Европе*"[33]. Через год император Вильгельм слово в слово повторил эту мысль директору Кредитной канцелярии Н. Ф. Давыдову, заявив: "*Я скажу Вам прямо – я вижу надвигающийся конфликт двух рас: романо-славянской и германизма*"[34]. На возражение Давыдова, что Россия не помышляет ни о какой войне и желает только одного мирного существования, кайзер ответил: "*Если война неизбежна, то я считаю совершенно безразличным кто начнёт её. <…> Я говорю Вам совершенно определённо, что война может сделаться просто неизбежною*"[35]. Таким образом, в конце 1913 г. Вильгельм II уже не считал нужным скрывать от России свою подготовку к войне с ней.

Того же мнения придерживался начальник Большого штаба генерал фон Мольтке: "*Большая война неизбежна, и чем раньше она начнётся, тем лучше*"[36]. России нельзя давать время для мобилизации, "*нужно начать, не выжидая, чтобы круто раздавить всякое сопротивление*".

---

[32] Что касается Англии, то кайзер считал, что для неё война против Германии в союзе "*с славянами и галлами*" будет невыгодной (*Fischer F.* Op. cit. P. 48). Более того, Вильгельм II рассчитывал на английское содействие при разделе французских колоний.

[33] *Fischer F.* Op. cit. P. 48.

[34] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 : в 2 т. / граф В. Н. Коковцов ; изд. журнала "Иллюстрированная Россия". Париж, 1933. Т. 2. С. 220.

[35] Там же. С. 241.

[36] *Шиндлинг А., Циглер В.* Кайзеры / А. Шиндлинг, В. Циглер. Ростов н/Д. : Феникс, 1997. С. 535.

4 февраля 1912 г. военный атташе в Берлине полковник П. А. Базаров доносил в Петербург, "*что Германия усиленно готовится к войне в ближайшем будущем*"[37], и её пока только останавливает неполная готовность военного флота. Немцы не скрывали своего стремления к войне: "*Ничего лучше радостной и победоносной войны нам не надо,* – заявил русскому военному агенту в Берлине полковнику П. А. Базарову начальник военного кабинета кайзера и его генерал-адъютант барон Морис фон Линкерн. – *Армия устала от этого 30-летнего мира и жаждет войны. Мы совершенно готовы начать её немедленно*"[38].

В 1912 г. в Штутгарте выходит книга генерала Фридриха фон Бергарди "Германия и будущая война". Этот труд фактически являлся официальным взглядом правящих кругов рейха, недаром он претерпел семь изданий, а его положения легли в основу плана послевоенного устройства мира, разработанную Бетманом-Гольвегом в его "Осенней программе" 1914 г. Бергарди считал необходимым для Германии добиться трёх главных целей: 1. Решительно "*раздавить Францию так, чтобы она больше никогда не смогла перебегать нам дорогу*". 2. Создать конфедерацию государств (Mitteleuropa) под руководством Германии. Эта задача должна была быть решена главным образом за счёт территорий России. Её решение предусматривало создание независимой Украины, которая поддерживала бы тесные связи с Германией и имела бы с ней общую границу[39]. 3. Возведение Германии в ранг мировой державы посредством завоевания новых колоний[40].

Полная преемственность теорий Бергарди с практикой Бетмана-Гольвега – очевидна. Последний указывал в своём меморандуме через месяц после начала войны: "*Россия должна быть отброшена в Азию и отрезана от Балтики; с Францией и Англией мы можем договориться, с Россией – никогда*". На западе Бетман-Гольвег после войны хотел договориться о "культурном союзе" Германии и

---

[37] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2009. Л. 9–10.

[38] *Шацилло К. Ф.* Россия перед Первой мировой войной. (Вооружённые силы царизма в 1905–1914 гг.) / К. Ф. Шацилло. М. : Наука, 1974. С. 80.

[39] *Федюшкин О.* Несостоявшаяся Украинская держава. Планы германского Генерального штаба по аннексии Юга России / О. Федюшкин. М. : Центрполиграф, 2014.

[40] *Fischer F.* Op. cit. P. 49.

побеждённых Франции и Англии против России, которая должна была быть вычеркнута из европейского контекста[41].

Расчленение России находило живую поддержку и у германских промышленников. Один из них Август Тиссен говорил: "*Рос-сия должна лишиться балтийских провинций, части Польши, Донецкого угольного бассейна, Одессы, Крыма, Приазовья и Кавказа*"[42]. Журнал "Вестник Европы" отмечал в 1914 г.: "*Германия стремится к завладению мировым рынком в интересах своей индустриальной, финансовой и торговой буржуазии. Потому-то широкие круги германского населения широко поддерживают "военную партию", против которой не борется даже немецкая социал-демократия, также заинтересованная в расширении рынка труда. И надо, чтобы русская публика знала это. Тогда она поймёт, что речь идёт об упорной борьбе, которую дальновидные немцы назвали "второй Семилетней войной*"[43].

В секретной записке иностранного отдела Морского генерального штаба России, поданой на высочайшее имя, скорее всего в конце 1913 г., говорилось: "*Последние 15 лет Германия всеми силами пыталась поработить Россию экономически и ослабить её в политическом и военном отношении. <…> Но возрождение России уже началось и идёт быстрыми шагами: в Германии пробуждаются вследствие этого серьёзные опасения за дальнейшее распространение своего влияния, и немцы уже спешат принять меры*"[44].

Одна из главных причин, по которой германский промышленный капитал стремился покончить с Россией как с опасным конкурентом, заключалась в принятом русским правительством решении пересмотреть неравноправный торговый договор с Германией 1905 г. Генерал А. Ф. Редигер писал: "*Торговый договор 1905 года, заключённый нами во время войны с Японией, был для нас крайне тяжёл тем, что целые отрасли нашей промышленности (особенно химические производства и изготовление машин) были лишены*

---

[41] *Уткин А. И.* Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне / А. И. Уткин. Смоленск : Русич, 2000. С. 75.
[42] Там же. С. 78.
[43] См.: Ближний Восток и война. С. 278.
[44] Цит. по: *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М. : Наука, 1990. С. 109–110.

таможенного покровительства, а потому не могли развиваться, так что мы были вынуждены получать все эти произведения из Германии. Поэтому было решено, что торговый договор с Германией либо вовсе не будет возобновлён, либо будет изменён коренным образом, и для выработки основ нового таможенного тарифа производились обширные подготовительные работы. Изменение нашего тарифа грозило германской промышленности серьёзным ударом, а потому можно было ожидать таможенной войны и всякого рода угроз со стороны Германии, но всё же Правительство, по-видимому, не верило, чтобы она решилась на европейскую войну"[45].

Вильгельм II, узнав из донесения германского посла в Петербурге графа Фридриха фон Пурталеса о намерении императорского правительства пересмотреть русско-германский торговый договор, угрожающе заявил: "*Русско-прусские отношения раз и навсегда мертвы, мы стали врагами*"[46].

Период 1913–1914 гг. был самым удачным для Германии. Темпы роста немецкого населения были большими, экономика достигла пика своего развития, вооружённые силы полностью отмобилизованы и готовы к действию. Изо всех государств Европы только Германия была готова начать войну. К 1914 г. армия кайзера насчитывала 808 тыс. 280 человек, а по мобилизации 3 млн 822 тыс. человек[47]. Германская армия была прекрасно обучена и вооружена по последнему слову техники. В ней были представлены все виды вооружений. У немцев на начало войны насчитывалось 232 самолёта, 1396 тяжёлых орудий. Германская армия была единственной армией мира, в которой имелись миномёты. В начале XX в. развивается немецкое военное машиностроение. В армии появились 4 тыс. бронеавтомобилей Круппа с 77-мм орудиями. В 1914 г. германский флот насчитывал 14 броненосцев, 4 бронированных крейсера, 10 минных крейсеров, 132 миноносца[48].

---

[45] *Редигер А. Ф.* История моей жизни : воспоминания военного министра : в 2 т. / А. Ф. Редигер. М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 1999. Т. 2. С. 359.

[46] *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. С. 235.

[47] Первая мировая Война. М. : Воениздат, 1974. Т. 1–2. Т. 1. С. 98.

[48] Там же. С. 98.

В начале 1913 г. до ГУГШ дошли сведения о значительной активизации деятельности военного министерства Германии. Оно закончило на два месяца ранее, чем всегда, обучение новобранцев, в необычное время года (зимой) призвало на сборы запасных всех категорий (более 600 тыс. человек против 450 тыс., созванных в 1910 г.), начало выработку законопроекта о дальнейшем, ещё более значительном увеличении своих вооружённых сил[49].

Русский военный историк А. А. Керсновский писал, что "*вопрос о "предупредительной войне" с каждым месяцем становился для Германии всё более остро. В 1913 году имперский военный министр генерал Фальгенхайн закончил проведение своей программы, создав тяжёлую артиллерию неслыханных доселе калибров. Два обстоятельства заставляли Германию торопиться. Первым обстоятельством была русская Большая программа. Время работало на Россию, русская армия крепла с каждым годом. В 1917 году она грозила стать слишком сильной. Второе обстоятельство было ещё важнее. Надо было использовать австро-венгерского союзника, пока тот ещё существовал: одной Германии нечего было и думать справиться с Россией и Францией*"[50].

Эти слова подтверждал в своих воспоминаниях генерал А. А. Брусилов: "*Было ясно, что Германия не позволит нам развить свои силы до надлежащего предела и поспешит начать войну, которая, по её убеждению, должна была продлиться от до 8 месяцев и дать ей гегемонию над всем миром*"[51].

Надо отметить, что немцы особенно и не скрывали от русской стороны свои военные планы. В феврале 1913 г. Мольтке убеждал графа И. Л. Татищева, "*что войны с Россией никто в Германии не желает, но что если того потребуют обстоятельства, Германия принуждена будет стать на сторону своих союзников всею своею мощью и драться до последней крайности*". На замечание Татищева, "*что австрийцы за последние годы вторично грозят общеевропейскому миру, опираясь на силу Германии, и тем самым могут втянуть её в рискованные предприятия*", Мольтке ответил, что "*это*

---

[49] *Шацилло К. Ф.* Указ. соч. С. 81.

[50] *Керсновский А. А.* История Русской армии : в 4 т. / А. А. Керсновский. М. : Голос, 1994. Т. 3. С. 168.

[51] *Брусилов А. А.* Мои воспоминания / А. А. Брусилов. М. : Военное издательство Народного комиссариата обороны, 1943. С. 49.

совершенно верно, а всё-таки мы не можем не поддерживать наших союзников, потому что нам нужна Австрия, такою как она есть, то есть немецкой державой"[52]. Фактически, в своём разговоре с Татищевым начальник германского генштаба почти за год до войны, обрисовал сценарий её начала.

31 июля (13 августа) 1913 г. император Вильгельм II подписал секретную инструкцию Министерству иностранных дел о подготовке глобальной войны. В октябре того же года начальник Генштаба Германии генерал фон Мольтке представил кайзеру усовершенствованный план нападения на Францию и на Россию. 3(16) октября кайзер поставил в известность о своих планах австро-венгерское руководство, предложив генералу Конраду фон Гётцендорфу "*заняться своим непосредственным солдатским делом и не маршировать на Белград*"[53]. На вопрос Конрада, что будет делать Германия в случае нападения Австро-Венгрии на Сербию, Вильгельм II ответил: "*Я пойду с вами. Другие государства не в состоянии ничего предпринять*"[54].

С 1913 г. крайне усиливается германская экспансия в Турции и на Ближнем Востоке. Эта экспансия получает идеологическое обоснование. Незадолго до Первой мировой войны в Мюнхене вышла книга близкого к правительственным кругам доктора Конрада фон Винтерштеттена "Берлин – Багдад"[55]. В ней автор писал, что мировой державой может быть названа лишь такая, которая обладает следующими качествами: 1. Неограниченностью народного хозяйства благодаря наличности рынков для сбыта товаров и достаточных источников сырья. 2. Наличностью свободных земель для заселения их новыми немецкими колонистами[56].

В конце 1913 – начале 1914 гг. резко активизировалась деятельность немецкой разведки по нагнетанию в Османской империи антирусских настроений. За этой активизацией стояли широкие

---

[52] И. Л. Татищев – Императору Николаю II. 14/27 февраля 1913 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(2). Л. 44.

[53] *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. С. 6.

[54] Там же. С. 6.

[55] *Winterschtetten K. von.* Berlin-Bagdad. Neue Ziele mitteleuropäischer Politik / K. von Winterschtetten. München, 1913. S. 34.

[56] См.: Ближний Восток и война. С. 279.

планы германской военной верхушки, с одной стороны, обеспечить вступление Стамбула в войну с Россией, а с другой, отторжение от неё Кавказа.

Незадолго до начала войны правительство рейха получило из Большого штаба доклад, в котором указывалась вся важность овладения этим краем. В докладе говорилось: "*Кавказ лежит на пути из Европы в Азию и станет в будущем важным этапом в сообщении с Туркестаном, Бухарой и Северной Персией... Страна богата ископаемыми: серебром, цинком, медью, марганцем, есть угольные шахты и железные рудники. Нефтяные источники Баку всемирно известны. <…> Даже этот краткий обзор позволяет судить о том, какая богатая страна Кавказ и какие возможности таятся там. Естественно, возникает мысль заполучить для нас Кавказ*"[57].

В декабре 1913 г. начальник штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенант Н. Н. Юденич докладывал в ГУГШ, что германский консул в Эрзеруме Эдгар Андерс "*начал открыто агитировать среди турок против России*"[58]. Берлин поставил перед Андерсом задачу подготовить отторжение Абхазии и Аджарии от России и захват восточного побережья Черного моря.

Другой германский дипломат вице-консул в Мосуле Вальтер Гольштейн активно действовал среди турецких армян, убеждая их "*не надеяться на Россию, которая ничего для них не сделала, а работать с младотурками*"[59]. Широко развернулась германская агитационная деятельность против России в Персии, среди айсоров и курдов.

Весной 1914 г. Мольтке в разговоре со статс-секретарём иностранных дел[60] Готлибом фон Яговом признался: "*Через два или три года Россия завершит своё перевооружение. Военное превосходство наших противников станет таким образом настолько серьёзным,*

---

[57] *Пипия Г. В.* Германский империализм в Закавказье. В 1910–1918 гг. / Г. В. Пипия. М. : Наука, 1978. С. 21–22.

[58] *Басханов М. К., Колесников А. А.* Накануне Первой мировой: русская военная разведка на турецком направлении. Документы, материалы, комментарии / М. К. Басханов, А. А. Колесников. Тула : Гриф и К, 2014. С. 290.

[59] Там же. С. 290.

[60] В кайзеровской Германии была весьма запутанная система управления. С момента образования империи в 1871 г. должность министра осталась только в вошедших в её состав немецких государствах. Общеимперские вопросы относились к ведению статс-секретарей, подчинявшихся непосредственно рейхсканцлеру.

что я не знаю, как мы сможем с этим справиться. Сейчас мы с ними находимся более или менее на одном уровне. Исходя из этого, нам ничего не остаётся как провести превентивную войну, чтобы разбить врага, пока мы ещё способны вести борьбу". Мольтке также дал понять, что Ягов должен "*ориентировать политику, исходя из скорого объявления войны*"[61]. Уже в разгар Сараевского кризиса Ягов повторил в точности слова Мольтке в письме к князю Лихновскому. Для Германии, писал он, настоящий момент наиболее благоприятен для начала войны, так как "*через несколько лет Россия будет готова и раздавит нас числом своих солдат, имея построенный флот на Балтике и стратегические железнодорожные пути, в то время как наш союз будет постоянно слабеть*"[62].

Через два месяца, в июле 1914 г., Ягов вновь повторил свой разговор с Мольтке, теперь уже в письме к русскому послу в Лондоне графу А. К. Бенкендорфу: "*В основном Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия также сейчас не захотят войны. Через несколько лет, по всем компетентным предположениям, Россия уже будет боеспособна. Тогда она задавит нас количеством своих солдат; её Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Наша же группа между тем все более слабеет. В России это хорошо знают и поэтому, безусловно, хотят ещё несколько лет покоя. Я охотно верую вашему кузену Бенкендорфу, что Россия сейчас не хочет войны с нами*"[63].

Таким образом, как справедливо отмечает профессор А. К. Баиов, "*Германии было выгодно создать искусственно предлог к войне, или, по крайней мере, воспользоваться как таковым подходящим для этого фактом*"[64].

Начиная с первых месяцев 1914 г. русская разведка получает множество сообщений о подготовке Германией в ближайшее время войны с Россией. 10 февраля 1914 г. начальник штаба Киевского военного округа докладывал в секретном рапорте начальнику ГУГШ: "*В Германии в настоящее время исподволь начинают готовить войска и население к мысли о неизбежности столкновения с Россией*"[65]

---

[61] *Fischer F.* Op. cit. P. 64.
[62] Ibid. P. 74.
[63] См.: История дипломатии. Т. 2. С. 776–777.
[64] *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 55.
[65] Выдержка из секретного рапорта начальника штаба Киевского ВО от 10 февраля 1914 г. // Красный Архив. Исторический журнал. М., 1934. Т. 3 (64). С. 93.

28 февраля 1914 г. в секретном рапорте военного агента в Берлине полковника П. А. Базарова в ГУГШ говорилось, что немецкая пресса ведёт антироссийскую кампанию[66].

В тот же день граф И. Л. Татищев докладывал царю о резком ухудшении отношения германских властей к сотрудникам русских представительств и техническому персоналу, находящемуся в Германии в командировках[67]. Татищев докладывал: "*Натянутость отношения к России продолжает здесь ощущаться. Нашу политику почему-то считают агрессивной*" и полагают, что "*расовая борьба со славянством"* неизбежна[68].

26 мая 1914 г. директор департамента полиции В. А. Брюн-де-Сент-Ипполит докладывал начальнику Главного штаба генерал-лейтенанту Н. Н. Янушкевичу: "*По сведениям, полученным Полоцким ГЖУ, в настоящее время в Германии, как вообще, так и в особенности в приграничных с Россией местностях, господствует среди населения убеждение, что германское правительство, опасаясь, быстро возрастающего военного могущества Российской империи, намерено в ближайшем будущем воспользоваться каким-либо незначительным предлогом для объявления войны России, так как в этом конфликте достижим успех Германии лишь в настоящее время, впоследствии же таковой станет уже, по мнению германских общественных кругов, невозможным. Вопрос этот совершенно изъят из обсуждения германской прессы*"[69].

То же самое писал и бывший военный министр В. Ф. Редигер: "*Германия признала своевременным привести длительный кризис к развязке и воспользовалась первым сносным предлогом для того, чтобы довести дело до войны*"[70]. Такой предлог представился в связи с убийством австрийского престолонаследника.

---

[66] Секретный рапорт военного агента в Берлине полковника П. А. Базарова 28 февраля 1914 г. // Красный Архив. Исторический журнал. М., 1934. Т. 3 (64). С. 109.
[67] И. Л. Татищев – Императору Николаю II. 14/27 февраля 1913 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(2). Л. 52.
[68] Там же.
[69] Секретное отношение директора департамента полиции В. А. Брюн-де-Сент-Ипполита на имя начальника Генерального штаба Н. Н. Янушкевича. 26 мая 1914 г. // Красный Архив. Исторический журнал. М., 1934. Т. 3 (64). С. 127.
[70] *Редигер В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 369.

Часть 2

Император Николай II и летний кризис 1914 г.

Глава 1

УБИЙСТВО ЭРЦГЕРЦОГА ФРАНЦА ФЕРДИНАНДА В СВЕТЕ ПОДГОТОВКИ ВЕНОЙ И БЕРЛИНОМ ВОЙНЫ ПРОТИВ СЕРБИИ И РОССИИ

Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, совершенное 15(28) июня 1914 г. в Сараево молодым боснийским террористом Гаврилой Принципом в мировой историографии считается "поводом" Первой мировой войны. При этом под "поводом" понимается то, что убийство было "случайным", а им воспользовались для развязывания мирового катаклизма. Отчасти это верно, но только отчасти. Исторический анализ обстоятельств, предшествующих этому преступлению и его самого, приводят к выводу, что убийство эрцгерцога было не случайностью, а тщательно продуманным заключительным этапом по развязыванию агрессии в отношении Сербии и России. Всё больше фактов, заставляющих с высокой долей вероятности предполагать, что ответственность за это убийство лежит прежде всего на Вене и Берлине.

Сараевское преступление нельзя рассматривать в отрыве от агрессивных планов Австро-Венгрии в отношении Сербии, которые влиятельная венская партия войны окончательно утвердила в 1908 г. Уничтожение Сербии как самостоятельного государства было нужно Вене для своего утверждения на Балканах. Разгром главного союзника России на Балканах должен был означать окончательное её вытеснение из этого региона. Военный агент в Вене полковник М. К. Марченко докладывал в ГУГШ в июле 1909 г.: "*Я беру на себя смелость утверждать, что Австро-Венгрия серьёзно готовится к разрешению в ближайшем будущем, с наибольшей для себя выгодой, балканского вопроса во всей его полноте, и первым этапом в этом направлении явился бы захват ею (при соучастии Болгарии) западной части Сербии, обеспечивающего для Австро-Венгрии владение Боснией и дальнейшего движения её к Салоникам*"[1].

---

[1] Полковник М. К. Марченко в ГУГШ. 18/31 июля 1909 г. // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 674. Л. 99–100.

В январе 1909 г. во время Боснийского кризиса Начальник австро-венгерского Генерального штаба генерал пехоты Франц Конрад фон Гётцендорф и министр иностранных дел граф Эренталь активно обсуждали предстоящее нападение на Сербию. На совещании 21 декабря (4 января) было признано необходимым решить конфликт с Сербией "силой оружия". Эренталь высказал мысль, что "*через каких-нибудь 2–4 года Россия и Италия будут в состоянии прийти сербам на помощь. Тогда мы можем оказаться вовлечёнными в войну с Россией и Италией и на Балканах одновременно. Это во что бы то ни стало надо избегать*"[2].

Конрад также полагал, что "*самостоятельная Сербия и неусмирённая Черногория будут непримиримыми врагами при каждом шаге монархии, при каждом политическом обострении постоянным очагом агитации для южнославянских областей*" и считал, что если "*будет решено ликвидировать сербский вопрос оружием, тогда необходимо теперь же использовать все средства для подготовки к войне*"[3].

Эренталь выдвинул план раздела Сербии между Австрией, Болгарией и Румынией[4]. Тем не менее Вена не была готова одна начинать войну против Сербии из-за опасения русского вмешательства. Ключ для мирного решения конфликта лежал в Берлине, а не в Вене. 30 декабря (12 января) 1909 г. Николай II писал Вильгельму II письмо, в котором пояснял, что Сербия и Черногория "*принадлежат к славянской расе и исповедуют ту же религию, что и мы. Вот почему национальное чувство России так всецело на их стороне. По отношению к Германии нет никакой враждебности*". Николай II указывал кайзеру: "*лишь Вы одни в состоянии помочь нам всем, оказав дружеское воздействие на Вену в смысле смягчения курса её политики*"[5].

Но Вильгельм II всемерно поощрял агрессивные действия своего союзника. В январе – марте 1909 г. шла активная переписка между Мольтке и Конрадом о взаимодействии в случае начала войны

---

[2] *Hötzendorf C. von.* Aus meiner Dienstzeit. 1906–1918 / Conrad von Hötzendorf. Bd. 1–5. Wien, 1921. Bd. 1. S. 138.

[3] *Шапошников Б. М.* Указ. соч. С. 64.

[4] История дипломатии : в 3 т. / под ред. акад. В. П. Потёмкина. М. : ОГИЗ, 1945. Т. 2. С. 195.

[5] Император Николай II – императору Вильгельму II. 12 января 1909 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. М., 2007. С. 427.

Австрии с Сербией или Россией. Мольтке обещал австрийскому командованию военную помощь и в случае прямого нападения России на Австрию, и даже в том случае, если Россия вмешается в австро-сербский конфликт[6].

Благодаря миротворческим сверхусилиям Государя, в 1909 г. нападение Австро-Венгрии на Сербию, которое неминуемо привело бы Вену и Берлин к войне с Россией, удалось избежать. Однако своих планов по уничтожению Сербии как суверенного государства военная партия Австро-Венгрии не оставила.

28 мая 1913 г. наместник Боснии и Герцеговины фельдцейхмейстер Оскар Потиорек предупреждал министра финансов Австро-Венгерской империи графа Леона фон Билинского: "*Мы должны видеть свою главную задачу в том, чтобы систематически готовиться к неминуемой в ближайшее время большой войне, которая будет вестись в крайне тяжёлых условиях*". Потиорек указывал, что "*было бы роковым заблуждением верить, что мы могли бы получить в лице Сербии надёжного друга*". Её "*следует обезопасить посредством объединения её с Монархией хотя бы в рамках торговой, таможенной и военной конвенции*". Иначе, "*это государство во всякой будущей войне будет сражаться как открытый и ожесточённый противник на стороне остальных наших недругов*"[7].

Вначале 1914 г. начальник Генштаба Конрад фон Гётцендорф на военном совете предложил императору начать "превентивную" войну против Сербии, заявляя, что тем самым удастся избежать большой европейской войны и вытеснить Россию с Балкан[8]. В этом Конрад имел полную поддержку германского императора, который 8 июня 1914 г., за 20 дней до Сараевского убийства, успокаивал Вену: "*Скоро начнётся третья Балканская война, в которой мы примем участие. Она объясняется огромными военными приготовлениями русских и французов*"[9]. Примечательно, что 27 лет спустя подобной же ложью будет оправдывать нападение на СССР геббельсовская пропаганда.

---

[6] *Hötzendorf C. von.* Op. cit. Bd. 1. S. 631.

[7] О. Пoћорек – Л. Билинском. 28. Маја 1913 // Историјске свеске. Број 1. Андрићград, 05. јануар 2014. С. 3.

[8] *Вулмасн С., Кинг К.* Первая мировая. Убийство, развязавшее войну / С. Вулмасн, К. Кинг. М. : АСТ, 2014. С. 228–229.

[9] *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. / Ю. А. Писарев. М. : Наука, 1990. С. 17; *Fischer F.* Op. cit. P. 62.

Конрад фон Гётцендорф, Потиорек, эрцгерцог Фридрих, граф Эренталь (скончался в 1912 г.) принадлежали к влиятельной "военной партии" при венском Дворе, ставившей своей целью военный разгром Сербии и включение её в состав империи. Конрад подчёркивал: "*Даже небольшая, но самостоятельная Сербия – опасна*"[10]. В 1909 г. Конрад предлагал после военного разгрома Сербии предоставить ей статус в Австро-Венгерской империи, подобный статусу Баварии в Германской империи: сохранение династии, правительства и армии, но лишение её прав выступать самостоятельно на международной арене. Внешняя торговля Сербии должна была быть поставлена в зависимость от общеимперских правил и законов[11]. В 1913 г. планы Конрада в отношении Белграда стали ещё более радикальными: "*Войну с Сербией следует считать основой нашей политики и вести её надо до конца, т. е. до уничтожения Сербии как государства*"[12].

При этом представители "военной партии" полагали, что "*Россия, не оправившаяся ещё после Японской войны и внутренних волнений, не окажет серьёзного сопротивления*"[13].

"Военная партия" являлась тайным врагом наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда, так как тот был убеждённым противником войны на Балканах. В начале февраля 1913 г. эрцгерцог прилюдно заявил: "*Что бы имели от войны с Сербией? Мы бы потеряли жизни многих молодых людей, и мы бы потратили огромные деньги, которые можно было бы более эффективно использовать на другие цели. И что, ради Бога, мы выиграем? Несколько сливовых деревьев, козьи пастбища и кучку мятежных убийц!*"[14].

Особенно Франц Фердинанд опасался войны с Россией. Ещё в 1907 г. он лично инструктировал назначенного послом в Петербурге графа Леопольда фон Берхтольда: "*Скажите в России каждому,*

---

[10] *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны / Ю. А. Писарев. М. : Наука, 1985. С. 19.
[11] Там же. С. 201.
[12] Там же. С. 202.
[13] Секретный доклад военного агента в Вене полковника М. К. Марченко. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 12.
[14] *Вулмасн С., Кинг К.* Указ. соч. С. 225–226.

с кем будете иметь возможность поговорить, что я – друг России и её Государя. Никогда австрийский солдат не стоял против русского солдата с оружием в руках... Мы должны быть добрыми соседями. Я одобряю старый союз трёх императоров"[15].

В частном письме эрцгерцог признавался: "*Полное согласие с Россией в союзе трёх императоров – есть основание мира и монархического принципа. В этом – мой идеал, которым я одушевлён и за который я буду бороться всею своею мощью*"[16].

Современники приводят и более категоричные слова Франца Фердинанда: "*Я никогда не поведу войну против России. Я пожертвую всем, чтобы этого избежать, потому что война между Австрией и Россией закончилась бы или свержением Романовых, или свержением Габсбургов, или, может быть, свержением обеих династий. Война с Россией означала бы наш конец. Если мы предпримем что-нибудь против Сербии, Россия встанет на её сторону, и тогда мы должны будем воевать с русскими. Австрийский и русский император не должны сталкивать друг друга с престола и открывать путь революции*"[17].

Незадолго до своего убийства, Франц Фердинанд утверждал: "*Какой смысл сражаться с Россией? Даже Наполеон не смог добиться успеха. И даже если нам удастся выиграть войну с Россией, вопрос цены такой победы, которая, скорее всего, станет величайшей трагедией для австрийской монархии*"[18].

Конечно, обольщаться этими "русофильскими" высказываниями австрийского эрцгерцога тоже не стоит. Как писал в своём докладе полковник Марченко, Франц Фердинанд руководствуется не сердцем, а всегда интересом[19]. Но этот интерес подсказывал ему, что война с Россией грозит его империи гибелью.

---

[15] *Шимов Я. В.* Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по преобразованию Австро-Венгрии: утопия или нереализованная возможность? // Материалы международной научной конференции "Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств". Москва, 23–24 апреля 2009 г. М., 2009.

[16] *Dedijer B.* Сарајево, 1914 / Владимир Дедијер. Београд : Просвета, 1966. С. 245.

[17] Там же.

[18] *Вулмасн С., Кинг К.* Указ. соч. С. 225.

[19] Секретный доклад военного агента в Вене полковника М. К. Марченко // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 12.

Взгляды эрцгерцога разделяли многие государственные и общественные деятели Австро-Венгрии: посланник в Бухаресте граф Оттокар фон Чернин, член рейхсрата Йозеф Бернрейтер, генеральный директор крупнейшего банка в Вене "Кредитан-штальт" Александр Шпицмюллер-Хармерсбах и др. Сторонники престолонаследника объединялись в так называемую Бельйедерскую группу, названную по имени дворца, где проживал эрцгерцог[20]. Свою позицию наследник престола отстаивал в яростных спорах, прежде всего с Конрадом, отставки которого он безуспешно добивался. Тот, в период с 1 января 1913 по 1 июня 1914 г., двадцать пять раз предлагал напасть на Сербию и несколько раз – на Россию[21]. В 1913 г. Франц Фердинанд предупреждал Бертхольда, успевшего стать к тому времени министром иностранных дел, чтобы тот не оказывал Конраду "*ни йоты поддержки перед лицом императора*", так как начальник Генштаба "*хочет использовать малейшую возможность для начала войны. Было бы непростительно и безумно начать войну, которая повернёт против нас Россию*"[22].

Эрцгерцог Франц Фердинанд представлял для военной партии прямую угрозу. Русский военный агент Марченко считал его человеком с "*сильным характером, умеющим достигать того, чего он хочет*"[23]. Можно было не сомневаться, что как только он станет императором, все представители "военной партии" лишатся своих должностей.

Кроме того, воцарение Франца Фердинанда было опасно и всей придворной группировке, окружавшей старика-императора. Женатый морганатическим браком на герцогине Софии Гогенберг, эрцгерцог оказался в оппозиции влиятельным аристократическим кланам Габсбургов. Несмотря на то, что Франц Фердинанд официально принёс клятву в том, что его потомство не будет иметь прав на престол, габсбургское семейство не вполне было уверено, что став императором, эрцгерцог своей клятве не изменит. Но даже если бы этого не произошло, то в случае воцарения Франца Фердинанда

[20] *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. С. 20.
[21] *Вулмасн С., Кинг К.* Указ. соч. С. 229.
[22] Там же. С. 227.
[23] Секретный доклад военного агента в Вене полковника М. К. Марченко // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 12.

наследником становился его племянник эрцгерцог Карл, находившийся со своим дядей в близких дружеских отношениях и разделявший его взгляды на будущее Австро-Венгрии. А это означало неминуемую утрату прежними семейными кланами своего политического влияния при дворе. Недолюбливал Франца Фердинанда и сам император Франц Иосиф, не простивший ему морганатический брак и считавший идеи племянника "опасными" для будущего империи.

Эрцгерцог, в отличие от многих представителей австро-венгерской верхушки, не принадлежал к числу безоговорочных сторонников Германии. Военный атташе австрийского посольства в Берлине Йозеф Штюргк отмечал, что, по его мнению, дружба эрцгерцога и германского императора строилась не "*на взаимной симпатии. Франц Фердинанд был по характеру и воспитанию слишком австрийцем, слишком привержен традициям своего дома для того, чтобы преподнести сердце на ладони отпрыску Гогенцоллернов*"[24]. Ревностный католик Франц Фердинанд был сторонником концепции, в основе которой лежало стремление создать "Великую Австрию", которая "*сможет противостоять схизматической России и протестантской Германии*"[25]. Академик Ю. А. Писарев справедливо замечает: "*Версия „о дружбе“ эрцгерцога и германского императора не выдерживает критики. Известно, что между ними наблюдалась взаимная неприязнь*"[26]. Накануне очередной встречи с кайзером в Конопиште летом 1914 г. Франц Фердинанд публично заявил, что Вильгельм II проводит великодержавную политику, игнорируя интересы Австро-Венгрии. "*Немцы заботятся только о себе*", – сказал в раздражении эрцгерцог, и эта колкая фраза облетела всю Европу. Кайзер не простил австрийскому престолонаследнику дерзости даже после его кончины[27]. Примечательно, что вслед за кайзером Франц Фердинанд вызывал нескрываемую ненависть у Адольфа Гитлера, который называл его в "Майн Кампф" "*внутренним врагом*"

---

[24] *Шимов Я. В.* Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по преобразованию Австро-Венгрии: утопия или нереализованная возможность? // Славяноведение. 2010. № 4.
[25] *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. С. 20.
[26] Там же. С. 232.
[27] Там же. С. 2.

и "*самым видным другом славянства*"[28]. По всей видимости взаимная неприязнь проявилось в полной мере во время переговоров кайзера Вильгельма II с эрцгерцогом Францем Фердинандом в его чешской охотничьей резиденции Конопиште, имевшей место 4(17) октября 1913 г. О содержании переговоров до сих пор точно не известно, но, по мнению ряда влиятельных современников и поздних исследователей, речь на них шла о нападении на Сербию и возможной войне с Россией. Вильгельм II заявил эрцгерцогу, что "*опасность исходит от возможного союза всех славянских элементов на Балканах*", а это заставляет Германию и Австрию "*поддерживать тесные связи с неславянскими балканскими государствами*"[29]. Сербия, по мнению кайзера, должна подчиниться общегерманской силе. Вильгельм II пытался убедить эрцгерцога в том, что Петербург готовит нападение на Германию и Австрию. Однако на это Франц Фердинанд возразил: "*Внутренние затруднения в России слишком велики, чтобы она смогла вести наступательную внешнюю политику*"[30]. Австро-венгерский престолонаследник не поддержал агрессивные планы Вильгельма II, что вполне вероятно предопределило Сараевское убийство[31].

Не добившись понимания у эрцгерцога Франца Фердинанда, Вильгельм II отправился в Вену, где 13(26) октября 1913 г. встретился с австро-венгерским министром внутренних дел графом Берхтольдом. В беседе с ним кайзер заявил: "*Война между восточным и западным мирами – неизбежна. Борьба со славянским преобладанием является историческим процессом, таким же важным, как завоевание варваров. Поэтому Сербия либо войдёт в Дуалистическую Монархию, либо будет ею аннексирована. Если Его Императорское Величество Император Франц Иосиф чего-нибудь хочет, то сербское правительство обязано подчиниться, и если оно этого не сделает, то мы будем бомбардировать Белград и займём его, до тех пор, пока императорская воля не будет исполнена*"[32]. После этих

[28] *Hitler A.* Mein Kampf: Zwai Bände in einem Band. Zentralverlag der NSDAP / A. Hitler. München, 1944. S. 54.
[29] *Fischer F.* Op. cit. P. 58.
[30] *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. С. 60–61.
[31] *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. С. 209.
[32] *Fischer F.* Op. cit. P. 58.

слов Вильгельм II, положив руку на эфес сабли, добавил: "*Всё, что подписано венским министром иностранных дел для меня является приказом. Я безоговорочно поддержу австрийскую внешнюю политику*"[33].

У эрцгерцога Франца Фердинанда были ещё одни влиятельные враги в лице венгерской аристократии и буржуазии, так как эрцгерцог считал венгерский национализм наиболее опасным для будущего империи. Поэтому он всячески принижал значение Венгрии, премьер-министр которой Иштван Тиса прямо заявлял: "*Если престолонаследник, став императором, выступит против Венгрии, я подниму против него национальную революцию*"[34]. Борясь с венгерским влиянием, Франц Фердинанд стремился опираться на чехов и южных славян. Он рассчитывал, что жители новоприобретенных провинций Боснии и Герцеговины, наряду с чехами и хорватами, станут надёжными союзниками австрийского престола. Осенью 1913 г. эрцгерцог Франц Фердинанд стал генеральным военным инспектором (высший чин в австро-венгерской армии мирного времени). Его военная канцелярия уже несколько лет считалась "параллельным" Генштабом. Тесные отношения с эрцгерцогом поддерживали лидеры славянских народов: словак Милан Ходжа, румын Алехандро Вайда-Воевод, хорват Иосип Сунарич. Поддерживал эрцгерцог хорошие отношения и с некоторыми венгерскими лидерами: например, с графом Миколошем Сечени. Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по грядущему кардинальному переустройству Австро-Венгерской империи предусматривали ликвидацию дуализма, мадьяризации живущих в Венгрии народов и создание "Соединённых государств Великой Австрии"[35]. По планам эрцгерцога Австро-Венгрия разделялась на пятнадцать равноправных владений по национально-территориальному принципу: три немецкоязычных (Немецкая Австрия, Немецкая Богемия и Немецкая Моравия), Венгрию, чешскоязычную Богемию, Словакию, Хорватию, словеноязычную Крайну, польскоязычную

---

[33] *Fischer F.* Op. cit. P. 58.

[34] *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. С. 209.

[35] *Kiszling R.* Erzherzog Franz Ferdinand von Osterreich-Este / R. Kiszling. Graz ; Köln, 1953. S. 120.

Западную Галицию, румыноязычную Трансильванию, италоязычные Триест и Трентино, южно-русскоязычную Восточную Галицию и сербско-хорватскую Воеводину. Кроме того, ряду этнических анклавов (в основном немецких) в восточной Трансильвании, Банате и других частях Венгрии, Южной Словении, крупных городах (таких как Прага, Будапешт, Львов и др.) предоставлялась особая автономия[36]. Таким образом, оккупация Сербии и включение её в состав империи – то к чему стремилась "военная партия" – снималось с повестки дня.

Таким образом, планы будущего императора представлялись весьма опасными всем могущественным группировкам в Вене, в Будапеште и Берлине. Мешал он мировым глобалистским и революционным силам, для которых европейская война была необходимым условием уничтожения монархического миропорядка. Ленин писал в конце января 1913 г. Максиму Горькому: "*Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей Восточной Европе) штукой, но мало вероятно, чтобы Франц-Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие*"[37].

Так думал не только Ленин. Все анархические, революционные, террористические, леворадикальные группировки с вожделением ждали большой войны. Такой переворот входил в планы и масонов Великого Востока Франции. "*Причиной ненависти масонства к России*, – сообщал в своём отчёте заведующий заграничной агентурой Департамента полиции (Парижское бюро) Л. А. Ратаев, – *является то, что её считают самым надёжным оплотом христианства*"[38].

Таким образом, устранение Франца Фердинанда в качестве "превентивной" меры, пока тот не стал императором, что при дряхлости Франца Иосифа могло случиться в любую минуту, было для всех вышеназванных сил крайне желательным.

Однако, как известно, в сараевском убийстве Вена и Берлин обвинили Сербию, что и стало поводом для развязывания мировой

---

[36] *Kiszling R.* Op. cit. S. 120.

[37] В. И. Ленин – А. М. Горькому. Не позднее 25 января 1913 г. // Полное собрание сочинений / Ленин В. И. М. : ИПЛ, 1967. Т. 48. С. 155.

[38] Л. А. Ратаев – Директору Департамента полиции // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Д. 12. Ч. 2. Л. 142.

войны. Но насколько Белграду было выгодно убийство Франца Фердинанда? Конечно, если исходить из предположения, что Сербия якобы претендовала на ведущую роль среди южных славян, а эрцгерцог Франц Фердинанд собирался их активно использовать для укрепления империи, то можно предположить, что его устранение было выгодно Белграду. Однако такие умозаключения на деле совершенно беспочвенны. Правящие круги Сербии, даже если среди них и имелись "великодержавные" настроения, не могли не понимать, что последствием убийства австрийского престолонаследника будет полный триумф в Вене "военной парии", и, как следствие этого, неминуемая и заранее обречённая на поражение война с Австро-Венгрией. Причём заступничество России в такой ситуации было совсем для Сербии не гарантировано. Поэтому для Белграда было жизненно важным не только не участвовать в покушении на эрцгерцога, но и любой ценой его не допустить. Собственно, именно так и вело себя сербское правительство. Когда до него дошли слухи о предстоящем покушении, оно поручило своему посланнику в Вене Йовану Йовановичу предупредить австро-венгерского министра финансов графа Билинского о грозящей эрцгерцогу опасности. 21 июня 1914 г. (по н. ст.), то есть за неделю до убийства, такая встреча имела место. Сербский посланник заявил, что "*...для Наследника имеется риск пострадать от воспалённого общественного мнения в Боснии и Сербии. Возможно, с ним случится некий несчастный случай. Его путешествие может привести к инцидентам и демонстрациям, которые Сербия будет осуждать, но это будет иметь фатальные последствия для австро-сербских отношений*". Билинский это предупреждение проигнорировал, отделавшись общими фразами, что "*он надеется, что этого не случится*"[39].

Однако считается полностью доказанным участие в убийстве влиятельной сербской тайной организации "Единение или смерть". Она была создана 9 мая 1911 г. в Белграде десятью старшими офицерами Сербской армии. Фактическим лидером организации стал начальник Осведомительного отдела Генерального штаба полковник Драгутин Димитриевич, носивший псевдоним "Апис" ("Священный бык"). На совести этого офицера, как и большинства основателей

[39] *Le Moal F.* La Serbie, du martyre à la victoire 1914–1918, éditions 14–18 / Frédéric Le Moal. Paris, 2008. P. 35.

"Чёрной руки", было злодейское убийство в 1903 г. короля Сербии Александра Обреновича и его супруги королевы Драги, так как те придерживались проавстрийской ориентации. После чего на сербский престол был возведён король-русофил Петр I Карагеоргиевич.

Благодаря слухам, "Единение или смерть" приобрела в глазах современников мрачный образ беспощадной и вездесущей организации, наподобие испанской анархистской банды "La Mano Negra" ("Чёрная рука"), действовавшей в Андалузии в конце XIX в. Под этим именем общество и вошло в историю. "Чёрная рука" строилась по принципу классической масонской ложи. Во главе организации стояло 11 старших "посвящённых", имевших свои тайные прозвища. Остальные члены имели лишь порядковые номера и должны были слепо подчиняться своему руководству. Символом "Чёрной руки" был череп и кости, кинжал и пузырёк с ядом. При вступлении в организацию вновь принимаемый давал клятву кровью[40]. Строго говоря, сегодня о "Чёрной руке" больше известно легенд и домыслов, чем реальных фактов. Подлинных документов о её деятельности почти не осталось. В 1935 г. в крайне антисербской книге Онри Поззи "Война возвращается" (более известно её английское издание „Чёрная рука“ над Европой") были опубликованы тексты программы и устава ("Конституции") "Чёрной руки", подлинность которых до сих пор ставится под сомнение[41]. В этом документе излагались планы объединения европейского "сербства" вокруг "Пьемонта", то есть Сербского королевства. Риторика "конституции" в целом соответствовала традициям сербских националистов, но в нем ничего не говорилось о "югославянстве". Если верить этим документам, "Чёрная рука" ставила своей целью организовать серию терактов против австро-венгерских государственных чиновников в славянских владениях, а также убить самого императора и его ближайших сотрудников. Считается, что в 1911 г., накануне Первой Балканской войны, Димитриевич послал в Вену человека, чтобы убить императора Франца Иосифа, но до выстрелов дело не дошло. В этом же году провалилась попытка Мухамеда Мехмедбашича убить боснийского губернатора Оскара Потиорека отравленным кинжалом.

---

[40] За балканскими фронтами Первой мировой войны. М. : Индрик, 2002. С. 16.
[41] *Pozzi H.* Black hand over Europe / Henri Pozzi. London, 1935.

Смысл предполагаемых покушений очевиден. Если они планировались как демонстрация силы сербов, то это выглядело явно глупо, так как Сербия была все равно несопоставимо слабее Австро-Венгрии. Если "Апис" таким образом стремился спровоцировать войну с австрийцами, то делал он это в самый неподходящий момент, когда сербское правительство готовилось тогда начать войну против Османской империи. Вообще трудно понять, как у офицеров, входивших в "Чёрную руку", хватало времени на то, чтобы заниматься индивидуальным террором, когда им нужно было активно участвовать в боях против Турции[42].

Король Пётр, королевич Александр и премьер-министр Никола Пашич, во многом обязанные Димитриевичу приходом к власти, тем не менее опасались его. Пашич указывал на опасность "Чёрной руки" и настаивал на её роспуске[43]. Русский военный агент в Сербии полковник В. А. Артамонов в своём рапорте ГУГШ от 9(22) ноября 1911 г. докладывал: "*Не скрою, что "Чёрная рука" через одного офицера сделала попытку войти в сношения со мной. Конечно, я немедленно и решительно отклонил приглашение переговорить с членами тайной организации, чтобы не дать им возможности примешивать при агитации имя России*". Ознакомившись с информацией, император Николай II указал МИД тщательно следить за деятельностью "Чёрной руки". Царь отвергал террористическую тактику. "*Где гарантия,* – спросил Николай II сербского короля Петра I в 1910 г., – *что в один прекрасный день заговорщики не поднимут руку на Вашу династию?*"[44].

В декабре 1916 г., когда вся территория Сербии уже была захвачена противником и остатки сербской армии продолжали сопротивление на фронте под Салониками, Димитриевич был обвинён в организации покушения на регента Александра и попытке произвести государственный переворот. 23 мая 1917 г. он и его подельники предстали перед судом, который приговорил их к расстрелу, который был приведён в исполнение 24 июня того же года. Среди прочих обвинений, Димитриевичу была предъявлена организация

---

[42] Дело Принципа // Либерея "Нового Геродота" : интернет-сайт. URL: http://liberea.gerodot.ru/neoglot/princip.htm (дата обращения: 15.10.2014).

[43] См.: За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 17.

[44] Там же.

Сараевского убийства. То есть сведения о причастности "Чёрной руки" к убийству эрцгерцога Франца Фердинанда появляются только на судебном процессе, организованном сербским королевским правительством. Между тем по убедительному доводу д-ра ист. наук акад. Ю. А. Писарева, "*организуя суд, сербское правительство преследовало три цели: разгромить оппозицию в лице тайного, но могущественного офицерского союза, оздоровить обстановку в армии и заодно свалить ответственность за сараевское убийство на "Чёрную руку", чтобы открыть себе путь к мирным переговорам с Австро-Венгрией, которые намечались в 1917 году. Судебный процесс вёлся с грубыми нарушениями законности, при закрытых дверях, подсудимые не имели защитников, военным трибуналом широко использовались лжесвидетели. После суда правительство опубликовало сборник "Тайная заговорщическая организация", включив в него только материалы обвинения, что придало изданию односторонний характер*"[45].

Между тем, если бы "Чёрная рука" действительно принимала участие в убийстве эрцгерцога, то этот факт должен был быть неминуемо известным австрийцам. Нет сомнений, что они не преминули бы его использовать в антисербской пропаганде уже в 1914 г. Вместо этого главным организатором преступления Вена выставляла националистическую "Народну одбрану", только потому, что она была скандально известна своими громкими антиавстрийскими заявлениями. Примечательно, что современные боснийские анархисты, отмечают, что "Чёрная рука" была законспирирована "*настолько хорошо, что Австро-Венгрия, предъявив ультиматум Сербии 23 июля 1914 года, ультиматум, в котором на "Народну одбрану" сыпались громы и молнии, не знала в тот момент о "Чёрной руке" НИЧЕГО. Очень мало она узнала она о ней и по результатам процесса над Принципом и его товарищами. Куски правды про "Чёрную руку" стали всплывать лишь после того, как она была уничтожена сербским правительством*"[46].

С другой стороны, и сербское правительство, знай оно в 1914 г. об участии Димитриевича в сараевском убийстве, перед лицом

[45] *Писарев Ю. А.* "Наши дети будут ходить по Вене...". Сараевское убийство 28 июня 1914 г. и "Млада Босна" / Ю. А. Писарев // Родина. 1993. № 8–9.
[46] URL: http://levcom.org/content/mlada-bosna (дата обращения: 12.08.2013).

войны не стало бы его выгораживать. Поэтому, более чем вероятно, что ни австро-венгерские, ни сербские верхи ничего не знали об участии "Чёрной руки" в событиях в Сараево.

На процессе 1917 г. Апис категорически отверг причастность "Чёрной руки" к убийству Франца Фердинанда, хотя и признал его в меморандуме на имя принца-регента Александра. Однако этот меморандум был написан Димитриевичем накануне расстрела, в сильно подавленном моральном состоянии, в надежде на благополучный ответ на его прошение о помиловании. Относится с доверием к этому "признанию" вряд ли стоит. Многое как раз говорит против него.

Убийца эрцгерцога Гаврило Принцип[47] прибыл в Белград из боснийского Грахово и получил фальшивый паспорт на имя Чека в январе 1914 г.[48], то есть задолго до его предполагаемых контактов с "Чёрной рукой". Кто и с какой целью выдал ему этот паспорт остаётся неизвестным, но это точно не были люди Аписа. Для того чтобы вернуться в Сараево для осуществления покушения, Принцип был вынужден заложить в ломбарде своё пальто. Другой террорист Трифко Грабеж для этой же цели взял взаймы денег у родственников[49]. Понятно, что если бы за подготовкой покушения стояла такая могущественная организация как "Чёрная рука" во главе с руководителем сербской военной разведки, то денег для проезда в Сараево для своих боевиков она бы нашла.

Кроме того, весьма сомнительными представляются утверждения о связях "Чёрной руки" с боснийской террористической организацией "Младо Босна", к которой принадлежали убийцы Франца Фердинанда. "Младо Босна" имела национально-демократическую идеологию, близкую к анархо-коммунистам. Она основывалась на внеэтническом и внеконфессиональном югославянстве (Принцип называл себя на допросе не сербом, а югославом), основой которого должна была быть левая идеология. По крайней мере один из

---

[47] Фамилия Принцип не встречается ни в сербохорватском, ни турецком языках. По всей вероятности, она искусственного происхождения и происходит от итальянского *principe* ("принц"). Такое прозвище давали в Далмации безродной прислуге Босканских принцев во времена Венецианского господства (*Dedujer B.* Указ. соч. С. 61).

[48] *Dedujer B.* Указ. соч. С. 61.

[49] *Воронин В.* Сараевское покушение / В. Воронин // Стратегия России. 2012. № 1.

лидеров "Младо Босни" Владимир Гачинович поддерживал тесные связи с Троцким, Радеком, и, по некоторым сведениям, встречался с Лениным[50]. Гачинович писал Троцкому, что "*Мы – ваша идейная колония, а колония всегда идёт за метрополией*"[51]. Никакого отношения ни к сербскому национализму, ни к Сербии, как государству, эта "колония" не имела. Более того, Принцип вспоминал в тюрьме, что сербские националисты часто его критиковали и даже угрожали ему расправой. В "Младо Босню" входили жители аннексированных Австрией провинций разных национальностей и вероисповеданий, а отнюдь не только православные сербы. При этом все они были австро-венгерскими подданными[52]. Участники Сараевского преступления не только не были православными, но, напротив, – воинствующими атеистами. Принцип в тюрьме незадолго до смерти утверждал, что твёрдо помнит, что не верил в Бога даже когда был ребёнком. Когда судья спросил его, верит ли он в Бога, Гаврило только улыбнулся; когда судья спросил его, не потому ли он убил Франца Фердинанда, что эрцгерцог верил в Бога, Принцип сказал, что этот вопрос для него полностью безразличен[53]. Во время суда подсудимые шутили и предлагали судьям *"позвать вашего Бога, чтобы Он выступил в качестве свидетеля и рассказал, как на самом деле произошло убийство*"[54]. Таким образом, между антицерковной радикал-социалистической "Младо Босней" и православной, хотя бы внешне, национал-монархической "Чёрной рукой" не было ничего общего. Не верят в их сотрудничество в организации убийства Франца Фердинанда и современные сербские историки. Доктор Радош Лушич считает: "*Мы не можем говорить о младобоснийцах как об участниках организации "Единение или смерть",* […] *не можем говорить о некой их близкой связи с организаторами "Единения или смерть*"[55].

---

[50] *Дедијер В.*. Указ. соч. С. 304.
[51] *Писарев Ю. А.* "Наши дети будут ходить по Вене...". Сараевское убийство 28 июня 1914 г. и "Млада Босна".
[52] *Воронин В.* Сараевское покушение.
[53] *Дедијер В.* Указ. соч. С. 351.
[54] *Ло Буздяк.* "Млада Босна" и анархист Неделько Габринович / Ло Буздяк // Libfront : интернет-сайт. URL: http://www.libfront.org/ (дата обращения: 12.10.2014).
[55] Млада Босна, велика емоција // Историјске свеске. Број 4. Андрићград, 13. април 2014. С. 21.

Гораздо более правдоподобной является другая версия. "Младо Босна", как уже говорилось, не была сербской организацией. Она состояла из подданных Австро-Венгрии и действовала на её территории. А это значит, что она не могла не находиться под пристальным вниманием австрийских спецслужб. Не являются тайной давно установленные связи Троцкого с такими видными вождями австрийской социал-демократии, как Виктор и Фридрих Адлеры. Те, в свою очередь, имели вполне добрые отношения с руководителем политической полиции Австро-Венгрии Эдмундом фон Гайером[56], с которым они познакомили и Троцкого[57]. О связях Троцкого с австро-венгерской разведкой отмечали и некоторые исследователи[58]. Известно о подобных же контактах и друга Троцкого Христиана Раковского, которого французский генерал Анри Альбер Ниссель открыто определял "*известным австро-болгарским агентом*"[59]. Одновременно Раковский был хорошо знаком с лидерами "Младо Босни"[60].

Если к убийству Франца-Фердинанда были причастны австро-венгерские и германские правящие круги, они могли легко использовать через свою агентуру боевиков "Младо Босни", которые, разумеется, не подозревали об истинных организаторах преступления. Любопытно, что современная боснийская анархистка Ло Будзяк, подтверждает, что "младобоснийцы" не подозревали, что они действуют в интересах "Чёрной руки", которая "*пожертвовала ими, чтобы сделать из них мучеников. Они игнорировали разницу между своей организацией и "Чёрной рукой", потому что следовали своим идеям. "Чёрная Рука" использовала "Младу Босну" для своих ретроградных идей*"[61].

---

[56] Троцкий ошибочно называет его Гейером.

[57] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии / Л. Троцкий. М. : Вагриус, 2001. С. 125.

[58] *Иванов (Скуратов) А. М.* Это начиналось так. К 75-летию начала Первой мировой войны / А. М. Иванов (Скуратов) // Молодая гвардия. М., 1989. № 8.

[59] *Bradley J. F. N.* France, Lenin and the Bolsheviks in 1917–1918 // The English Historical Review. 1971. October. Vol. 86, № 341. P. 783–789.

[60] *Сейерс М., Кан А.* Тайная война против СССР / М. Сейерс, А. Кан. М., 1947. С. 339.

[61] *Ло Буздяк.* Указ. соч.

Эти утверждения не выдерживают никакой критики. Чего добивалась "Чёрная рука", предоставив "младобоснийцам" убить Франца Фердинанда? Только популяризации "Млада Босни" и развязывания войны Австро-Венгрии против Сербии. Ни того, ни другого, Димитриевич, разумеется, не хотел. Известный сербский военный историк Бранко Богданович отмечает: "*Сербия в 1914 г. не была готова к конфликту с Австро-Венгрией. Таким образом, трудно поверить, чтобы Дмитриевич организовал убийство, которое Вена могла легко использовать в качестве повода к войне. В 1917 г. на судебном процессе над "Чёрной рукой" в Салониках члены этой организации Мустафа Голубич и Чедомир Попович вспоминали, что Дмитриевич, узнав о запланированном убийстве эрцгерцога, пытался предотвратить заговор, так как опасался, что он спровоцирует военную агрессию Австро-Венгрии против Сербии*"[62].

Тем не менее "сербская" версия стала в качестве основной и единственной на процессе над убийцами эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги. Она основывалась на "доказательствах", добытых австрийским обвинением. Согласно им, вначале идея убить эрцгерцога в Сараево пришла Гаврило Принципу, Неделькe Чабриновичу и Трифко Грабежу, проживавшим в 1914 г. в Белграде самостоятельно, и действовали они по собственной инициативе. Но для осуществления своего замысла у них элементарно не было средств ни на покупку оружия, ни для пересечения границы. Им на помощь пришёл член "Млада Босни" Джуро Шарац, который свёл будущих террористов с чиновником сербских государственных железных дорог Миланом Цигановичем, а тот в свою очередь познакомил их с членом центрального правления "Чёрной руки" капитаном Воиславом Танкосичем. Капитан был непосредственно подчинён начальнику разведывательного отдела Генштаба полковником Димитриевичем. Танкосич добыл для "младобоснийцев" оружие и организовал стрельбы в лесу Кошутняк, так со стрельбища сербской армии их не пустили (!). Вскоре полиция выгнала (!) будущих террористов вместе с их инструктором (который, напомним, был членом руководства "всесильной" "Чёрной руки") и из леса. Несмотря на это, по версии австро-венгерского обвинения, Принцип, Чабринович

[62] *Богданович Б.* Пуля для Фердинанда / Бранко Богданович // Техника молодёжи. 2013. № 6.

и Грабеж, ранее не бравшие оружие в руки, так наловчились стрелять, что стали просто снайперами, попадая (из пистолета!) в десятку из положения стоя и с расстояния в 200 м шесть выстрелов из десяти[63]. Правда, во время следствия стали всплывать не очень удобные для австрийцев факты. Так, на суде Трифко Грабеж сказал (впоследствии, от этих показаний он отказался) что Чабриновича обучал стрельбе вовсе не офицер сербской армии, а Милан Мойич – боснийский серб, эмигрировавший из Австро-Венгрии. Уже после Первой мировой войны выяснилось, что оружие для убийц (четыре браунинга) были приобретены в Бельгии "торговцем из Белграда". Этим "торговцем" был бельгийский подданный Карл Дусе, долгое время живший в Турции и перебравшийся затем в Белград. Там он в 1910 г. открыл "Бельгийское Промышленное Агентство" – представительство бельгийского оружейного завода "ФН"[64]. Далее история перехода боевиками австро-сербской границы, в интерпретации венского следствия, приобретает какие-то гротескные черты. Согласно ей, Циганович передал боевикам гранаты "из арсенала сербской армии" (на самом деле они были устаревшими и не состоявшими на вооружении). Кроме этого, он вручил Принципу, Чабриновичу и Грабежу 5 пистолетов обр. 1910 г., 202 патрона, 8 ручных гранат и ампулы с цианистым калием[65]. Далее, согласно конфиденциальным данным австрийских прокуроров, два офицера пограничной стражи Сербии взялись помочь террористами перейти границу. Но Чабринович забыл пистолет в духовке (!) гостиницы приграничной Лозницы. Поэтому Принцип и Грабеж решили "легкомысленного" Чабриновича отправить в Австро-Венгрию безоружным. При этом почему-то он перешёл границу нелегально через реку Дрина, а вооружённые до зубов Принцип и Грабеж попали в Австро-Венгрию вполне легально 1 июня 1914 г. Заговорщики встретились в г. Тузла и оттуда отправились в Сараево, оставив оружие на хранение у члена "Чёрной руки" Мишко Йовановича. Примечательно, что гранаты, как будто специально, имели маркировку сербских военных складов.

---

[63] *Богданович Б.* Первые выстрелы Первой мировой // Оружие. 2012. № 12. С. 2.
[64] Там же. С. 3.
[65] Там же. С. 62.

Таким образом, несмотря на то что у австро-венгерских властей были неограниченные возможности давления на подсудимых, которыми они в полной мере пользовались, ими не было добыто ни одного доказательства, свидетельствующего о причастности к убийству сербского и тем более русского правительства[66]. Об этот недвусмысленно свидетельствовал специальный представитель МИД Австро-Венгрии, посланный расследовать Сараевское преступление, Фридрих фон Визнер, сообщивший в своей телеграмме в Вену от 10 июля 1914 г.: "*Даже подозревать сербское правительство в том, что оно было осведомлено о покушении, либо участвовало в его осуществлении, в подготовке и предоставлении оружия, невозможно*".

Более того, когда Чабринович заявил на процессе, что мысль о покушении внушила ему и его товарищам атмосфера ненависти к австрийским оккупантам и лично к Францу Фердинанду "ненавистнику славянского народа", Принцип резко возразил: "*Габринович говорит за самого себя. Но он уклоняется от истины, намекая на то, что будто кто-то другой внушил нам мысль о покушении. К этой мысли пришли мы сами, мы её привели в исполнение*"[67].

Однако принцип древних "ищи, кому выгодно" однозначно указывает на венских и берлинских врагов эрцгерцога Франца Фердинанда, как на главных заинтересованных сторон в его физическом устранении. Историк В. Н. Воронин полагает: "*Наиболее вероятно, что убийство в Сараево было прямо подготовлено австрийской военной партией, которую возглавлял генерал Конрад фон Гётцендорф. Целью этой провокации было обвинение Белграда в терроризме и последующее территориальное расчленение Сербии*"[68].

Уже после Первой мировой войны принцесса Стефания писала: "*Сараево не могло бы случиться вне ведения министров. Император знал об опасности, знал об угрозе, нависшей над наследником престола, но он просто сидел и смотрел*"[69].

---

[66] *Воронин В.* Сараевское покушение // Стратегия России. 1912. № 1.
[67] Там же.
[68] Там же.
[69] *Вулмасн С., Кинг К.* Указ. соч.

Сын убитого летом 1914 г. эрцгерцога, герцог Макс Гогенберг не сомневался, что к убийству его отца причастен Берлин. 28 июня 1937 г. в интервью газете "Paris-Soir-Dimanche" он заявил, что реформаторские планы Франца Фердинанда, его противодействие развязыванию войны, вызвали резкое неприятие у неких влиятельных сил, вынашивавших агрессивные и аннексионные намерения. Герцог также почеркнул, что гибель его отца освободила императора Вильгельма от многих проблем, в особенности от планов Франца Фердинанда по усилению роли восточноевропейских владений. Этот проект особенно беспокоил Берлин, настаивал Макс Гогенберг, и германская тайная полиция приняла активное участие в подготовке Сараевского убийства[70].

События лета 1914 г. и обстоятельства покушения вполне отвечают этой версии. Инициатором поездки наследника престола в Сараево был старый его враг и член "военной партии" генерал-губернатор Боснии Оскар Потиорек. Именно он настоял на том, что Франц Фердинанд должен обязательно посетить главный город провинции после манёвров. Причём Потиорек настаивал на том, что это должно произойти обязательно 28 июня, в сербский национальный праздник – годовщина битвы с турками на Косовом поле в 1389 г., во время которой Милош Обилич заколол султана Мурата. Было очевидно, что в такой день престолонаследнику лучше не посещать столь опасный регион. Однако Потиорек не только настоял на приезде эрцгерцога именно в этот день, но ещё и полностью пренебрёг мерами безопасности: воинский гарнизон был выведен из города, задействовать его в обеспечении охраны высоких гостей было категорически запрещено под предлогом, что это оскорбит местных жителей. Полиция в 80-тысячном городе была представлена всего 120 сотрудниками, которые при всём желании не могли обеспечить охрану эрцгерцогу и его супруге. Все попытки начальника полиции Эдмунда Герде усилить меры безопасности всякий раз наталкивались на колкие отказы Потиорека. От видных представителей властей Боснии генерал-губернатору поступали предупреждения о грозящих эрцгерцогу опасностях, но все они были Потиореком также проигнорированы.

---

[70] *Dedujer B.* Указ. соч. С. 736.

О том, что его хотят убить во время визита в Боснию, эрцгерцог Франц Фердинанд говорил сразу же, как узнал о грядущей поездке. В начале мая 1914 г. он сказал своему племяннику эрцгерцогу Кару: "*Я знаю, что скоро буду убит*"[71]. Вообще Франц Фердинанд ехать в Сараево не хотел и даже просил императора поручить визит кому-нибудь другому. Однако Франц Иосиф сухо заметил, что "*он хотел бы, чтобы эта поездка состоялась*". Ответ императора подействовал на эрцгерцога весьма удручающе, что не может не вызвать удивления. Он был человеком глубоко верующим и мужественным. После этого Франц Фердинанд ещё раз пытался отказаться от поездки, но вновь получил приказ Франца Иосифа ехать в Сараево. Примечательно, что и супруга Франца Фердинанда светлейшая герцогиня София Гогенберг была "*в большом страхе за свою жизнь относительно этой поездки и согласилась ехать только потому, что опасалась за жизнь супруга*"[72].

25 июня 1914 г. эрцгерцог и его супруга в первый раз посетили Сараево. Вопреки ожиданиям население их бурно приветствовало. Однако при посещении базара, высокие гости не подозревали, что среди толпы скрываются двое террористов, стремящиеся их убить. Один из сотрудников полиции заметил подозрительного молодого человека, прячущегося за деревом и погнался за ним. Это был террорист Неделько Чабринович, который через три дня бросит бомбу в машину с Францем Фердинандом. Показательно, что Чабринович был хорошо знаком с начальником полиции Сараево Эдмундом Герде, который по телефону лично приказал не преследовать террориста и "*оставить его в покое*". Ещё более интересен тот факт, что Неделько был другом Троцкого и Мартова[73]. Чем объяснить столь трогательную заботу начальника полиции об убийце и террористе, тем более в контексте приезда в Сараево престолонаследника Австро-Венгрии, остаётся только гадать.

26 июня прошли военные манёвры XV и XVI корпусов австро-венгерской армии на которых присутствовал эрцгерцог. На следующий день, 27 июня, во время торжественного ужина, вице-президент боснийского парламента Йосип Сунарич с тревогой

[71] *Вулмасн С., Кинг К.* Указ. соч. С. 241.
[72] Там же. С. 243.
[73] *Ло Буздяк.* Указ. соч.

предупредил светлейшую герцогиню Софию Гогенберг о грозящей её супругу опасности в Сараево. Гофмейстер Карл фон Румерскирх также настойчиво отговаривал эрцгерцога посещать город. Франц Фердинанд был готов отказаться от посещения Сараево, но уступил настоящему словесному штурму Потиорека, который умолял Его Высочество хотя бы на короткое время заехать в город. Тогда Герде предложил опубликовать программу пребывания эрцгерцога в Сараево только 28 июня, лишив тем самым потенциальных заговорщиков информации о передвижении престолонаследника. Это предложение не только было отклонено Потиореком и местными властями, но бургомистр Сараево Рахим Эфенди Чурчич специально заранее украсил цветами и флагами дома вдоль улиц, по которому должен был проходить маршрут кортежа. Таким образом, заговорщики точно знали места, где им надо установить засады. Рано утром, 28 июня, шестеро террористов "Младо Босни" были распределены вдоль набережной Аппель, по которой должен был проследовать автомобиль Франца Фердинанда.

28 июля украшенный цветами поезд доставил эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу в Сараево. Приняв приветствие почётного караула, эрцгерцог с герцогиней сели в автомобиль и двинулись к зданию муниципалитета. При размещении в автомобилях произошла ещё одна странность: в первом из них должны были следовать офицеры личной охраны эрцгерцога, но не смотря на их громкие возражения, места в автомобиле заняли местные полицейские. Франц Фердинанд и светлейшая герцогиня София следовали в третьем открытом автомобиле. Эрцгерцог сидел на левом сидении автомобиля, его супруга – на правом. Напротив них сели Потиорек и гофкамер-оруженосец эрцгерцога Густав Шнайберг. Рядом с водителем разместился граф Франц фон Гаррах[74].

Толпы на улицах были настроены дружелюбно к гостям и приветствовали их радостными криками. Когда кортеж поравнялся с мостом Кумуруджа, его там поджидали два боевика: Мехмедбашич и Неделько Чабринович с бомбой и револьверами. Первый из них испугался и не исполнил задания, но Чабринович бросил в автомобиль с эрцгерцогом бомбу. Однако он забыл о том, что замедление действия бомбы составляет 12 секунд. Водитель Леопольд Лойка,

[74] *Богданович Б.* Первые выстрелы Первой мировой. С. 65.

увидев летящий в сторону автомобиля какой-то предмет, интуитивно прибавил скорость. Бомба упала на сложенную брезентовую крышу машины и скатилась на землю, где взорвалась под днищем второго автомобиля, который получил серьёзные повреждения. Позднее выяснилось, что ранения получили 20 человек, некоторые серьёзные. Несколько железных осколков ранили в голову подполковника графа Эриха фон Мерицци и подполковника Александра Босс-Вальдека[75]. Осколок оцарапал и герцогиню. Чабринович после совершенного теракта бросился с моста в реку Миляцку, где проглотил ампулу с цианистым калием, который, странным образом, не подействовал. Его схватили, причём Чабринович громко кричал, что он "сербский герой".

Несмотря на покушение, Франц Фердинанд приказал продолжать визит по намеченной программе. Прибыв в городской муниципалитет и выслушав речь мэра, которую он, не удержавшись, возмущённо перебил, но в дальнейшем, взяв себя в руки, произнёс ответное приветственное слово. Затем эрцгерцог спросил Потиорека, не думает ли он, что возможны новые попытки покушения? На это генерал-губернатор ответил: "*Вы можете ехать совершенно спокойно. Я беру на себя всю ответственность*"[76]. Окружению эрцгерцога с огромным трудом удалось добиться от Потиорека сокращения намеченных мероприятий. В этот момент Франц Фердинанд высказал пожелание навестить в госпитале раненого Меррици. На вопрос, каким маршрутом следует следовать в госпиталь, Потиорек ответил, что самым безопасным является прежний маршрут – через набережную Аппель, хотя в действительности этот путь лишь продлевал путешествие и включал дополнительные улицы. Таким образом, Потиорек направил престолонаследника в место наиболее вероятного присутствия террористов. Вопиющим фактом стал отказ генерал-губернатора выполнить требование Румерскирха и вывести на улицы войска. Потиорек отказался это сделать, так как по его словам, у *"солдат нет соответствующей формы*"[77].

Было решено быстро проехать в госпиталь по набережной Аппель, не сворачивая на узкую улицу Франца Иосифа, как это было

[75] *Богданович Б.* Первые выстрелы Первой мировой. С. 66.
[76] *Дедijер В.* Указ. соч. С. 30.
[77] *Вулмасн С., Кинг К.* Указ. соч. С. 278.

первоначально предусмотрено. Окружение эрцгерцога просило Потиорека, по другим сведениям начальника полиции Герде, сообщить водителям об изменении маршрута, но тот "забыл" этого сделать. Поэтому водитель автомобиля, в котором находились эрцгерцог с женой и Потиорек, возле Латинского моста повернул на улицу Франца Иосифа. Увидев, это Потиорек резко скомандовал шоферу, чтобы тот изменил маршрут и продолжил следовать по набережной. Тот затормозил, и машина оказалась прямо напротив Гаврило Принципа, только что вышедшего из кофейни Морица Шиллера. Принцип из пистолета произвёл два выстрела в эрцгерцога Франца Фердинанда и светлейшую герцогиню Софию, причинив им смертельные ранения. Когда барон Морсей бросился на Принципа, то Потиорек пытался его остановить криками: "Это не ваше дело!" Однако на стрелявшего набросилась толпа и полиция, принявшие его избивать. Тем временем раненых Франца Фердинанда и Софию почему-то повезли не в госпиталь, до которого было совсем рядом, а в резиденцию Потиорека. Там врачи констатировали смерть обоих.

Враги убитого эрцгерцога Франца Фердинанда торжествовали. Одному из них маркизу Альфреду Фюрст фон Монтенуово приписывают следующее признание: "*Нам давно нужен был предлог, чтобы поставить Сербию на место – в углу, на коленях, и Франц-Фердинанд дал нам его. Теперь его задача в этом мире окончена*"[78]. Даже если маркиз их не произносил, они очень точно отражают реакцию на гибель эрцгерцога со стороны большей части венского двора.

[78] *Скляренко В. и др.* 50 знаменитых загадок истории XX века / В. Скляренко и др. М. : Фолио, 2011. С. 76.

Глава 2

ГЕРМАНИЯ И АВСТРО-ВЕНГРИЯ РАЗВЯЗЫВАЮТ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Известие об убийстве наследника престола совершенно не нарушило спокойную жизнь Австро-Венгерской империи. Оскар Потиорек, которого, по сути дела, следовало бы как минимум отправить в отставку, а то и предать суду, остался на своей должности. Британская писательница Реббека Вест отмечала, что "бездействие" Потиорека, может быть понятным "*только в том случае, если бы он получил заверения о том, что, если что-то случится с Францем Фердинандом, не будет проводиться никакого расследования и ему нечего бояться*"[1]. Действительно, император Франц Иосиф не только не отдал приказа начать расследование произошедшего, но и не наказал должностных лиц Сараево, чьи действия, сознательно или нет, привели к тому, что заговор увенчался успехом. Общаясь на следующий день после убийства с Билинским, император "высоко оценил" усилия Потиорека[2], посчитав ответственным за поездку одного только эрцгерцога[3]. Потиорек через месяц с небольшим будет назначен главнокомандующим всеми вооружёнными силами Австро-Венгрии на Балканах. Благодарность за успешно выполненное в Сараево задание?

Однако совсем иное значение Сараевское убийство приобрело на политической сцене: правящие круги Австро-Венгрии и Германии немедленно использовали это убийство для разжигания войны. Причём слаженность и чёткость их действий не оставляют сомнений в их заблаговременном планировании.

Уже 16(29) июня 1914 г. сербский посланник в Вене Й. Йованович сообщал в Белград Н. Пашичу: "*Венская пресса утверждает,*

---

[1] Вулмасн С., Кинг К. Первая мировая. Убийство, развязавшее войну / С. Вулмасн, К. Кинг. М. : АСТ, 2014. С. 76.

[2] *Вулмасн С., Кинг К.* Указ. соч. С. 75.

[3] *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1918 гг. / Ю. А. Писарев. М. : Наука, 1990. С. 33.

что предварительное расследование уже показало, что Сараевское покушение было подготовлено в Белграде; что весь заговор был организован в Белграде молодёжью, охваченной Великой сербской идеей, и что Белград разжигает общественное мнение путём публикации статей о невыносимых условиях, преобладающих в Боснии"[4]. 16(29) июня, когда в австро-венгерскую столицу было привезено тело эрцгерцога Франца Фердинанда, перед сербской миссией были устроены провокационные демонстрации, требующие убрать приспущенный в знак траура сербский национальный флаг. Когда Иованович отказался это сделать, сославшись на то, что Сербия также, как Австро-Венгрия скорбит по убитому эрцгерцогу, венские газеты поместили заголовки: "*Провокация сербского посланника*"[5].

В Сараево на следующий день после убийства эрцгерцога и его жены начались сербские погромы. Поводом, которых стало выпущенное от имени мэра города воззвание, что к убийству четы причастен Белград. Отряды погромщиков были сформированы в государственных военных помещениях. Полиция, которая с лёгкостью могла остановить беспорядки, не вмешивалась[6].

17(30) июня Йованович послал в Белград телеграмму, в которой сообщал, что антисербская пропаганда организована сверху: "*Наблюдаемая в Вене тенденция, представить в глазах Европы покушение, совершенное против австро-венгерского кронпринца результатом заговора организованном в Сербии, становится все более очевидной. Идея состоит в том, чтобы использовать это в качестве политического оружия против нас*"[7].

Между тем в Белграде со всей ясностью осознавали всю опасность складывающейся ситуации. Там хорошо знали, что Сербия "*сможет перевооружить свою армию только через два с половиной года*", а Россия и Франция *"не готовы вступить в войну с Германией и её дунайским союзником, так как их подготовка к войне будет закончена не ранее 1917 г.*"[8]

---

[4] The Serbian Blue Book // Documentary History of the War. Vol. II : Diplomatic, part 2. London, 1917. P. 83.

[5] *Пиленко А. А.* Начало войны / профессор А. А. Пиленко // История Великой войны. М. : Издание т-ва Н. В. Васильева, 1915. Т. 1. С. 280.

[6] Одесские новости. 1914. 5 июня.

[7] См.: The Serbian Blue Book. P. 83.

[8] *Писарев Ю. А.* Указ. соч. С. 31–32.

Как только около 17 часов 15(28) июня в Белграде распространилось известие о трагедии в Сараево, были немедленно прекращены все праздничные мероприятия, посвящённые сербскому народному празднику Дню святого Вита. Были закрыты театры и отменены народные увеселения. В тот же вечер король Пётр I и королевич Александр отправили телеграммы с выражением глубокого соболезнования императору Францу Иосифу. На другой день во всех местных газетах без различия партий появились некрологи и прочувствованные статьи по поводу тяжкого горя, постигшего императорский Дом Австро-Венгрии. По сообщению русского посланника в Белграде Н. К. Гартвига министру иностранных дел С. Д. Сазонову: "*Вся Сербия сочувственно откликнулась на несчастие, поразившее соседнее государство, строго осудив преступное деяние обоих безумцев*"[9].

17(30) июня по поручению главы сербского правительства Николы Пашича, посол Йованович явился в австро-венгерский МИД с заявлением на имя министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Бертхольда. В нем говорилось, что королевское сербское правительство самым решительным образом осуждает сараевское преступление, что оно будет делать всё от него зависящее, чтобы пресечь любую противоавстрийскую деятельность на своей территории и готово предать суду всех соучастников преступления, если таковые будут обнаружены[10]. Бертхольд "не смог" принять Йовановича, и тот был вынужден зачитать заявление своего правительства его помощнику[11].

Между тем теракт в Боснии был осуждён всеми державами. Монархические Дома Европы погрузились в глубокий траур. В Великобритании он был объявлен на неделю, в России – на две, в Германии и Румынии – на месяц. На похороны в Вену собрались ехать представители всех европейских монархов: король Румынии Кароль сообщил, что он приедет лично. Это же намерение высказал король Италии Виктор Эммануил. От короля Георга V должен был присутствовать его дядя герцог Коннаутский, император Николай II

[9] Международные отношения в эпоху империализма. 1878—1917 (далее – МОЭИ). Сер. 3. Т. 1. С. 393–394.
[10] См.: The Serbian Blue Book. P. 84–85.
[11] Ibid. P. 85.

поручил ехать в Вену великому князю Николаю Николаевичу. От имени Государя в Вену был послан роскошный погребальный венок из белых лилий, роз и пальм, с надписью на чёрно-белой с золотом ленте: "*Эрцгерцогу Францу Фердинанду Австрийскому*"[12]. Кайзер Вильгельм прервал своё участие в гонках яхт по Кильскому каналу, но, как выяснилось, лишь для того, чтобы проконтролировать развязывание большой войны[13]. Эта цель, разумеется, тщательно скрывалась от мирового сообщества. Более того, Вильгельм II отказался участвовать в похоронах убитого эрцгерцога. Берлинская пресса муссировала слухи, что причиной этого является недовольство кайзера "воинственными заявлениями" графа Бертхольда и австро-венгерских генералов[14].

Внезапно из Хофбурга[15] пришло извещение, что похороны Франца Фердинанда пройдут частным образом в дворцовой церкви замка Арштеттена, жилой резиденции эрцгерцога, в отсутствие представителей царствующих династий и иностранных послов, якобы из-за "угрозы повторения теракта". Вторым официальным объяснением такого странного решения, стало "плохое самочувствие" императора Франца Иосифа. На самом деле к тому времени австрийский император вполне излечился от бронхита, мучившего его весной. Дело было, конечно, не в его болезни, а в нежелании официальной Вены превращать похороны в обыкновенную траурную церемонию, где все собравшиеся представители иностранных держав, в том числе и Сербии, являлись как бы соболезнующей стороной. Между тем в Вене готовили Сербии роль главной виновницы совершенного злодеяния.

19 июня (2 июля) 1914 г. император Франц Иосиф писал кайзеру Вильгельму: "*Покушение на моего бедного племянника есть прямое следствие продолжающейся агитации русских и сербских панславистов, единственной целью которых является ослабление Тройственного союза и разрушение моей Империи. Нет сомнений, что кровавое убийство в Сараево является не действием одиночки,*

---

[12] Новое Время. 1914. 5 июля.

[13] *Айрапетов О. В.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914) / О. В. Айрапетов. М. : Европа, 2006. С. 596.

[14] Маленькие Одесские новости. 1914. 20 июня.

[15] Зимняя резиденция австрийских императоров в Вене.

но хорошо организованным заговором, нити которого ведут в Белград. И если, по всей видимости, невозможно доказать причастность к нему сербского правительства, то можно не сомневаться, что его политика по объединению всех южных славян под сербским флагом способствует преступлениям такого рода. Сербия должна быть устранена как политический фактор на Балканах"[16].

Позиция Вены нашла в Берлине полную поддержку, и не вызывает сомнений, что она была согласована с ним заранее. Уже в день убийства эрцгерцога в официальном сообщении германского МИДа утверждалось: "*28 июня сего года. Наследник австро-венгерского престола, эрцгерцог Франц Фердинанд, и его супруга, герцогиня фон Гогенберг, были убиты из револьвера членом сербской шайки заговорщиков. Расследование преступления, произведённое австро-венгерскими властями, доказало, что заговор на жизнь эрцгерцога Франца-Фердинанда был подготовлен и разработан в Белграде при участии сербских официальных лиц; при осуществлении его пущено было в ход оружие из государственного сербского склада*"[17]. 17(30) июня император Вильгельм II на докладе своего посла в Вене графа Г. фон Чиршки написал: "*С сербами нужно покончить возможно скорее. Теперь или никогда*"[18].

Ответ кайзера Вильгельма австрийскому императору от 1(14) июля 1914 г. был полностью солидарен с его выводами. Кайзер заверил Франца Иосифа в своей готовности поддержать усилия австро-венгерского правительства "*помешать созданию новой балканской лиги под патронажем России, острие которого направлено против Австро-Венгрии*"[19]. Более того, Берлин с самых первых дней конфликта был заинтересован в скорейшем развязывании войны против Сербии. 2(15) июля статс-секретарь иностранных дел Германии Г. фон Ягов телеграфировал германскому послу

[16] Lettre de l'Empereur et Roi François-Joseph à l'Empereur Guillaume. Le 2 juillet 1914 // Pièces Diplomatiques relatives aux antécédents de la Guerre 1914. Suppléments et additions au Livre Rouge Austro-Hongrois. Première partie du 28 juin au 23 juillet 1914. Paris, 1922. P. 1 (далее – Livre Rouge Austro-Hongrois).

[17] *Пиленко А. А.* Указ. соч. С. 279.

[18] *Баиов А. К.* Истоки великой мировой драмы и её режиссёры / А. К. Баиов. Таллин ; Ревель, 1927. С. 64.

[19] Lettre de l'Empereur Guillaume à l'Empereur et Roi François-Joseph // Livre Rouge Austro-Hongrois. Première partie. P. 63.

в Лондоне князю К.-М. фон Лихновскому: "*Дело идёт сейчас о высокополитическом вопросе, может быть, о последней возможности нанести великосербскому движению смертельный удар при сравнительно благоприятных условиях. Если Австрия упустит этот случай, она потеряет всякий престиж и станет в нашей группе ещё более слабым фактором*"[20].

22 июня (5 июля) в Потсдаме Вильгельм II заявил австро-венгерскому послу графу Ладислаусу Сечени-Маричу: "*Не нужно долго ждать с началом боевых действий. Позиция России будет, конечно, враждебной, но мы к этой возможности долго готовились, и Австрия может быть уверена, что если даже начнётся война между Австрией и Россией, Германия останется верной своей союзнице. Россия, к тому же, не готова к войне*"[21]. То есть германский император прямым текстом призывал австрийцев напасть на Сербию, обещая всемерную поддержку. При этом Вильгельм II и его генералитет были уверены, что Россия либо совсем не вступит в войну, как это было во время Боснийского кризиса, либо, если даже в неё и вступит, то немедленно развалится из-за внутренних беспорядков. Итальянский министр иностранных дел Антонино Патерно-Кастелло маркиз ди Сан-Джулиано в июне 1914 г. сообщал, что "*в Берлине не верят в серьёзность русских угроз*"[22]. Вильгельм II пытался убедить своего австрийского союзника в том, что Россия "не готова" и не вступится за Сербию. Оберквартирмейстер Большого штаба генерал граф Георг фон Вальдерзее настаивал перед Веной на немедленном начале войны с Сербией, "*пока Россия ещё не готова*"[23]. В беседе с послом Австро-Венгрии в Берлине графом Сечени Вильгельм II заверил: "*При сегодняшнем положении дел, Россия совершенно не готова к войне, и она хорошо подумает, прежде чем взять в руки оружие*"[24].

В этой связи посланник в Сербии, сменивший на этом посту скоропостижно скончавшегося в Белграде 27 июня (10 июля) 1914 г.

---

[20] Г. фон Ягов – князю К.-М. Лихновоскому 2/15 июля 1914 г. // Международные отношения : сб. док. М., 1940. С. 267.
[21] *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 65.
[22] *Пиленко А. А.* Указ. соч. С. 301.
[23] *Fischer F.* Les buts de Guerre de l'Allemagne Impériale, 1914–1918 / Fritz Fischer. Paris : Edition de Trévise, 1970. P. 66.
[24] *Fischer F.* Op. cit. P. 68.

Н. Г. Гартвига, князь Г. Н. Трубецкой вспоминал: "*Германские дипломаты воображали себе, что Россия накануне революции и что малейшего внешнего осложнения достаточно, чтобы внутри Империи вспыхнули крупные беспорядки*"[25]. Надежды немецкой дипломатии на беспорядки в России были не случайны, так как в 1913 г. спецслужбы рейха получили задание военных кругов их подготовить[26].

Заверения Берлина встретили полное понимание и одобрение в Вене. Главный орган австро-венгерской военной партии *Militärische Rundschau* писал: "*Момент для нас в высшей степени выгоден: если мы сейчас не решимся воевать, то нам придётся вести войну через два-три года, при совокупности обстоятельств, неизмеримо для нас менее выгодных. Сейчас нам принадлежит инициатива, Россия не готова, все моральные факторы и сила на нашей стороне. Так как мы должны рано или поздно воевать, то постараемся вызвать войну сейчас же*"[27].

Убедившись в том, что Австро-Венгрия чётко взяла курс на войну, Вильгельм II, с целью успокоить мировую общественность, убедив её в своём "миролюбии", чтобы никто не смог обвинить его в давлении на Вену, отбыл по совету Бетмана-Гольвега в морское путешествие к берегам Норвегии[28].

Тем временем атмосфера в Вене всё накалялась. 24 июня (7 июля) на заседании австрийского совета министров граф Бертхольд заявил, что "*пора поставить сербов в положение, когда они не смогут больше вредить. Императорское правительство Германии обещало, безусловно, помочь Австрии в войне против сербов. Поединок с Сербией может привести к войне с Россией*", но "*будет лучше, если война начнётся теперь же, потому что Россия, со дня на день становится все более влиятельной на Балканах*"[29].

26 июня (9 июля) Бертхольд посоветовал императору Францу Иосифу направить Сербии ультиматум, который позволил бы не

---

[25] *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах / Г. Н. Трубецкой. Монреаль, 1983. С. 16.
[26] *Айрапетов О. В.* Указ. соч. С. 601.
[27] *Пиленко А. А.* Указ. соч. С. 303.
[28] *Fischer F.* Op. cit. P. 69.
[29] *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 66.

допустить создания в глазах мирового сообщества представления о характере будущей войны с Сербией как "*отвратительной агрессии*"[30]. Франц Иосиф внял советам своего министра и приказал составить для Сербии жёсткий ультиматум, в котором велел выдвинуть конкретные требования. Вильгельм II рекомендовал союзнику, чтобы эти требования были "*очень ясные и очень категорические*"[31]. 29 июня (12 июля) граф Сечени направил министру иностранных империи графу Берхтольду письмо, в котором сообщал: "*Как император Вильгельм, так и все прочие здешние компетентные факторы не только полны решимости поддержать монархию в качестве её верных союзников, но даже решительно подстрекают нас не упустить теперешний момент выступить самым энергичным образом против Сербии и раз навсегда ликвидировать находящееся там гнездо революционных заговорщиков, предоставляя нам полную свободу в выборе. С другой стороны, я считаю, что если руководящие германские круги и не в малой мере сам император Вильгельм нас буквально толкают к тому, чтобы предпринять даже военные действия против Сербии, то это нуждается в известном пояснении. По мнению Германии, и это мнение я вполне разделяю, необходимо выбрать теперешний момент, исходя из общих политических соображений и специально из моментов, вытекающих из сараевского убийства. В последнее время Германия ещё больше укрепилась в мнении, что Россия готовится к войне против своих западных соседей и рассматривает эту войну уже не как известную возможность, а определённо считается с ней в своих политических расчётах на будущее. Но именно на будущее. И* ***в настоящий момент она не собирается воевать***, [курсив наш. – **П. М.**]"[32]. Этот документ не оставляет никаких сомнений в агрессивных планах Германии и Австро-Венгрии как в отношении Сербии, так и в отношении России. Из него видно, что австрийские и германские правители были полностью осведомлены о том, что Россия, не говоря уже о Сербии, не собирается вести войну в 1914 г., но что силы её многократно возрастут в ближайшие годы. Именно поэтому Вена и

---

[30] *Fischer F.* Op. cit. P. 70.

[31] *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 67.

[32] Международные отношения 1870–1918. М. : Академия Красной Армии, 1940. С. 266–267.

Берлин так стремились как можно быстрее осуществить свои преступные намерения в отношении как России, так и Сербии. Строки письма Берхтольда по поводу неготовности России к войне, полностью совпадают с записями дневника начальника штаба верховного командования сухопутных сил вермахта Франца Гальдера, сделанных им 5 мая 1941 г.: "*Россия сделает всё, чтобы избежать войны*"[33].

Таким образом, **Германия не только не хотела останавливать своего союзника Австро-Венгрию, но, наоборот, всячески подталкивала его к войне**.

В своих воспоминаниях Бернхард фон Бюлов признавал: "*Сохраняя хладнокровие и ловкость, мы могли спасти мир. Германская империя не должна была допускать Австрию вести себя так неблаговидно и вызывающе, чтобы оказаться потом с нею рядом в этой страшной войне*"[34].

Однако, решившись расправиться с Сербией, правящие круги Германии и Австро-Венгрии продолжали предпринимать всё возможное, чтобы скрыть свои агрессивные приготовления. Дипломатическому корпусу в Вене и Берлине были даны такие успокаивающие заверения, что многие из них отправились в отпуск. Не был исключением и русский посол в Вене Н. И. Шебеко, которого Бертхольд заверил, что Сербии будут предъявлены "*совершенно приемлемые требования*", "*не имеющие ничего унизительного для её национального самосознания*", после чего посол счёл возможным выехать в Россию[35]. Подобные же заверения были сделаны австрийцами послам Франции и Англии.

Между тем сербское правительство, обеспокоенное грозным затишьем, 7(20) июля обратилось к австро-венгерскому правительству с официальным заявлением, в котором выразило готовность "*принять всякую просьбу Австро-Венгрии в связи с сараевским преступлением*"[36]. Это заявление было оставлено официальной Веной без ответа.

---

[33] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. / Ф. Гальдер. М. : Воениздат, 1968–1971. С. 121.
[34] *Bülow B. von.* Mémoires du chancelier Prince de Bülow / B. von. Bülow. Paris : Plon, 1930. T. 1–4 : 1897–1902. T. 4. P. 167.
[35] *Пиленко А. А.* Указ. соч. С. 284.
[36] См.: The Serbian Blue Book. P. 106.

Президент Пуанкаре покинул Россию 9(22) июля, а поздно вечером 10(23) в 18 часов посланник Австро-Венгрии в Белграде барон Владимир Гизль фон Гизлингер вручил сербскому правительству вербальную ноту, содержащую ультиматум. Когда в Белграде ознакомились с текстом этого ультиматума, то были поражены его крайним цинизмом и жёсткостью: "*Из показаний и признаний виновников преступного покушения 28 июня явствует, что сараевское убийство было подготовлено в Белграде, что оружие и взрывчатые вещества, которыми были снабжены убийцы, были доставлены им сербскими офицерами и чиновниками и что, наконец, переезд преступников с оружием в Боснию был организован начальствующими лицами сербской пограничной службы*"[37].

В связи с этим австрийцы требовали от Сербии следующего: 1) торжественно публично осудить всякую агитацию и пропаганду против Австрии, изложив это осуждение в специальном печатном органе и приказе короля для армии; 2) закрыть все антиавстрийские издания; 3) исключить из школьной программы все антиавстрийские высказывания; 4) уволить всех офицеров и должностных лиц, замеченных в антиавстрийской пропаганде, причём списки этих лиц должны были быть составлены австро-венгерскими офицерами; 5) допустить на сербскую территорию силовые структуры Австро-Венгрии для подавления движений, "направленных против территориальной целостности Австро-Венгрии"; 6) допустить австро-венгерские следственные органы для расследования сараевского убийства[38]. Вербальная нота заканчивалась грозной фразой: "*австро-венгерское правительство ожидает от королевского правительства до шести часов вечера в субботу 12(25) текущего месяца*", то есть на выполнение всех поставленных австрийцами условий Сербии отводилось 48 часов.

Текст ультиматума фактически предполагал капитуляцию Сербии. Более того, Австро-Венгрия известила остальные державы о своём ультиматуме только 11(24) июля, то есть к самому окончанию срока ультиматума. Таким образом, австро-венгерское правительство сделало все, чтобы мирное посредничество других европейских держав стало невозможным.

---

[37] МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 35.
[38] Там же. С. 36.

Предъявляя ультиматум, в Вене и в Берлине рассчитывали, что Сербия сдастся без боя, что резко улучшило бы позиции германского блока перед началом большой войны.

В тот же день 11(24) июля германский посол в Вене Чиршке сообщил кайзеру, что министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Берхтольд пригласил русского поверенного в делах и заявил ему, что Австрия отнюдь не претендует на сербскую территорию. Напротив этой фразы Вильгельм II поставил характерную помету: "*Осёл! Санджак Австрия должна взять, иначе сербы подойдут к Адриатическому морю*"[39]. На заверения Берхтольдом русской стороны, что Австрия не помышляет об изменении существующего соотношения сил на Балканах и в Европе, кайзер отреагировал следующим образом: "*Это изменение придёт и должно прийти само собой. Австрия должна получить на Балканах господствующее положение по отношению к другим меньшим странам за счёт России, иначе не будет покоя*"[40]. А на телеграмме князя Карла Макса Лихновского, в которой тот выразил убеждённость, что вторжение австрийских войск на территорию Сербии будет означать европейскую войну, кайзер категорично заметил: "*Это, без сомнения, будет*"[41].

Таким образом, не вызывает сомнений, что за спиной австро-венгерского ультиматума стояла Германия. В Берлине получили его экземпляр текста ещё 9(22) июля, и германское правительство прекрасно было о нём осведомлено. 10(23) июля Вильгельм II на полях телеграммы фон Ягова, оставил помету в своём стиле, в которой совершенно недвусмысленно определил Сербию как *"банду грабителей, которых нужно прибрать к рукам за их преступления*"[42].

14(27) июля граф Бертхольд сообщил императору Францу Иосифу, что сербские войска напали на австрийскую погранзаставу в районе Темеш-Кубина. Это была откровенная ложь, которая вскоре была опровергнута тем же Берхтольдом. В Австро-Венгрии началась мобилизация, её войска стягивались к сербской границе. В тот же день Франц Иосиф подписал манифест об объявлении Сербии

---

[39] *Шацилло В.* Первая мировая война 1914–1918. Факты, документы / В. Шацилло. М. : Олма-пресс, 2003. С. 101.
[40] *Шацилло В.* Указ. соч. С. 56.
[41] См.: Международные отношения 1870–1918. С. 272.
[42] Там же. С. 268.

войны. На следующий день 15(28) июля 1914 г. Берхтольд официально известил об этом телеграммой сербское правительство[43]. На телеграфном бланке небрежно карандашом по-французски был написан следующий текст: "*В Королевское министерство иностранных дел. Королевское сербское правительство не ответило в удовлетворительной манере на ноту, которая ему была направлена послом Австро-Венгрии в Белграде 23 июля 1914 года. Императорское и королевское правительство оказывается вынужденным само озаботиться охраной своих прав и интересов и прибегнуть с этой целью к силе оружия. Таким образом, с этого момента Австро-Венгрия находится в состоянии войны с Сербией. Министр иностранных дел Австро-Венгрии, граф Бертхольд*"[44].

[43] *Писарев Ю. А.* Указ. соч. С. 100–101. Вторая мировая война начнётся точно с такой же провокации нацистов, организовавших нападение "польских пограничников", на самом деле переодетых в польскую форму уголовников, на немецкую радиостанцию.

[44] Архив Србије, подлинник находится в экспозиции музея короля Петра I в Тополе.

Глава 3

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ПРЕДВОЕННЫЙ КРИЗИС 1914 г.

Известие об убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда застало императора Николая II в Финских шхерах, где он отдыхал с семьёй на борту императорской яхты "Штандарт". Царь отнёсся нему со всей серьёзностью и приказал немедленно возвращаться в Кронштадт[1]. Немедленно прервал свой отпуск и министр иностранных дел С. Д. Сазонов, который по возвращении в Петербург посетил австро-венгерское посольство на Сергиевской улице и сделал запись в траурной книге. Сазонов заявил исполняющему обязанности посла Оттокару фон Чернину (сам посол Сапари был в отъезде), что императорское правительство решительно осуждает злодеяние, но категорически отвергает ложь об участии в нем сербского правительства.

Пока австрийцы готовили ультиматум Белграду, а сербское правительство пыталось умиротворить Вену, в Санкт-Петербург 7(20) июля прибыл президент Франции Раймон Пуанкаре. Это был первый его визит в Россию в качестве президента. Визит не был вызван событиями в Сараево, так как планировался задолго до них. Однако в свете происшедшего приезд французского президента приобретал особое значение.

Накануне приезда Пуанкаре Сазонов встретился с германским послом в Петербурге Пурталесом. Сазонов указал ему, что "*если Австро-Венгрия решится возмутить мир, ей придётся считаться с Европой. Россия не могла бы смотреть равнодушно на выступление в Белграде, направленное на унижение Сербии. Если Австро-Венгрия поглотит Сербию, мы будем с ней воевать*"[2].

---

[1] *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1918 гг. / Ю. А. Писарев. М. : Наука, 1990. С. 40.

[2] Международные отношения 1870–1918. М. : Академия Красной Армии, 1940. С. 273.

Визит французского президента должен был продемонстрировать единство русско-французского союза и усилить впечатление от заявлений Сазонова. Пуанкаре прибыл в Петербург, когда вся Европа ждала, какие шаги предпримет Австро-Венгрия в отношении Сербии. Атмосфера была гнетущей. Как вспоминал Сазонов: "*Пребывание президента республики в Петергофе прошли под тягостным влиянием ожидания грядущей беды*"[3].

Сербский посол Мирослав Спалайкович сказал Пуанкаре, что "*новости из Белграда очень плохи. На мой взгляд, война начнётся неизбежно потому, что Берлин поощряет Австро-Венгрию вступить на этот путь*"[4].

Встреча императора Николая II с президентом Третьей Республики продемонстрировала миру крепость русско-французского союза. После военного смотра в присутствии царя и президента в небе летали пять русских аэропланов, а затем взмыл "*исполинских размеров биплан Сикорского, на котором этот лётчик установил рекорд по длительности полёта вместе с пассажирами*"[5]. Во время официального обеда Государь произнёс тост, в котором приветствовал "главу дружественного и союзного государства" и своего "старого знакомого". "*Издавна объединённые взаимною симпатией их народов и общностью интересов, Франция и Россия уже скоро четверть века поддерживают тесную связь для достижения одной и той же цели, заключающейся в том, чтобы охранять свои интересы, содействуя вместе с тем сохранению равновесия и мира в Европе. Я не сомневаюсь, что, оставаясь верными своему идеалу и опираясь на свой испытанный союз, равно как и на одинаково дружественные отношения, наши две страны будут продолжать пользоваться благами мира, обеспеченного полнотою их сил, и всё более укреплять тесные узы, их связывающие*"[6].

---

[3] *Сазонов С. Д.* Воспоминания / С. Д. Сазонов. М. : Международные отношения, 1991. С. 181.

[4] M. Spalaikovitsh, Une journeé du ministre de Serbie à Petrograde // Revue d'histoire diplomatique 1934. Avril-juin. P. 137.

5 Le Figaro. 1914. 22 juillet. № 204.

[6] Тост Императора Николая II на обеде в честь президента Франции Р. Пуанкаре. 20/7 июля 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма. 1878–1917 (далее – МОЭИ). Сер. 3. Т. 4. С. 345.

Примечательно, что Царь в своём тосте специально ни словом не упомянул об угрожающей обстановке в Европе и делал особый упор на мирный характер русско-французского союза. Ни Германия, ни Австро-Венгрия Государем не упоминались вовсе. Это не помешало А. А. Игнатьеву в своих мемуарах, изданных уже в его бытность советским генералом, лгать о том, что "*Царь при всём дипломатическом корпусе указывал без обиняков*", что союз с Францией направлен против Германии[7].

Пуанкаре в своём ответном тосте также отмечал, что "*Франция в тесном и ежедневном сотрудничестве со своей союзницей будет трудиться над делом мира, на благо которого оба правительства и оба правительства не перестают работать*"[8].

Встреча Императора Николая II с Пуанкаре продемонстрировала миру крепость русско-французского союза. Главной темой переговоров царя и президента была не подготовка к войне, а сохранение мира. Николай II принял предложение посетить Францию с ответным визитом летом 1915 г. Безусловно, что ни Государь, ни президент, понимая опасность и вероятность агрессивных действий австрийцев против Сербии, всё же не предполагали, что эти действия станут началом мировой войны.

Это подтверждается словами императора Николая II, сказанными им М. Палеологу, которые французский посол приводил в следующей редакции: "*Я в восторге от моего разговора с президентом, и мы удивительно сговорились. Я не менее миролюбив, чем он, и он не менее, чем я решительно настроен сделать все, чтобы не допустить нарушения мира. Он опасается австро-германского движения против Сербии, и он думает, что мы должны ответить на него тесным и прочным согласием нашей дипломатии*"[9].

Таким образом, мы видим, что и Николай II, и Пуанкаре предполагали возможность "*австро-германского* ***движения***" против Сербии, а не её оккупацию. Россия с Францией собирались отвечать на агрессивные демарши Австрии и Германии "*тесным и прочным*

---

[7] *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю / А. А. Игнатьев. М. : ОГИЗ, 1948. С. 484.

[8] Тост президента Р. Пуанкаре 20/7 июля 1914 г. // МОЭИ. Сер 3. Т. 4. С. 345.

[9] *Палеолог М.* Царская Россия в Первой Мировой войне. М. : Международные отношения, 1991. С. 76.

согласием наших ***дипломатий***". То есть о военных действиях речи не шло.

Рано утром 12(25) июля 1914 г. С. Д. Сазонов, сообщил по телефону Николаю II об австрийском ультиматуме Сербии[10]. Царь сразу же понял его значение: "*Никаких требований государство не должно предъявлять другому, если, конечно, оно не решилось на войну*"[11].

Накануне вечером королевич Александр явился в русскую миссию в Белграде и выразил своё отчаяние по поводу австрийского ультиматума. Он сказал первому секретарю миссии В. Н. Штрандтману, что "*возлагает все надежды на Государя Императора и Россию, только могучее слово коей может спасти Сербию*"[12].

На следующий день принц Александр направил Государю телеграмму полную трагической неизбежности катастрофы: "*Вчера вечером австро-венгерское правительство передало Сербскому правительству ноту относительно покушения в Сараеве. Сербия в сознании своих международных обязательств заявила с первых дней ужасного преступления, что она осуждает это злодеяние и готова открыть следствие на своей территории в том случае, если Дело, которое ведётся австро-венгерскими властями, докажет соучастие некоторых её подданных. Но требования, заключённые в ноте австро-венгерского правительства, несовместимы с достоинством Сербии как независимого государства и излишне для неё унизительны. <….>] Нам дают 48-часовой срок для принятия всего, в противном случае австро-венгерская миссия выедет из Белграда. Мы готовы принять те требования Австро-Венгрии, которые совместимы с положением независимого государства, а также и те, кои Ваше Величество, по ознакомлении с ними, посоветуете нам принять; мы строго накажем всех тех, участие коих в покушении будет доказано. Среди условий находятся и такие, которые требуют перемен в нашем законодательстве, и для сего нам необходимо время. Срок назначен слишком краткий. Австро-венгерская армия сосредоточивается около нашей границы и может нас*

---

[10] Королевич Александр Сербский – Императору Николаю II 11/24 июля 1914 г. // МОЭИ. Сер 3. Т. 5. С. 45.

[11] МОЭИ. Сер. 3. 1914–1917. Т. 4. С. 299.

[12] В. Н. Штрадтман – С. Д. Сазонову. 12/25 июля 1914 г. // МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 92–93.

атаковать по истечении срока. Мы не можем защищаться. Посему молим Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее. Ваше Величество дало нам столько доказательств Своего драгоценного благоволения, и мы твёрдо надеемся, что этот призыв найдёт отклик в Его славянском и благородном сердце. Я являюсь выразителем чувств сербского народа, который в эти трудные времена молит Ваше Величество принять участие в судьбах Сербии"[13].

Николай II, получив сербскую депешу, находился в затруднительном положении, ведь, "*Россию не связывало с Сербией ни одно формальное соглашение – ни политическое, ни военное. Но в силу своего исторического призвания, в силу сознаваемых её исторических задач, она не могла не прийти на помощь, не оказать своё благотворное содействие братской стране в столь трудное для неё время*"[14].

Ещё до получения телеграммы от королевича, по повелению Государя, министр иностранных дел Сазонов принял посла Австро-Венгрии в Петрограде графа Сапари и в жёсткой форме заявил ему: в России прекрасно понимают, что в Вене решили "*начать войну против сербов*" и тем самым "*создали весьма серьёзную ситуацию*". Сапари понял, что под "серьёзной ситуацией" Сазонов имел ввиду оказание военной помощи Сербии. В тот же вечер австрийский посол отправил графу Берхтольду такую тревожную телеграмму, что в Вене поняли: военное столкновение с Россией вполне возможно[15]. Через несколько часов официальная точка зрения Петербурга была доведена до германской стороны, а руководство ГУГШ направило Н. Пашичу сообщение, что Россия готова направить в Сербию 120 тыс. ружей и 120 млн штук патронов. Однако от широкой военной помощи Белграду Петербург воздерживался, надеясь на мирный исход австро-сербского конфликта[16].

---

[13] Королевич Александр Сербский – Императору Николаю II 11/24 июля 1914 г. С. 56.

[14] *Баиов А. К.* Истоки великой мировой драмы и её режиссёры / А. К. Баиов. Таллин ; Ревель, 1927. С. 75.

[15] *Пиленко А. А.* Начало войны / профессор А. А. Пиленко // История Великой войны. М. : Издание т-ва Н. В. Васильева, 1915. Т. 1. С. 307–308.

[16] *Писарев Ю. А.* Указ. соч. С. 60.

12(25) июля было опубликовано "Правительственное сообщение", в котором говорилось, что "*Правительство весьма озабочено наступившими событиями и посылкой Австро-Венгрией ультиматума Сербии. Правительство зорко следит за развитием сербско-австрийского столкновения, к которому Россия не может остаться равнодушной*"[17].

В тот же день Николай II провёл в Красном Селе совещание Совета министров, посвящённое австро-венгерскому ультиматуму Белграду. С. Д. Сазонов высказал своё мнение, что после того как все дипломатические средства в отношении Австро-Венгрии "*оказались бесплодными*", нужно осуществить "*военную демонстрацию*" посредством "*частичной мобилизации против Австрии*". Сазонов был уверен, что эти действия могут "*поставить австро-венгерскую дипломатию на место*". Военный министр генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов, комментируя заявление Сазонова, указывал: "*Технически это означало распоряжение о подготовительном к войне периоде. О вероятности или даже возможности войны не было речи*"[18]. Сухомлинов также вспоминал: "*Государь был совершенно спокоен. Несмотря на то, что Австрия явно закусила удила, у многих членов заседания была надежда на благополучный исход конфликта. В заключительном слове Государя была также надежда, но он находил, что теперь уже требуется более или менее серьёзная угроза. Австрия дошла до того, что не отвечает на наши дипломатические миролюбивые предложения. Поэтому царь признал целесообразным применить подготовленную именно на этот случай частичную мобилизацию, которая для Германии будет служить доказательством отсутствия с нашей стороны неприязненных действий по отношению к ней. На этом основании и решено было предварительно объявить начало подготовительного к войне периода с 13(26) июля. Если даже и после этого не наступит улучшение в дальнейших дипломатических переговорах, то объявить частичную мобилизацию*"[19].

Результатом совещания стали, утверждённые Государем следующие решения: 1. Снестись с кабинетами великих держав в целях

---

[17] Русский инвалид. 1914. 12 июля. № 151.
[18] *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Минск : Харвест, 2005. С. 287.
[19] Там же. С. 288.

побуждения австро-венгерского правительства к предоставлению Сербии некоторой отсрочки для ответа на предъявленные ей австро-венгерским правительством ультимативные требования, дабы дать тем возможность правительствам великих держав исследовать и изучить документы по поводу совершившегося в Сараево злодеяния. 2. Посоветовать сербскому правительству на случай, если положение Сербии таково, что она собственными силами не может защищаться против возможного вооружённого наступления Австро-Венгрии, не противодействовать вооружённому вторжению на сербскую территорию, если таковое вторжение последует, и заявить, что Сербия уступает силе и вручает свою судьбу решению великих держав. 3. Предоставить военному и морскому министрам, по принадлежности, "испросить Высочайшего соизволения" на объявление в зависимости от хода дел мобилизации четырёх военных округов – Киевского, Одесского, Московского и Казанского, Балтийского и Черноморского флотов[20].

В тот же день Сазонов подал Николаю II докладную записку, в которой утверждал, что за ультиматумом Вены стоит Берлин и что они преследуют одну цель: "*совершенно уничтожить Сербию и нарушить политическое равновесие на Балканах*"[21].

12(25) июля Сербия ответила на австро-венгерский ультиматум в самых примирительных тонах: "*Королевское сербское правительство осуждает всякую пропаганду, направленную против Австро-Венгрии*", искренно сожалеет, что некоторые сербские офицеры занимались подобной пропагандой, обязуется закрыть все антиавстрийские газеты и запретить все организации, направленные против Австро-Венгрии, готово удалить из армии всех офицеров и чиновников, виновных в призывах нарушить территориальную целостность империи. Кроме того, сербское правительство обязывалось провести самое тщательное расследование участия своих подданных в убийстве эрцгерцога Франца-Фердинанда[22].

---

[20] МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 430–437.

[21] Докладная записка С. Д. Сазонова Императору Николаю II // МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 64.

[22] Ответ сербского правительства на австро-венгерский ультиматум // МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 90–91.

Узнав о содержании сербской ноты, английский министр иностранных дел сэр Эдвард Грей сказал германскому послу в Лондоне князю Лихновскому, что "*сербский ответ пошёл навстречу австрийскому демаршу дальше, чем можно было ожидать*". Это, по словам Грея, стало результатом того примирительного воздействия, который Петербург оказал на Белград. "*Если Австрия отвергнет сербский ответ*, – сказал Грей, – *и двинется в пределы Сербии, это будет означать, что она решилась раздавить Сербию любой ценой и что она относится равнодушно к последствиям, которые подобный шаг может повлечь за собой*"[23].

Для Вены и особенно Берлина крайне примирительный, уступчивый, но всё же отказ Белграда от принятия условий ультиматума, стал не лучшим развитием событий. С одной стороны, крайне миролюбивый ответ сербского правительства ставил германский блок в затруднительное положение: нападение на Сербию в таких условиях выглядело бы явным немотивированным нападением. С другой стороны, Вильгельм II и его австрийский союзник, явно рассчитывали на то, что Сербия просто капитулирует перед лицом войны. Теперь надо было как можно быстрее её разгромить.

12(25) июля Вена демонстративно отозвала своего посланника барона Гизля из Белграда. Вильгельм II горячо приветствовал австрийскую решимость: "*Так как вся эта так называемая великая сербская держава является бессильной и, так как все славянские народы подобны ей, следует твёрдо идти к намеченной цели*"[24].

Граф Сечени телеграфировал в Вену: "*В Берлине полагают, что ответ Сербии вызовет немедленно объявление нами войны, связанное с военными действиями. Нам советую действовать поспешно и незамедлительно и поставить мир перед свершившимся фактом*"[25].

Бюлов признавал в своих мемуарах: "*25 июля 1914 года мы были ещё способны предотвратить войну. Нам было достаточно объявить Вене, что если Австрия начнёт без нашего разрешения военные действия против Сербии, то в таком случае все риски и опасности будут её личным делом. Что мы не придём к ней на помощь*

---

[23] Памятная записка английского посольства в Петербурге // МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 176.
[24] *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 77.
[25] Там же.

и предоставим её своей судьбе. После получения сербского ответа, нам надо было заявить, что мы с удовлетворением констатируем, что благодаря мудрым советам великих держав, сербское правительство согласилось почти со всеми предложениями Австрии. У нас было девять шансов против одного предотвратить войну, и несчастный Вильгельм II это видел лучше, чем Бетман и окружение"[26].

12(25) июля Николай II на встрече с начальником Главного штаба заявил, что он готов поддержать Сербию, хотя бы для этого пришлось объявить мобилизацию и начать военные действия, но не ранее перехода австрийскими войсками сербской границы.

13(26) июля в Австро-Венгрии началась мобилизация против Сербии. В тот же день по всей территории Европейской России, кроме Кавказа, было введено "Положение о подготовительном к войне периоде".

Но Николай II не оставлял ещё надежды спасти мир путём переговоров с императором Вильгельмом. Государь понимал, что в данной обстановке кайзер фактически один руководит действиями как Германии, так и Австро-Венгрии. С другой стороны, Вильгельм II был связан с Николаем II давними и, как утверждал кайзер, дружественными отношениями. Телеграммы Николая II, посланные Вильгельму, наполнены искренностью, сознанием ответственности перед своей страной, поиском компромисса и призывом к миру. Телеграммы кайзера, наоборот, полны жаждой расправы, безапелляционных суждений и холодного вероломства, прикрытого возвышенной патетикой.

13(26) июля 1914 г. кайзер телеграфировал царю: "*Вероломная агитация, проводимая в Сербии в течение многих лет, закончилась гнусным преступлением, жертвой которого стал эрцгерцог Франц Фердинанд.<…> Вы будете полностью со мной согласны, чтобы заявить, что наши общие интересы, Мои и Ваши, так же как и интересы других стран, принуждают нас настаивать на следующем требовании: нужно, чтобы все, кто несёт моральную ответственность за это ужасное преступление, были бы наказаны, так как они этого заслуживают. В этом случае политика не играет*

[26] *Bülow B. von.* Mémoires du chancelier Prince de Bülow / B. von. Bülow. Paris : Plon, 1930. T. 1–4 : 1897–1902. T. IV. P. 10.

никакой роли. С другой стороны, я очень хорошо понимаю, как трудно для Вас и Вашего правительства сопротивляться давлению общественного мнения. Уважая также ту глубокую и сердечную дружбу, которая связывает нас с Вами в течение многих лет, я употребляю всё моё влияние, для того чтобы обязать австрийцев действовать насколько возможно открыто, чтобы прийти к договорённости, приемлемой для обеих сторон. Я искренне надеюсь, что Вы придёте ко Мне на помощь в Моих усилиях сгладить сложности, которые могут всегда возникнуть. Ваш друг и искренний, преданный Кузен, Вилли"[27].

Из приведённых выше фактов мы могли убедиться, как на деле кайзер "*обязывал австрийцев*" стремиться к договорённости с Сербией. На самом деле германский император изо всех сил толкал Австро-Венгрию к войне: внешне примирительный тон телеграммы кайзера предназначался для того, чтобы успокоить Петербург и отсрочить оборонительные мероприятия русского военного командования. При этом в самой Германии 13(26) июля начали возвращать войска из лагерей, была введена охрана железных дорог, организована закупка зерна в районах сосредоточения армии, то есть рейх начал непосредственные подготовительные мероприятия к войне.

14(27) июля Государь направил принцу Александру ответную телеграмму, в которой выразил свою полную поддержку Сербии: "*Ваше Королевское Высочество, обратившись ко Мне в исключительно тяжёлую минуту, не ошиблись в чувствах, которые Я питаю к Вам, и в Моём сердечном расположении к сербскому народу. Теперешнее положение вещей привлекает Моё самое серьёзное внимание, и Моё правительство принимает все усилия, дабы устранить настоящее затруднение. Я не сомневаюсь в том, что Ваше Высочество и Королевское правительство проникнуты желанием облегчить эту задачу, не пренебрегая ничем, дабы прийти к решению, которое сохраняя достоинство Сербии, предупредила бы ужасы новой войны. Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все Наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же вопреки Нашим, самым искренним желаниям, Мы в этом не*

[27] Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 13/26 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. М., 2007. С. 455–456.

успели, Ваше Высочество можете быть уверены в том, что Россия не останется равнодушной к участи Сербии. НИКОЛАЙ"[28].

Получив эту телеграмму от 1-го секретаря миссии в Белграде В. Н. Штрадтмана, глава сербского правительства Никола Пашич перекрестился и воскликнул: "*Господи Великий, Милостивый Русский Царь! Какое утешение!*"

В тот же день, 14(27) июля, когда Государь дал принцу Александру гарантии своей помощи, он послал С. Д. Сазонову письмо следующего содержания: "*Мне пришла мысль в голову, и, чтобы не терять золотого времени, сообщаю и вам. Не попытаться ли нам, сговорившись с Францией и Англией, а затем с Германией и Италией, предложить Австрии передать на рассмотрение Гаагского трибунала спор её с Сербией. Может быть, минута ещё не потеряна до наступления уже неотвратимых последствий. Попробуйте сделать этот шаг сегодня – для доклада для выигрыша времени. Во мне надежда на мир пока не угасла*"[29].

Однако Берлин был озабочен совсем иными проблемами, главной из которых было: как сделать так, чтобы виновной в неизбежной войне мир признал бы Россию. 15(28) июля, канцлер Бетман-Гольвег в письме германскому послу в Вене Чиршки развивал эту идею: "*Ответ сербского правительства на ультиматум позволяет считать, что Сербия пошла так далеко навстречу австрийским требованиям, что если Императорское правительство сохранит совершенно независимое положение, следует предвидеть, что оно восстановит против себя европейское общественное мнение. Итак, нужно, чтобы ответственность за возможный конфликт перед государствами, которые непосредственно не заинтересованы в вопросе, была бы возложена при всяком повороте событий на Россию*"[30].

Таким образом, планы германского руководства были ясны: войну нужно было начинать во что бы то ни стало, а виноватой в ней следовало сделать Россию. Бетман-Гольвег в послании президенту

---

[28] Император Николай II – королевичу Александру 14/27 июля 1914 г. // МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 145–146.

[29] Император Николай II – С. Д. Сазонову 14/27 июля 1914 г. // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 180. № 82280.

[30] *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 85.

Прусского ландтага выразился по этому поводу предельно ясно: "*Если разразится европейская война, то единственной виновной в ней будет Россия*"[31].

15(28) июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила Сербии войну. В Петербурге стало также известно, что на русской границе развёрнуто 8 австро-венгерских корпусов. Военные настойчиво просили Государя объявить всеобщую мобилизацию. Такое согласие первоначально было им дано. В телеграмме Великому князю Николаю Николаевичу 15(28) июля начальник Генерального штаба генерал Н. Н. Янушкевич секретно сообщал: "*Сообщается для сведения: семнадцатого/тридцатого июля будет объявлено первым днём нашей обшей мобилизации. Объявление последует установленною телеграммою*"[32]. Однако 16(29) июля Государь подписал указ только о мобилизации четырёх военных округов: Одесского, Киевского, Московского, Казанского[33], то есть округов, приграничных с Австро-Венгрией, а также Балтийского и Черноморского флотов. Разъярённый Вильгельм II написал на полях донесения: "*И это мера защиты от Австрии, которая не собирается нападать на него*!"[34].

В тот же день кайзер направил царю телеграмму, в которой утверждал, что Австрия не стремится к каким-либо территориальным завоеваниям за счёт Сербии: "*Поэтому, я считаю вполне возможным для России остаться только зрителем австро-сербского конфликта и не вовлекать Европу в самую ужасную войну, какую ей приходилось видеть*"[35]. Продолжая обманывать царя, чтобы выиграть время, Вильгельм II обещал воздействовать на Вену с целью "*достижения удовлетворительного соглашения с Вами*", но при этом требовал от России отказаться от "*любых военных приготовлений*".

В Вене также реагировали на мобилизацию русских войск на своих границах весьма болезненно. В беседе с Сазоновым граф

---

[31] *Fischer F.* Les buts de Guerre de l'Allemagne Impériale, 1914–1918 / Fritz Fischer. Paris : Edition de Trévise, 1970. P. 88.
[32] МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 488.
[33] Там же. С. 214.
[34] *Людвиг Э.* Последний Гогенцоллерн. Вильгельм II / Э. Людвиг. М., 1991. С. 190.
[35] Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 16/29 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 457.

Сапари пытался убедить министра, что "*мобилизация австрийских южных корпусов не угрожает России*". В свою очередь Сазонов заявил: "*Я могу самым официальным образом заверить Вас, что мобилизация эта* [русских военных округов] *не имеет цель произвести нападение на Австрию. Наши войска будут просто стоять в боевой готовности, в ожидании того момента, когда балканские интересы России будут нарушены*"[36].

Тем более частичная русская мобилизация на австро-венгерской границе ни коем образом не угрожала Германии. Это собственно подтвердили представители высших кругов рейха. 14(27) июля французский посол в Берлине Ж. Камбон поинтересовался у Ягова: "*Будет ли Германия считать себя обязанной мобилизовать свои войска в том случае, если Россия произведёт мобилизацию только на австрийской границе?*" Ягов категорически ответил: "*Нет. Я формально уполномочиваю Вас довести об этой оговорке до сведения вашего правительства*". Статс-секретарь также заявил, что германская мобилизация будет не нужна, если русская будет осуществлена только на австро-венгерской границе[37]. Разумеется, что 17(30) июля мнение Ягова изменилось кардинально. О своих предыдущих словах он сказал Камбону, что они не представляли окончательного обязательства с его стороны. Накануне, 16(29) июля, германский посол Пурталес на аудиенции у Сазонова зачитал телеграмму Бетмана-Гольвега, в которой тот в резкой форме потребовал от России немедленного прекращения всех военных приготовлений. "*В противном случае*, – говорилось в телеграмме, – *Германии придётся объявить мобилизацию, а в таком случае с её стороны немедленно последует нападение*"[38].

В тот же день Николай II в ответной телеграмме кайзеру выразил надежду, что его посредничество приведёт к смягчению ситуации: "*В этот особенно серьёзный момент я прибегаю к Вашей помощи. Позорная война была объявлена слабой стране. Возмущение в России, вполне разделяемое Мною, безмерное. Предвижу, что очень скоро, уступая производящемуся на Меня давлению, Я буду вынужден принять крайние меры, которые поведут к войне. Стремясь*

[36] *Пиленко А. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 320.
[37] Там же. Т. 2. С. 104.
[38] История дипломатии : в 3 т. / под ред. акад. В. П. Потёмкина. М. : ОГИЗ, 1945. Т. 2. С. 793.

предотвратить такое бедствие, как европейская война, я умоляю Вас, во имя нашей дружбы, сделать всё возможное в целях недопущения Ваших союзников зайти слишком далеко"[39].

О. В. Айрапетов замечет по этому поводу: "*Николай II колебался. Положение России было двойственным – предлагая переговоры, обращаясь к Германии с просьбой о посредничестве в австро-сербском конфликте, она не могла отказаться от подготовки к войне. Опыт 1904–1905 гг. доказывал, насколько опасным может быть превентивный удар*"[40].

16(29) июля королевич Александр в ответной телеграмме Николаю II писал: "*Тяжкие времена не могут не скрепить уз глубокой привязанности, которыми связана Сербия со святой славянской Русью и чувства вечной благодарности за помощь и защиту Вашего Величества будут свято храниться в сердцах всех сербов*"[41].

Между тем кайзеровское правительство стремилось максимально ослабить возможную коалицию своих противников. Зная, насколько Франция не хочет воевать за интересы, напрямую её не затрагивающие, германское правительство через своего посла в Париже барона Вильгельма фон Шёна довело до сведения французского МИДа, что "*Австрия не ищет территориальных приобретений и не угрожает целостности Сербии, её единственная цель – обеспечить собственное спокойствие. Таким образом, предотвращение войны всецело зависит от России*"[42].

Утром 16(29) июля австро-венгерская армия пересекла границу Сербии, вторглась на её территорию. Тяжёлые орудия *Skoda* произвели жестокий артобстрел мирных районов Белграда.

Николай II предложил кайзеру передать австро-сербский вопрос Гаагской конференции, "*чтобы избежать кровопролития*"[43]. В который раз механизмы противодействия войне, заложенные

---

[39] Император Николай II – императору Вильгельму II. 13/26 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. 1894–1914. С. 456.

[40] *Айрапетов О. В.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914) / О. В. Айрапетов. М. : Европа, 2006. С. 611.

[41] Королевич Александр – Императору Николаю II 16/29 июля 1914 г. // МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 237.

[42] *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 83.

[43] Император Николай II – императору Вильгельму II 16/29 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 456–457.

Государем в 1899 г., могли бы предотвратить великое бедствие! Своеобразным ответом кайзера стала его помета нецензурного содержания на телеграмме Государя.

Между тем русский Генштаб был очень обеспокоен объявлением лишь частичной мобилизации. Это грозило заблокировать мобилизацию всеобщую, в случае её надобности. Отмена мобилизации могла привести к коллапсу на железных дорогах. Военные указывали на крайнюю опасность существующего положения: война рядом с границами России шла уже три дня, а в России никаких мобилизационных мер не предпринималось. Военное ведомство настойчиво просило Государя объявить начало всеобщей мобилизации.

Однако Николай II не терял надежды договориться с императором Вильгельмом. Государь решил послать в Берлин графа И. Л. Татищева, которого кайзер хорошо знал. Татищев должен был отвезти письмо, которое царь написал кайзеру 17(30) июля: "*Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги есть ужасное преступление, совершённое отдельными сербами. Но где доказательства того, что сербское правительство причастно к этому преступлению? Увы! Мы знаем из многих фактов, что часто нельзя относиться с полным доверием к результатам следствия или решению судебных властей, в особенности, если к делу примешиваются политические причины*"[44].

17(30) июля С. Д. Сазонов направил послу в Германии С. Н. Свербееву телеграмму, в которой поручал ему сообщить Берлину, что "*если Австрия, признав, что австро-сербский вопрос приобрёл европейский характер, заявит о своей готовности исключить из своего ультиматума пункты, нарушающие суверенные права Сербии, Россия обязуется прекратить свои военные приготовления*"[45]. Позже Сазонов вспоминал: "*Едва ли было возможно Великой Державе дать большее доказательство своего миролюбия, чем-то, которое заключалось в предложенной мною графу Пурталесу формуле*". Сазонов при этом подчёркивал, что мог сделать такое предложение Пурталесу только потому, что "*я знал, что в глазах Государя единственным пределом уступчивости и примирительности служили*

[44] Император Николай II – императору Вильгельму II. 17/30 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 458.
[45] С. Д. Сазонов – С. Н. Свербееву. 17/30 июля 1914 г. // МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 253.

честь и жизненные интересы России"[46]. Получив телеграмму с русским предложением, фон Ягов даже не отправил её в Вену для ознакомления и принятия решения, а поспешил сам ответить за австрийского союзника: "*Я нахожу русское предложение неприемлемым для Австрии*"[47]. Так, Берлин в зародыше давил любую возможность решить конфликт мирным путём.

Тогда Сазонов, выполняя приказание Николая II, изменил свою формулу и изложил её следующим образом: "*Если Австрия согласится остановить движение своих войск на сербской территории и если, признавая, что австро-сербский конфликт принял характер европейского вопроса, она допустит, чтобы великие державы рассмотрели вопрос о том удовлетворении, которое Сербия могла бы дать австро-венгерскому правительству без нанесения ущерба своим правам суверенного государства и своей независимости, то Россия принимает на себя обязательства сохранять своё выжидательное положение*"[48]. Из этой формулировки видно, что Россия была готова идти на ещё большие уступки Австро-Венгрии. Словами "*если Австрия согласится остановить движение своих войск на сербской территории*", русское правительство фактически соглашалось, что австро-венгерские войска займут часть этой территории вместе с Белградом. В новой форме русского предложения признавалось право Австро-Венгрии требовать "удовлетворения" от Сербии, снимался вопрос об обязательном отказе Вены от ультиматума Белграду. **Таким образом, Россия была готова идти на самые крайние уступки, лишь бы не допустить войны.** Получив новое предложение Петербурга, сэр Э. Грей тотчас телеграфировал о нём в Берлин, заявив, что, по его мнению, формула принятая русским правительством является тем основанием для переговоров, которое представляет наиболее шансов для мирного разрешения конфликта[49]. Новое предложение Петербурга ни Берлин, ни Вена даже не удостоили своим ответом.

17(30) июля Николай II принял в Царском Селе С. Д. Сазонова и передал ему для прочтения последнюю телеграмму императора

---

[46] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 239.
[47] *Пиленко А. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 325.
[48] Там же. Т. 2. С. 110.
[49] Там же. С. 111.

Вильгельма: "*Графу Пурталесу было предписано обратить внимание Вашего правительства на опасность и серьёзные последствия, которые может повлечь за собой мобилизация. То же самое я говорил в моей телеграмме Вам. Австрия мобилизовала только часть своей армии и только против Сербии. Если, как видно из Вашего сообщения и Вашего правительства, Россия мобилизуется против Австрии, то моя деятельность в роли посредника, которую Вы мне любезно доверили и которую я принял на себя по Вашей усиленной просьбе, будет затруднена, если не станет совершенно невозможной. Вопрос о принятии того или другого решения ложится теперь всей своей тяжестью исключительно на Вас, и Вы несёте ответственность за войну или мир*"[50].

Комментируя это послание кайзера, Николай II сказал Сазонову: "*Он требует от меня невозможного. Он забыл или не хочет признать, что австрийская мобилизация была начата раньше русской и теперь требует прекращения нашей, не упоминая ни словом об австрийской. Вы знаете, что я уже раз задержал указ о мобилизации и затем согласился лишь на частичную. Если бы я теперь выразил согласие на требование Германии, мы стояли бы безоружными против мобилизованной австро-венгерской армии. Это – безумие*"[51].

Сазонов заявил: "*Я считаю, что война неизбежна*". Министр, ссылалась на военных, убеждал Государя объявить немедленно всеобщую мобилизацию. Император срывающимся голосом ответил: "*Подумайте об ответственности, которую Вы предлагаете взять на себя. Это приведёт к гибели сотен тысяч русских людей*". Сазонов ответил, что на Государя не ляжет ответственность за драгоценные жизни, которые унесёт война, так как он этой войны не хотел, ни он сам, ни его правительство. Воцарилось тягостное молчание. Наконец, Николай II сказал: "*Вы правы. Для нас ничего не остаётся, как ожидать нападения. Передайте начальнику Генерального Штаба моё приказание о мобилизации*"[52].

Сазонов вспоминал впоследствии: "*В тяжёлые дни, предшествовавшие войне с Германией, когда уже всем было ясно, что в Берлине было решено поддержать всей мощью притязания Австрии на*

---

[50] Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 17/30 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 457.
[51] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 247.
[52] Там же. С. 248.

господство на Балканах и что нам не избежать войны, мне привелось узнать Государя со стороны, которая при нормальном течении политических событий оставалась малоизвестной. Я говорю о проявленном им тогда глубоком сознании его нравственной ответственности за судьбу России и за жизнь бесчисленных его подданных, которым европейская война грозила гибелью. Этим сознанием он был проникнут весь, и им определялось его состояние перед началом военных действий"[53].

Вечером 17(30) июля начальник Генерального штаба генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич телеграфировал: "*Высочайше повелено мобилизовать по мобилизационному расписанию 1910 года войска Киевского, Одесского, Московского и Казанского военных округов, второочередные и третьеочередные части Оренбургского, Уральского и Астраханского казачьих войск и команд пополнения Донского, Кубанского, Тверского, Уральского, Оренбургского и Астраханского казачьих войск, входящих в состав мобилизуемых округов, Черноморский и Балтийский флоты. Первым днём мобилизации следует считать 17(30) сего июля*"[54]. Всеобщая мобилизация была объявлена.

На самом деле скрытая всеобщая мобилизация началась в Германии до получения им сведений о всеобщей русской. Мольтке отдал о ней приказ в 7 часов 45 минут утра 18(31) июля, а сведения о начавшейся мобилизации в России поступили в Берлин только в 11 часов 40 минут. Таким образом, и в этом вопросе Берлин по обыкновению лгал[55].

Узнав об объявлении всеобщей мобилизации русской армии, граф Берхтольд встретился в Вене с послом Шебеко и принялся уверять того, что Австрия не имеет никаких враждебных намерений в отношении России и что Вена готова вступить в обсуждение с Петербургом предъявленного Сербии ультиматума. Об этом же 18(31) июля заявил Сазонову Ф. Сапари. Австрия, балансируя на краю пропасти мировой войны, в последний момент не могла не ужаснуться грозящей ей катастрофе.

---

[53] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 247.
[54] МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 513.
[55] *Renouvin P.* Les origines immédiatis de la guerre / Pierre Renouvin. Paris, 1925. P. 143–145.

Сазонов предложил провести переговоры в Лондоне при участии великих держав. Он считал необходимым увязать начало переговоров в Лондоне с прекращением военных действий Австро-Венгрии против Сербии. Однако Николай II был с этим мнением своего министра не согласен. На телеграмме Сазонова Царь оставил резолюцию: "*Одно не мешает другому – продолжайте разговоры с австрийским послом*"[56]. Но руководство Германии внимательно следило, чтобы ситуация вдруг пошла бы не по его планам. Последовавшие на следующий день роковые шаги кайзеровского правительства были вызваны в том числе и опасением того, что Австрия в последний момент начнёт искать компромисс с Петербургом.

18(31) июля в Берлине было сделано официальное объявление, "*что ныне предстоит германская мобилизация, в случае если Россия не прекратит через 12 часов своих военных мероприятий и не даст об этом определённых объяснений*"[57]. Одновременно Николаю II была направлена очередная телеграмма кайзера Вильгельма: "*Европейский мир ещё может быть сохранён, если только Россия согласится приостановить военные приготовления, угрожающие Германии и Австро-Венгрии*"[58].

18(31) июля 1914 г. германский посол граф Ф. фон Пурталес по его просьбе был принят императором Николаем II в Петергофе на Нижней даче. Царь встретил германского посла весьма дружественно и спросил его, не имеет ли он каких-либо поручений из Берлина? Пурталес сообщил Государю, что император Вильгельм поставлен в очень тяжёлое положение опубликованием указа о всеобщей мобилизации русской армии. Пурталес подчеркнул: для Германии "*мобилизация означает угрозу и вызов*", а также является "*оскорблением Его Величества Германского Императора*". Позже посол вспоминал: "*Царь спокойно выслушал меня, не выдавая ни малейшим движением мускула, что происходит в его душе… У меня получилось впечатление, что мой Высокий собеседник либо в необычайной манере одарён самообладанием, либо ещё не успел,*

[56] МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 294–295.
[57] С. Н. Свербеев – С. Д. Сазонову 18/31 июля 1914 г. // МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 302.
[58] Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 18/31 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 460–461.

несмотря на мои весьма серьёзные заявления, постигнуть всю грозность создавшегося положения"[59]. Пурталес пытался доказать, что единственное, что может предотвратить ещё войну, это отмена русской мобилизации. На это Николай II возразил, что отданные приказы невозможно отменить, и что посол должен был бы это знать сам, как бывший офицер. Затем император в более жёсткой форме указал Пурталесу, что Германия должна оказать сильное давление на Вену. Пурталес заверял Николая II, что такое давление Берлином оказывается, но оно не может носить насильственный характер в отношении союзницы. Затем германский посол ещё раз повторил своей мнение, что примирение в Европе невозможно, если Россия не отменит своей мобилизации. На это царь ответил, что в таком случае помочь может лишь Господь Бог[60]. На этом аудиенция закончилась.

Беседуя с Пуратлесом, Николай II уже знал из сообщений посла в Берлине С. Н. Свербеева, что мобилизационные меры "*в Германии против нас на полном ходу*"[61].

Около 17 часов следующего дня – 19 июля (1 августа) – Пурталес снова по его просьбе был принят в здании МИД на Дворцовой площади С. Д. Сазоновым. Русский министр понял, с какой целью пришёл к нему представитель Германии. "*Он, вероятно, привезёт мне объявление войны*", – сказал Сазонов своему помощнику барону М. Ф. Шиллингу и не ошибся. После очередного отказа Сазонова на требование Пурталеса отменять мобилизацию, посол дрожащими руками передал ноту германского правительства: "*Императорское Правительство старалось с начала кризиса привести его к мирному разрешению. Идя навстречу пожеланию, выраженному Его Величеством Императором Всероссийским, Его Величество Император Германский в согласии с Англией прилагал старания к осуществлению роли посредника между Венским и Петербургским Кабинетами, когда Россия, не дожидаясь их результата, приступила к мобилизации всей совокупности своих сухопутных и морских сил. Вследствие этой угрожающей меры, не вызванной никакими*

---

[59] *Пурталес Г.* Между миром и войной. Воспоминания бывшего германского посла в России / Г. Пурталес. М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1923. С. 61.
[60] Там же. С. 62.
[61] С. Н. Свербеев – С. Д. Сазонову 18/31 июля 1914 г. // МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 302.

военными приготовлениями Германии, Германская империя оказалась перед серьёзной и непосредственной опасностью. Если бы Императорское Правительство не приняло мер к предотвращению этой опасности, оно подорвало бы безопасность и самое существование Германии. Германское Правительство поэтому нашло себя вынужденным обратиться к Правительству Его Величества Императора Всероссийского, настаивая на прекращении помянутых военных мер. Ввиду того, что Россия отказалась удовлетворить это пожелание и выказала этим отказом, что её выступление направлено против Германии, я имею честь по приказанию моего Правительства сообщить Вашему Превосходительству нижеследующее: Его Величество Император, мой Августейший Повелитель, от имени Империи принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией"[62].

В 22 часа 55 минут Николай II получил последнюю телеграмму от императора Вильгельма II: "*Вчера я указал Вашему правительству единственный путь, которым можно избежать войны. Несмотря на то, что я требовал ответа сегодня к полудню, я ещё до сих пор не получил от моего посла телеграммы, содержащей ответ Вашего правительства. Ввиду этого я был принуждён мобилизовать свою армию. Немедленный, утвердительный, ясный и точный ответ от Вашего правительства – единственный путь избежать неисчислимых бедствий. <…> Я должен просить Вас немедленно отдать приказ Вашим войскам ни в коем случае не пересекать нашей границы. Вилли*"[63].

Таким образом, император Вильгельм хотел, чтобы Россия отказалась от мобилизации, предоставила возможность Австро-Венгрии расправиться с Сербией и наблюдала при этом мобилизацию германской армии. Последняя телеграмма кайзера была послана с опозданием и пришла в Петергоф уже после объявления Германией войны России. На подлиннике телеграммы рукой императора Николая II написано: "*Получена после объявления войны*".

---

[62] Нота германского правительства с объявлением войны России. 19 июля/1 августа // МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 323.

[63] Император Вильгельм II – Императору Николаю II 19 июля/1 августа 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 462.

Вильгельм II хорошо осознавал, что его действия в отношении России являются прямой агрессией. Его неуклюжие попытки самооправдания и лживые обвинения, какие им были предприняты после нападения на Россию, лишь подтверждают это. 20 июля (2 августа) 1914 г. император Вильгельм довёл до всех своих дипломатических представителей то, что он отдал приказ о мобилизации – "*вследствие внезапного нападения, произведённого русскими войсками на германскую территорию. Таким образом, Германия находится в состоянии войны с Россией*"[64]. Под этим сообщением Государь лаконично написал: "*И тут ложь*"[65].

[64] А. Сан-Джулиано – А. Карлотти 20 июля/2 августа 1914 г. // МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 368.

[65] Резолюция Императора Николая II на сообщении о словах Вильгельма II // МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 368.

Глава 4

ОБРАЗОВАНИЕ АНТИГЕРМАНСКОЙ КОАЛИЦИИ ТРЁХ ДЕРЖАВ: СЛОЖНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Несмотря на то что летом 1914 г. Россия была обеспечена военным союзом с Францией и дружественными отношениями с Великобританией, вероятность для неё войны с германскими империями один на один была довольно велика. 19 июля (1 августа) Германия объявила войну только России. Причём германская верхушка настолько спешила с этим шагом, что опередила Австро-Венгрию на целых пять суток. Поспешность, с какой германское правительство объявило войну России, противоречило планам германского командования. Большой штаб предлагал как можно дольше не начинать войны с Российской империей, так как задержка открытия военных действий на Востоке отвечала плану по скорейшему разгрому Франции. Напомним, что план Шлиффена предусматривал "*массирование возможно больших сил на французском фронте с целью быстрого уничтожения французских армий и выставление первоначально против России только необходимых для совместного участия с австрийцами войск*"[1].

Но вопреки мнению военных и, казалось бы, здравому смыслу, германское руководство в лице Бетмана-Гольвега усиленно толкало кайзера на скорейшее объявление войны именно России. "*Почему мы объявили войну России 1 августа, да ещё в такой поспешной манере*? – вопрошал в своих мемуарах Бюлов. – *Объяснение этой дипломатической ошибки, как и многих других, находится во внутриполитической причине, вернее в тех страхах, которые она вызывала у канцлера*"[2].

---

[1] *Зайончковский А. М.* Первая мировая война / А. М. Зайончковский. СПб. : Полигон, 2002. С. 73.

[2] *Bülow B. von.* Mémoires du chancelier Prince de Bülow / B. von. Bülow. Paris : Plon, 1930. T. 1–4 : 1897–1902. T. IV. P. 149.

Крупный германский промышленник А. Баллин спросил Бетмана-Гольвега: "*Почему, собственно, ваше превосходительство так страшно торопится с объявлением войны России?" Бетман ответил: "Иначе я не заполучу социал-демократов"*. Поэтому поводу Бюлов замечал, что Бетман-Гольвег хотел заострить войну именно *"против русского царизма"*[3].

Но у Бетмана были и другие веские основания предполагать, что война примет характер похода германской империи против России и Сербии. Думать так позволяла ему в первую очередь позиция Англии, которая за всё время европейского кризиса, последовавшего после сараевского убийства, хранила загадочное молчание. Вильгельм II, несмотря на всю свою грозную риторику, опасался войны одновременно с Россией, Францией и Англией. Вхождение последней в русско-французский блок казалось ему особенно опасным из-за мощного британского флота, способного уничтожить германский.

В первые дни кризиса Эдвард Грей поспешил заверить германское руководство, что Англия предпримет всё возможное, чтобы умиротворяюще повлиять на Францию и на Россию. 18(30) июля Бетман-Гольвег передал кайзеру доклад князя Лихновского, в котором тот сообщал, что в английских верхах ему дали понять, что позиция Лондона остаётся неизменной: "*Все заверения со стороны Вены Санкт-Петербурга по поводу целей и образе действий Австрии в отношении Сербии, приводит лишь к отягчению ответственности России в глазах всех*"[4]. В Берлине были весьма удовлетворены такой английской позицией. Кайзер решил, что это лучшее доказательство английского нейтралитета, на который он сильно надеялся.

11(24) июля на встрече в Петербурге с Сазоновым и Палеологом английский посол Дж. Бьюкенен фактически признал, что его правительство, по всей видимости, останется в этом конфликте нейтральным[5].

---

[3] *Bülow B. von.* Op. cit. T. IV. P. 150.

[4] *Fischer F.* Les buts de Guerre de l'Allemagne Impériale, 1914–1918 / Fritz Fischer. Paris : Edition de Trévise, 1970. P. 95.

[5] *Палеолог М.* Царская Россия в Первой мировой войне. М. : Международные отношения, 1991. С. 82.

Палеолог и Сазонов передали Бьюкенену мнение царя, что Германия никогда не осмелится напасть на объединённый союз России, Франции и Англии[6]. До сведения английского правительства было доведено, что Николай II крайне недоволен его позицией[7].

Сазонов указывал британскому послу на необходимость того, чтобы "*Англия ясно и твёрдо дала понять, что она осуждает не оправдываемый обстоятельствами крайне опасный для европейского мира образ действий Австрии. В случае дальнейшего обострения положения, могущего вызвать соответствующие действия великих держав, мы надеемся, что Англия не замедлит определённо встать на сторону России и Франции*"[8]. Однако в Лондоне не спешили с подобными заявлениями, вступать в войну в августе 1914 г. там явно не хотели, не считая для себя этот момент подходящим. Лондон предпочёл бы, чтобы Германия завязла в войне с Россией, и обе державы как можно больше обескровили друг друга. Только тогда Англия могла бы вступить в войну. Но это было невозможно, если бы в войну вступила Франция. В этом случае Англии пришлось бы встать на защиту своей союзницы.

13(26) июля король Георг V заверил принца Генриха Прусского, что "*мы приложим все усилия, чтобы не быть вовлечёнными в войну и остаться нейтральными*". Ободрённые обещанием английского нейтралитета, немцы как могли торопили Австро-Венгрию с войной против Сербии.

В то же самое время Э. Грей успокаивал Россию и заверял её в том, что Англия верна общим с Россией и Францией интересам[9].

16(29) июля Грей встретился с германским послом в Лондоне князем К. Лихновским и предложил Вене английское посредничество[10]. На заявление русского посла, что подобное предложение может создать в Берлине "*неправильное представление*

---

[6] *Палеолог М.* Царская Россия в Первой мировой войне. М. : Международные отношения, 1991. С. 82.

[7] МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 150.

[8] С. Д. Сазонов – А. К. Бенкендорфу. 12/25 июля 1914 г. // МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 64–65.

[9] А. К. Бенкендорф – С. Д. Сазонову. 12/25 июля 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма. 1878–1917 (далее – МОЭИ). Сер. 3. Т. 5. С. 68–69.

[10] История дипломатии : в 3 т. / под ред. акад. В. П. Потёмкина. М. : ОГИЗ, 1945. Т. 2. С. 791.

о позиции лондонского кабинета", Грей ответил, что Англия не считает свои интересы затронутыми сербским ультиматумом[11]. Между тем Лихновскому Грей намекал, что если Германия начнёт войну с Францией, Англии придётся выступить на стороне Антанты.

Когда император Вильгельм II узнал об этих словах Грея, он был взбешён: "*Англия открывает свои карты в момент, когда она сочла, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении! Низкая торгашеская сволочь старалась обманывать нас обедами и речами. Грей определённо знает, что стоит ему только произнести одно серьёзное предостерегающее слово в Париже и в Петербурге и порекомендовать им нейтралитет и оба тот час же притихнут. Но он остерегается вымолвить это слово и вместо этого угрожает нам! Мерзкий сукин сын!*"[12].

18(31) июля в Париже была объявлена всеобщая мобилизация в ответ на объявленную в тот же день всеобщую мобилизацию в Германии. Однако 19 июля (1 августа), несмотря объявленную Германией войну России, Франция объявлять войну рейху не спешила, хотя этого требовала военная конвенция между двумя странами.

19 июля (1 августа) 1914 г. германский посол князь Лихновский сообщил в МИД следующую информацию: "*Только что сэр Э. Грей позвонил мне по телефону и спросил, могу ли я заявить, что в случае, если Франция останется нейтральной в русско-германской войне, мы не нападём на французов. Я заявил ему, что могу взять на себя эту ответственность, и он использует это заявление в сегодняшнем заседании кабинета*"[13].

Вильгельм II воспринял это английское предложение как подарок судьбы. Мольтке, прибыв 1 августа (по новому стилю) императорский дворец Шлосс, застал императора и его канцлера Бетмана-Гольвега в "радостном возбуждении" от полученной телеграммы Лихновского. Кайзер, по воспоминаниям Мольтке, решил воевать "*против одной лишь России! Кайзер сказал мне: „Итак, мы попросту маршируем всеми нашими войсками на Восток“. Я ответил Его Величеству, что это невозможно. Наступление миллионной армии*

[11] А. К. Бенкендорф – С. Д. Сазонову. 12/25 июля 1914 г. // МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 71.
[12] Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. Berlin, 1927. Bd. 1. № 368. S. 88.
[13] Мировые войны XX века. Первая мировая война. М. : Наука, 2002. Кн. 2. С. 81.

невозможно импровизировать, это дело напряжённой, неустанной, годовой работы и не может, будучи запланированным, подвергаться изменениям. Если Его Величество настаивает на том, чтобы все войска вести на восток, то последние будут не готовой к бою армией, а неорганизованным, беспорядочным скопищем вооружённых людей. Кайзер настаивал на своём требовании и был очень не сдержан"[14].

С огромным трудом Мольтке удалось убедить Вильгельма II не менять общего стратегического плана Шлиффена. Мольтке объяснил, что Англия, даже если предположить наличие у неё доброй воли, не может дать гарантий того, что Франция не нападёт на Германию позже, когда все её силы будут обращены против России. Тем более и германская военная машина была приведена в полную боевую готовность. "*Если планы утверждены, их надо выполнять*", – заключил германский фельдмаршал.

Но решив придерживаться старого плана, Вильгельм II пытался договориться с Англией и добиться нейтралитета Франции. Об этой своей готовности он сообщил в телеграмме от 1 августа английскому королю, заверяя того, что он сможет применить свои войска в "ином месте"[15]. Не трудно догадаться, что этим "местом" была Россия. Таким образом, для Николая II складывалась чрезвычайно опасная ситуация: согласись Франция на английское предложение, и Россия осталась бы один на один с Германией и Австро-Венгрией.

19 июля (1 августа) в своей телеграмме Николаю II английский король Георг призывал своего русского кузена "*устранить происшедшее недоразумение и оставить путь для переговоров и для возможности сохранения мира*"[16].

Эта телеграмма явно свидетельствует о попытке Великобритании занять позицию, сходной с германской и переложить ответственность за срыв мирного диалога на Россию. 19 июля (1 августа) война России уже была объявлена Германией, и вести какие-либо переговоры было поздно. В Лондоне это отлично понимали, но

[14] Мировые войны XX века. Первая мировая война. М. : Наука, 2002. Кн. 2. С. 82.
[15] Дипломатия и война. 1914 и 1939 годы // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 5.
[16] Король Георг V – Императору Николаю II. 19 июля/1 августа 1914 г. // МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 330.

сознательно делали вид, будто верят германским заверениям, что это Россия не желает мира. Этим Англия заняла до времени нейтральную позицию.

Николай II ответил Георгу V на следующий день 20 июля (2 августа). "*Я с удовольствием принял бы Ваше дружеское предложение, если бы германский посол не вручил сегодня после полудня Моему правительству ноту с объявлением войны. <…> В этот торжественный час я хочу ещё раз заверить Вас, что Я сделал всё, что в Моих силах, чтобы предотвратить войну. Теперь, когда Мне её навязали, Я верю, что Ваша страна не откажет поддержать Францию и Россию в борьбе за сохранение равновесия в Европе*"[17].

Ко времени написания царём этой телеграммы, английская позиция уже поменялась в сторону вступления в войну против Германии[18].

Тем временем Франция войну Германии так и не объявляла. Более того, французские войска отводились от германской границы, чтобы не создать инцидентов, могущих привести к стычкам между двумя армиями. Однако германцы сами поспешили 21 июля (3 августа) объявить Франции и одновременно Бельгии войну.

22 июля (4 августа) 1914 г., осознав, что Европа уже втянута в войну, Англия, наконец, в свою очередь объявила войну кайзеровской Германии. Николай II выразил своё сожаление по поводу запоздалого решения английского правительства. Дворцовый комендант царя В. Н. Воейков вспоминал: "*Государь выразил свою радость по поводу выступления Англии. "Но, – добавил он, – жаль, что это не было сделано раньше". Мнение многих дипломатов совпадало с выраженной Его Величеством мыслью: говорилось, что никогда Германия не начала бы войны, если бы знала, что Англия выступит на стороне союзников*"[19].

Об этом же писал Великий князь Александр Михайлович: "*До полуночи 31 июля 1914 года британское правительство могло бы предотвратить катастрофу, если бы заявило о намерении*

---

[17] Император Николай II – королю Георгу V 20 июля/2 августа 1914 г. // МОЭИ. Сер.3. Т. 5. С. 360–361.

[18] Дипломатия и война. 1914 и 1939 годы // Вопросы истории. 1997. № 7.

[19] *Воейков В. Н.* С Царём и без Царя / В. Н. Воейков, дворцовый комендант Государя Императора. СПб. : Царское Дело, 1994. С. 61.

вступить в войну на стороне России и Франции. Простое заявление, сделанное по этому поводу Гербертом Асквитом[20] *или сэром Эдуардом Греем, умиротворило бы самых воинственных берлинских юнкеров*"[21].

Выступление Англии против Германии вызвало состояние оцепенения в правящих кругах рейха. "*Я никогда не видел такого трагического лица, как лицо кайзера в те дни!*" – писал один из приближенных германского императора[22].

[20] Г. Асквит – в 1914 г. премьер-министр Великобритании.
[21] *Александр Михайлович, великий князь*. Воспоминания. Две книги в одном томе / великий князь Александр Михайлович. М. : Захаров-Аст, 1999. С. 248.
[22] Там же. С. 271.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

19 июля (1 августа) 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну. Император Николай II и его внешнеполитическое ведомство сделали всё, чтобы этой войны избежать. Были испробованы все возможности, предложены все компромиссы, даже такие, которые грозили для России политическим и военным ущербом. Николай II слишком хорошо осознавал военную, внутриполитическую, экономическую неподготовленность своей империи к большой войне, чтобы до последней возможности не пытаться сохранить мир. Генерал М. К. Дитерихс писал: "*Государь с полной ясность сознавал, что в пределах земных причин и влияний общая европейская война во всех случаях будет грозить гибелью Родине. В последствиях грядущей войны Государь видел не только ту опасность, которая грозила государству, России, но и тот ужас, который предстояло испытать вообще всему человечеству. <…> Царь не мог не предвидеть, что предстоящая борьба будет "ужасной, чудовищной" и затяжной, а потому другие народы с более слабо развитым сознанием национализма будут подвергнуты большим искушениям и испытаниям в принципах своего внутреннего единения*"[1].

Вильгельм II и его клика в буквальном смысле слова навязали России войну, причём войну на уничтожение. Речь шла не о каких-то мифических "империалистических" интересах Петербурга, а о вопросе жизни и смерти Российского государства. 20 июля (2 августа) 1914 г. император Николай II в Георгиевском зале Зимнего дворца зачитал манифест об объявлении войны с Германией. "*Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение её среди Великих держав. Мы неколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные. В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри. Да укрепится*

[1] *Дитерихс М. К.* Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале : в 2 т. / М. К. Дитерихс. М. : Скифы, 1991. Т. 2. С. 90.

теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага"[2].

В Николаевском зале Зимнего дворца в Высочайшем присутствии был отслужен молебен о даровании Благоверному Государю Императору и Российскому Христолюбивому воинству победы над врагами. Затем Николай II обратился к присутствующим со следующими словами: "*Со спокойствием и достоинством встретила Наша Великая Матушка-Русь известие об объявлении Нам войны. Убеждён, что с таким же чувством спокойствия мы доведём войну, какая бы она ни была, до конца. Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдёт с земли Нашей*". Государь повторил слова императора Александра I, сказанные им при вторжении армии Наполеона в 1812 г., подчеркнув, таким образом, освободительный характер начавшейся войны. После чтения манифеста император Николай II вышел на балкон Зимнего дворца. Собравшаяся на Дворцовой площади многотысячная толпа при виде Государя опустилась на колени. Над площадью раздались величественные звуки русского гимна "Боже, Царя храни!".

Патриотическая стихия охватила русский народ. Толпы с национальными знамёнами вышли на улицы Петербурга, Москвы, Тулы, Киева, Одессы, Ростова, Харькова, Томска. Всеобщее воодушевление вынуждены были признать даже враги существующего строя. Так, трудовик А. Ф. Керенский вспоминал: "*Народ в 1914 году воспринял войну с Германией как свою собственную. Народ понял, что судьба России поставлена на карту*"[3]. Керенский подчёркивал, что это была "*вторая война за национальное выживание (первая была в 1812 году)*". Поэтому официальное название, Вторая Отечественная война, было безоговорочно воспринято народным сознанием.

Начавшаяся война по своим масштабам, развитию вооружений, методов ведения и кровопролитности не имела аналогов в мировой истории. Можно с уверенностью утверждать, что все участники Первой мировой войны не были к ней психологически

---

[2] Высочайший манифест об объявлении войны с Германией // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 551. Л. 1–2.

[3] *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары / А. Ф. Керенский. М. : Республика, 1993. С. 88–89.

готовы. Хваленая германская армия, несмотря на весь свой профессионализм и высокие личные качества солдат и офицеров, проявила себя, особенно в области стратегического планирования, далеко не с лучшей стороны. План Шлиффена, на котором базировалась вся германская военная доктрина, рухнул в первые же месяцы, показав свою полную несостоятельность. Кайзеровские стратеги: Пауль фон Гинденбург, Гельмут фон Мольтке (младший), Эрих Людендорф, Август фон Макензен – явили себя хотя и способными, но при этом достаточно шаблонно мыслящими военачальниками, которые не смогли одержать ни одной решающей стратегической победы ни на Западном, ни на Восточном фронтах. Незаслуженно воспетый немцами пресловутый Танненберг, был всего лишь успехом их над одной русской армией. Да, он не позволил русским войскам овладеть Восточной Пруссией, но ведь речь шла об отчаянной обороне немцев на своей территории, а не о победоносном их походе в глубь России! К этому надо добавить, что благодаря Танненбергу германским войскам не удалось вывести из войны Францию, что привело к крушению всего германского стратегического плана войны и предопределило поражение рейха. Довольно сомнительная победа!

Что же касается русской армии, то, по существу, она с августа 1914 г. и до марта 1917 г. не потерпела ни одного стратегического поражения, и, наоборот, противнику за этот период на Восточном фронте не удалось достигнуть ни одной из поставленных им стратегических задач. В 1914 г. германское и австро-венгерское командования ставили своей целью разбить русские войска в Галиции, окружить их под Лодзью, взять Варшаву. Ни одна из этих задач им не была решена. Галицийская битва привела к крушению австро-венгерской армии, освобождению старинного города Львова, столицы Червонной Руси. Варшаво-Ивангордская и Лодзинская операции обратили в бегство армии самих Гинденбурга и Макензена, которые считались непобедимыми. В начале кампании 1915 г. русские войска успешно перешли Карпаты, была взята мощная крепость австрийцев Перемышль, считавшаяся противником неприступной. В плен было взято свыше 116 тыс. солдат и офицеров противника, это больше, чем Красная армия захватила в Сталинградском сражении. Даже кровавое отступление русских войск весны-лета 1915 г.,

вызванное катастрофической нехваткой тяжёлых снарядов, не привело ни к их окружению, ни тем более к уничтожению, а ведь именно это планировало германское командование. Несмотря на большие потери, результатом весенне-летней кампании 1915 г. для России стало оставление Царства Польского и г. Вильно. Уже к декабрю 1915 г. фронт стабилизировался, и немецкая армия до крушения Российской империи не смогла провести на Русском фронте ни одного крупного наступления! Большое морально-нравственное и организаторское значение имело принятие императором Николаем II верховного главнокомандования. Со сменой верховного командования и появлении во главе русского воинства Государя, армия остановилась и стала отражать германские атаки, фронт выровнялся и застыл. Между тем снабжение русской армии боеприпасами и провиантом начало улучшаться, кризис начинал преодолеваться. Обращаясь к войскам 25 декабря 1915 г., император Николай II писал: "*Глубокая вера в Господа и единодушное желание всех истинно русских людей сломить и изгнать врага из пределов России, дают мне твёрдую уверенность спокойно взирать на будущее*"[4].

На Кавказском фронте в 1915–1916 гг. русские войска одержали блестящие победы под Сарыкамышем и Эрзерумом, освободив от османских войск всю Западную Армению. Взятие Эрзерума подействовало настолько деморализующе на турецкую армию, что больше никаких крупных наступлений на Кавказском фронте она предпринять не смогла. Русские войска овладели городами Трапезундом и Эринджаном.

По указанию царя осенью 1915 г. был создан авторитетный орган, – Эвакуационная комиссия при особом совещании по обороне, который возглавил работу по эвакуации предприятий и учреждений из прифронтовых районов. Её возглавил председатель Государственной думы камергер М. В. Родзянко[5]. Одновременно стала формироваться законодательная база, обеспечивающая проведение мероприятий по эвакуации[6]. Началась предварительная

---

[4] Телеграмма Императора Николая II главнокомандующим (собственноручная) // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1829. Л. 29.

[5] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / А. Л. Сидоров. М., 1973. С. 229–230.

[6] *Сидоров А. Л.* Указ. соч. С. 223.

разработка планов эвакуации отдельных районов и промышленных центров[7]. Из Петрограда был вывезен Охтинский завод взрывчатых веществ[8]. Россия была фактически единственной страной, которая проводила подобную эвакуацию заводов и предприятий. Именно эвакуационный опыт Первой мировой войны привёл к осознанию необходимости заблаговременной эвакуационной подготовки, что сказалось во время Великой Отечественной войны.

К моменту начала весенне-летней кампании 1916 г. русская военная промышленность совершила большой скачок. У. Черчилль писал: "*Мало эпизодов Великой войны более поразительных, нежели воскрешение, перевооружение и возобновлённое гигантское усилие России в 1916 году*"[9]. На 1917 г. было намечено строительство 37 новых заводов, производство винтовок возросло в 3 раза, орудий в 8 раз, количество боеприпасов в 5 раз. Численность армии была увеличена на 1,4 млн человек[10]. Генерал Головин указывает, что в 1916 г. началось "*соответственное потребностям поступление патронов*"[11]. Россия обошла в производстве пушек Францию и Британию[12]. Особенно много внимания уделялось ликвидации "снарядного голода". К 1917 г. Россия стала производить девять миллионов снарядов в год. (Большевики наследовали запас снарядов в 18 млн.)[13] Правительство широко поддерживало инициативы промышленников по выпуску снарядов. Производились заказы вооружения и за границей[14]. Немецкий генерал Э. Людендорф писал, что "*Сражения 1916 года на Востоке обнаружили весьма значительное повышение технических военных средств, проявившееся*

---

[7] *Иголкин А. А.* Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 годах / А. А. Иголкин. М., 1999. С. 47.

[8] *Шелаев Ю. Б.* Деятельность чрезвычайной комиссии по эвакуации и разгрузке Петрограда весной 1918 г. (по новым материалам) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1990. № XX. С. 31.

[9] *Алферьев Е. Е.* Император Николай II как человек сильной воли / Е. Е. Алферьев. Нью-Йорк : Свято-Троицкий монастырь. Джорданвилль, 1983. С. 109.

[10] *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX века / Л. Г. Бескровный. М. : Наука, 1986. С. 78.

[11] *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне : в 2 т. / Н. Н. Головин. Париж, 1939. Т. 2. С. 19.

[12] *Уткин А. И.* Первая Мировая война / А. И. Уткин. М. : Алгоритм, 2001. С. 249.

[13] Там же. С. 249.

[14] Очерки истории Ленинграда. М. : Академия Наук СССР. Т. 3. С. 934–937.

особенно в обилии снарядов. Россия частично перенесла свою промышленность в Донецкий каменный бассейн и значительно развила её. <…> Россия приступила к особенно обширным новым формированиям. Она оставила в своих дивизиях только 12 батальонов, а в батареях – по 6 орудий; из излишних 4 батальонов и 7, и 8 орудий каждой батареи она сформировала новые дивизии. Такое переформирование значительно увеличило её силы"[15].

Летом-осенью 1916 г. русская армия, которую уже враги и союзники списали со счетов, провела самое крупное наступление Первой мировой войны. Тактические результаты его были огромны: противник потерял свыше 1,5 млн человек убитыми и ранеными, 272 тыс. пленными, 312 артиллерийских орудий, 1795 пулемётов, 448 миномётов, от противника была очищена территория в 2000 кв. км[16]. Таких результатов не достигала ни одна наступательная операция союзников за весь ход войны.

К концу 1916 г. общая военная обстановка складывалась в пользу России. Был совершён большой скачок в развитии военной и оборонной промышленности, улучшено снабжение армии. На Юго-Западном и Кавказском фронтах осуществлены два крупнейших победоносных наступления, ознаменовавших собой начало коренного перелома войны в пользу России и её союзников. "*Самым трудным и самым забытым подвигом Императора Николая II*, – считал видный эмигрантский историк профессор С. С. Ольденбург, – *было то, что он, при невероятно тяжёлых условиях, довёл Россию до порога победы: его противники не дали ей переступить через этот порог*"[17].

Несмотря на имеющиеся серьёзные проблемы в снабжении, положение к концу 1916 г. в военном и промышленном плане внушало уверенность в успешном исходе кампании. К началу 1917 г. рейх был истощён как экономически, так и в людских ресурсах. На весну-лето союзники готовили общее наступление. В таких условиях сильно ослабленная кайзеровская армия, несмотря на все свои боевые достоинства, не смогла бы долго противостоять давлению

---

[15] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / генерал пехоты Э. Людендорф. М. : Вече, 2014. С. 270–271.
[16] *Керсновский А. А.* Указ. соч. С. 54.
[17] *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II / С. С. Ольденбург. Санкт-Петербург, 1991. С. 642.

с запада и востока. Катастрофа Германии стала вполне возможной в конце 1917 – начале 1918 гг.[18] Генерал Людендорф писал, что "*Наше положение было чрезвычайно затруднительным и почти безвыходным. О наступлении думать не приходилось*"[19]. Ему вторил и сам "великий" Гинденбург: "*Весною 1917 года я мог бы принять только одно решение: оборону на всех фронтах в надежде, что какое-либо большое непредвиденное событие вдруг внезапно изменит безвыходное положение*"[20]. Примечательно, что сегодня находятся российские "исследователи", лучше "знающие" обстановку на фронте, чем Гинденбург и Людендорф и утверждающие, что русская армия в конце 1916 г. была "на грани поражения".

Военная перспектива казалась царю очевидной, фронт надёжным. Численность русской армии была не только восстановлена после тяжёлых потерь 1915 года, но и многократно увеличена. На 1 января 1917 г. она составила 6 млн 845 тысяч человек[21]. Полковник Генштаба В. М. Пронин отмечал, что ко времени 1917 г. "*русская армия располагала огромными материальными и техническими средствами, она была ими богата как никогда*"[22].

Уже в феврале – марте 1915 г. Николай II потребовал от союзников признания за Россией важнейших территориальных приобретений после победного окончания войны. 22 февраля (6 марта) 1915 г. С. Д. Сазонов телеграфировал в Париж послу А. П. Извольскому текст русской ноты союзным правительствам: "*Ход последних событий привёл Его Величество Императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть решён окончательно согласно вековым чаяниям России. Все решения будут несостоятельны и непрочны, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, так же как южная Фракия вплоть до линии Энос-Мидиа, не будут включены в состав*

---

[18] *Пронин В. М.* Последние дни Царской Ставки / полковник Генерального штаба В. М. Пронин. Белград, 1930. С. 8.
[19] *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 271.
[20] Цит. по: *Позднышев С. Д.* Император Николай II и Великая война // Помни правду. Париж : Издание Союза ревнителей священной памяти императора Николая II, 1965. С. 61–69.
[21] Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 24.
[22] *Пронин В. М.* Указ. соч. С. 8.

Российской империи. Особые интересы Франции и Великобритании в этом регионе будут самым тщательным образом уважены"[23].

В начале марта 1915 г. между Россией и союзниками было разработано будущее управление оккупированного Константинополя. Каждая страна должна была направить туда своего Главноуполномоченного. Министерство иностранных дел России направляет в Главный штаб ВМФ секретный документ, который назывался "*Об установлении штата временного управления Императорского Российского Главноуполномоченного в Царьграде*". В нём определялось гражданское управление городом, которое должно было временно осуществляться тремя главноуполномоченными: русским, французским и английским. "*Необходимо иметь в виду,* – говорилось в документе, – *что установление прочного порядка в Царьграде важно главным образом для России, которой придётся в дальнейшем будущем управлять краем*"[24].

14(27) марта английский посол в Петрограде Бьюкенен вручил Сазонову меморандум, составленный им на основании инструкций из Лондона. В меморандуме подтверждалось согласие английского правительства на присоединение к России проливов, Константинополя и указанных территорий при условии, что война будет доведена до победного конца и что Великобритания и Франция осуществят свои пожелания за счёт Оттоманской империи и "*некоторых областей, лежащих вне её*"[25].

Весной 1916 г. председатель Совета министров Б. В. Штюрмер предложил Государю "*ныне же объявить России и Европе о состоявшемся договоре с нашими союзниками, Францией и Англией, об уступке России Константинополя, проливов и береговых полос. Впечатление, которое произведёт в России осуществление исторических заветов, будет огромное. Известие это может быть изложено в виде Правительственного сообщения*". Николай II *"осведомился относительно способов возможного выполнения оглашения уступки нам Константинополя и проливов. Я имел случай обменяться*

[23] Note russe. 6 mars 1915 // Documents Diplomatiques Français. Paris, 2002. T. 1. P. 397.

[24] О Главноуправляющем Царьграда // Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 418. Оп. 2. Д. 274. Л. 17–18.

[25] *Сазонов С. Д.* Воспоминания / С. Д. Сазонов. М. : Международные отношения, 1991.

мнением с послами великобританским и французским, которые не встречают к сему препятствий"[26].

После выдающихся побед русской армии на Кавказском фронте, взятия Эрзерума и Трапезунда, между Россией, Англией и Францией весной 1916 г. было достигнуто соглашение о разделе Азиатской Турции. В обмен на признание Россией создания независимого арабского государства под эгидой Англии и Франции, последние признали за ней территории, о чём британское правительство известило русского посла в Лондоне графа А. К. Бенкендорфа. В телеграмме Бенкендорфа Сазонову от 17(30) мая 1916 г. говорилось, что Англия согласна со следующими российскими притязаниями: "*1. Россия аннексирует область Эрзерума, Трапезунда, Вана, Битлиса, вплоть до пункта, подлежащего определению впоследствии, на побережье Чёрного моря, к западу от Трапезунда. 2. Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сортом, течением Тигра, Джезире – ибн Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мерге-вера, будет уступлена России*". На подлиннике телеграммы Николай II написал: "*Согласен, кроме 1-й ст. Если нашей армии удастся дойти до Синопа, то там и должна будет пройти наша граница*"[27].

В феврале-марте 1917 г., когда в Петрограде уже свирепствовал бунт, союзные правительства официально признали за Россией "*полную свободу в определении её западных границ*".

Таким образом, Николай II в ходе долгих переговоров добился от союзников признания ими за Россией важнейших геополитических территорий. Главной причиной, почему Англия и Франция были вынуждены признать за Россией эти территории, стали выдающиеся победы русского оружия в Галиции и на Кавказе, рост российского военного и экономического могущества, способность России успешно воевать фактически в одиночку на всех фронтах Великой войны.

---

[26] Отношение Б. В. Штюрмера Императору Николаю II. // ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. Л. 12–13.

[27] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 452–453.

На Западе пришло осознание того, что Россия способна успешно вести войну, а её экономика гораздо сильнее, чем об этом было принято считать. В правящих кругах Запада стала расти серьёзная озабоченность в связи с той ролью, какую Россия должна была играть в послевоенном устройстве мира.

"Серый кардинал" американского президента Вудро Вильсона Эдвард Мандел Хаус, более известный в истории, как "полковник Хаус", ещё 22 августа 1914 г. писал в Вашингтон: "*Если победят союзники, то это главным образом будет означать господство России на Европейском континенте. Если же победит Германия, это означало бы пришествие на целые поколения несказанной тирании милитаризма. Нам пришлось бы сойти с того пути, который Вы осветили для будущих поколений с постоянным миром как конечная цель и новым международным кодексом морали как путеводной звездой, и вместо этого создавать военную машину грандиозных размеров*"[28]. Будущее показало, что США вполне сумели сочетать "новую мораль" с "*военной машиной грандиозных размеров*". В этом письме весьма важно то, что Хаус и его единомышленники хорошо понимали, что в случае победы Антанты главной страной в Европе станет самодержавная Россия.

Отношение к России Хаус высказал достаточно откровенно, заметив, что "*остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделённая Европейская часть страны*"[29].

После февральского переворота, свержения монархии и прихода к власти большевиков были в корне изменены цели войны. Из Отечественной она сначала превратилась в войну "За свободу", а затем в "империалистическую".

"*Если бы Россия в 1917 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы ныне русскими губерниями. Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и София выполняли бы волю русских властей. В Константинополе на Босфоре*

[28] Э. Хаус – президенту В. Вильсону // Архив полковника Хауза : в 2 т. М., 1937. Т. 1. С. 83–84.

[29] *Уткин А. И.* Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск : Русич, 2000. С. 76.

и в Катарро на Адриатике развевались бы русские военные флаги"[30]. Так писал в 1934 г. венгерский канцлер граф Иштван Бетлен. Безусловно, это крайняя и устрашающая оценка, но она в определённой степени отражает то внешнеполитическое влияние, которое набирала Россия в первом десятилетии XX в. Собственно Бетлен образно обозначил несостоявшийся итог Второй Отечественной войны и Верховного Главнокомандующего Русской армии императора Николая II.

Массовый энтузиазм народа в 1914 г., стабилизация фронта в 1915 г., "чудо русского воскрешения" 1916 г., Луцкий прорыв, подготовка к Босфорской операции, наступательные планы 1917 г. – всё это могла совершать только императорская Россия во главе с царём. Проливать кровь, терпеть и страдать армия могла только во имя царя и Святой Руси. Во имя же господ из Временного правительства, во имя "свободной демократической России", во имя "доблестных союзников" – солдат умирать не собирался.

Л. П. Решетников точно определил итоги Второй Отечественной войны, которая закончилась в феврале-марте 1917 г.: "*Первую мировую войну Николай II не проиграл. Фронт в марте 1917 года проходил практически по границам будущего Советского Союза, русскими войсками была занята часть территории Австро-Венгрии и большая часть нынешней Турции, дошли вплоть до Трапезунда. Как можно говорить о том, что Государь проиграл войну, если враг не был допущен на территории исконной России? Его не изгоняли с русской земли. Ни немцы, ни австро-венгры, ни турки не стояли, ни под Москвой, ни на Волге. А Первую мировую войну проиграли большевики. Они разложили армию, бежали до Пскова и Ростова-на-Дону, подписали позорный Брестский мир. Россия оказалась не в числе победителей, а в числе проигравших*"[31].

Со свержением Монарха и уничтожением монархии, её характер меняется и она становится действительно войной за чужие интересы. Не случайно, что все послевоенные гарантии, которых Император Николай II с таким трудом добился для России от западных союзников, были отвергнуты Временным правительством,

---

[30] *Керсновский А. А.* Указ. соч. Т. 4. С. 326.

[31] *Решетников Л. П.* У нас другое предназначение: быть Русской Православной цивилизацией / Л. П. Решетников // Москва : журн. 2014. Октябрь.

а затем и большевистским режимом. Наступления "свободной" русской армии, не говоря уже о "Красной", кроме позора ничего не принесли, да и сама армия уже толком не воевала. Июльское наступление 1917 г. организованное Временным правительством закончилось полным провалом. Разагитированные русские части бежали, оставив в руках неприятеля 85 офицеров, 2900 нижних чинов, 10 единиц орудий.

12 июля вся Буковина и Червонная Русь оказались в руках неприятеля. Главнокомандующий генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов, тот самый, что 8 марта 1917 г. с красным бантом на груди арестовал Государыню и царских детей, писал: "*Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявшее чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражений, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования*"[32]. Ему вторил генерал А. И. Деникин: "*Фронт представлял зрелище небывалое. Он забыл все: и честь, и долг, и Родину, и горы трупов своих братьев, погибших бесцельно и бесполезно. Беспощадная рука вытравляла в душе русских солдат все моральные побуждения, заменяя единственным, доминирующим над всем, животным чувством – желанием сохранить свою жизнь*"[33].

Причины этого позора с беспощадной точностью обрисовал генерал барон П. Н. Врангель: "*С падением Царя пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающее его обязательства. При этом власть и эти обязательства не могли быть ничем заменены*"[34]. Такая война неминуемо должна была закончиться "похабным миром".

---

[32] *Иоффе Г. З.* Белое дело. Генерал Корнилов / Г. З. Иоффе. М. : Наука, 1989. С. 78.
[33] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. / А. И. Деникин. М. : Наука, 1991. Т. 1. С. 90.
[34] *Врангель П. Н.* Воспоминания / П. Н. Врангель. М. : Терра, 1992. Т. 1. С. 26.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Неопубликованные источники

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ), г. Москва

Ф. 102 ДП ОО 1905, № 12. Ч. 2.
Ф. 102 ДП ОО 1905. Д. 12.2(2).
Ф. 568. Оп. 1. Д. 37.
Ф. 568. Оп. 1. Д. 39.
Ф. 568. Оп. 1. Д. 45.
Ф. 568. Оп. 1. Д. 82.
Ф. 568. Оп. 1. Д. 83.
Ф. 568. Оп. 1. Д. 86.
Ф. 601. Оп. 1. Д. 117.
Ф. 601. Оп. 1. Д. 440.
Ф. 601. Оп. 1. Д. 440.
Ф. 601. Оп. 1. Д. 551.
Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(1).
Ф. 601. Оп. 1. Д. 755.
Ф. 601. Оп. 1. Д. 784.
Ф. 601. Оп.1. Д. 700
Ф. 601. Оп.1. Д. 710.
Ф. 627. Оп. 1. Д. 42.
Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328.
Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330.
Ф. 648. Оп. 1. Д. 70.
Ф. 660. Оп. 1. Д. 44.
Ф. 675. Оп. 1. Д. 56.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), г. Москва

Ф. 151. Оп. 482. Д. 157.
Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1897 г. Д. 42.
Ф. 133. Канцелярия министра. Д. 98.
Фонд Секретный архив, 1904 г. Д. 224/225.
Ф. 340. Оп. 835. Д. 43.
Ф. 133 Канцелярия министра. 1910. Д. 204.
Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2013. Л. 4–5.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), г. Москва

Ф. 1343. Оп. 8. Д. 33.
Ф. 165. Оп. 1. Д. 4945.
Ф. 2000. Оп. 1. Д. 564.
Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7255.
Ф. 2000. Оп. 1. Д. 86.
Ф. 2000. Оп. 1. Д. 912.
Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1829.
Ф. 401. Оп. 5. Д. 143.
Ф. 440. Оп. 1. Д. 209.

Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), г. Санкт-Петербург

Ф. 418. Оп. 2. Д. 274.

2. Опубликованные источники

Архив полковника Хауза : в 2 т. – М., 1937.

Басханов М. К., Колесников А. А. Накануне Первой мировой: русская военная разведка на турецком направлении. Документы, материалы, комментарии / Басханов М. К., Колесников А. А. – Тула : Гриф и К, 2014.

Большевистская фракция IV Государственной думы. – М. : ОГИЗ, 1938.

Военные соглашения России с иностранными государствами до войны. – М. : Военно-историческое общество, 1919.

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. / Гальдер Ф. – М. : Воениздат, 1968–1971.

Декреты Советской власти. Сборник документов. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институт истории АН СССР. – М., 1957. – Т. 1.

Дневник А. Н. Куропаткина. – Нижполиграф, 1923.

Дневники Императора Николая II (1894–1918) : в 3 т. / отв. ред. С. В. Мироненко. – М. : РОССПЭН, 2011. – Т. 1 : 1894–1904.

Красный архив. – М., 1933. – № 3 (58).

Красный архив. Исторический журнал. – М., 1940. – № 6 (103).

Красный архив. Исторический журнал. – М., 1924. – Т. 5 (5).

Красный архив. Исторический журнал. – М., 1924. – Т. 5.

Красный архив. Исторический журнал. – М., 1932. – № 3 (52).

Красный архив. Исторический журнал. – М., 1938. – Т. 6 (91).
Красный архив. Исторический журнал. – М. ; Пг., 1923. – Т. 3.
Красный архив. Исторический журнал. – М., 1934. – Т. 2 (63).
Красный архив. Исторический журнал. – М., 1922. – Т. 1.
Красный архив. Исторический журнал. – М., 1934. – Т. 3 (64).
Ленин В. И. Война и российская социал-демократия / Ленин В. И. // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. – М., 1973. – Т. 26.
Ленин В. И. О поражении своего правительства в империалистической войне / Ленин В. И. // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. – Т. 26.
Малые войны первой половины XX века. Балканы. – М. : АСТ ; СПб. : TerraFantastica, 2003.
Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX – начало XX века) // Проблемы востоковедения. – 1960. – № 1.
Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. – М., 1922.
Международные отношения : Сб. док. – М., 1940.
Мировые войны XX века. Кн. 2 : Первая мировая война. Документы и материалы. – М., 2002.
МОЭИ. Сер. 2 : 1900–1913. – М. ; Л. : ГИПЛ, 1938–1940. – Т. 19, ч. 1.
МОЭИ. Сер. 3 : 1914–1917. – М. ; Л. : ГИПЛ, 1933. – Т. 2.
Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. – М., 2007.
Письмо Императора Александра I княгине Софии Сергеевне Мещерской. 23 октября 1820 г. С предисловием Н. Барсукова // Русский архив. – 1886. – № 10–12.
Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. Документы. – М., 1999.
Сборник ГУГШ. – СПб., 1911. – Май. – Вып. XXIV.
Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М., 1952.
Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи / сост. Репников А. В., Рудая Е. Н., Иванов А. А. – М. : РОССПЭН, 2014.
Тихомиров Л. А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос / Л. А. Тихомиров ; ред. М. Б. Смолин. – М. : Лабиринт, 2003.
Шацилло В. Первая мировая война 1914–1918. Факты, документы / В. Шацилло. – М. : Олма-пресс, 2003.

3. Неопубликованные источники на иностранных языках

Ministère des Affaires étrangères – MAE, Paris (Архив министерства иностранных дел. Франция, Париж).

NS Russie. – Vol. 35. – F. 18.

12–15. NS. – Janvier 1902-novembre 1905. – Agent Barrère. 2. (microfilm).

Service historique de l'Armée de Terre – SHAT. Vincennes (Архив французской сухопутной армии. Франция, Венсен).

SHAT. 1K 666.

Archives Nationales – AN. Paris (Национальный Архив. Париж. Франция).

AN, 410/1AP, Fonds Combarieu.

AP 473/7 Fonds Loubet, Alliance Franco-Russe, Guerre russo-japonaise.

4. Опубликованные источники на иностранных языках

Barrère, Ambassadeur à Rome à T. Delcassé. 7/20 mai 1899 // DDF. 1-série. – T. XVI.

Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. – Berlin, 1924. – Bd. 6, 11, 14, 15, 19, 27, 31, 33, 50.

J.-J. Jusserand à T. Delcassé. Le 31 mars 1899 // Documents Diplomatiques Français (DDF). 1-série. – T. XVI.

Journal de M. Paléoloque du 1er février 1914 // Au Quai d'Orsay à la veille de la Tourmente : Journal. – 1913–1914. – P. 1947.

L. Montebello à T. Delcassé. 8 juillet 1900 // DDF. 1-ère série. T. XVI.

Les carnets de Georges Louis, ambassadeur de France en Russie. Paris, s/a. – 1908–1912. – T. 1.

Pièces Diplomatiques relatives aux antécédents de la Guerre 1914. Suppléments et additions au Livre Rouge Austro-Hongrois. Première partie du 28 juin au 23 juillet 1914. – Paris, 1922. – P. 1.

Rémarques de la délégation allemande au suget du rapport de la commission des gouvernements alliés et associés sur les ressponsabilités des auteurs de la guerre. – S/a.

The Serbian Blue Book // Documentary History of the War. – London, 1917. – Vol. II : Diplomatic. – Part 2.

Историјске свеске. – Андрићград, 2014. – 05. јануар. – Број 1.

5. Мемуарная литература

Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. Две книги в одном томе / великий князь Александр Михайлович. – М. : Захаров : Аст, 1999.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания : в 3 т. / О. Бисмарк. – М. : ОГИЗ-СОЦЭГИЗ, 1941.

Бок (Столыпина) М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине / М. П. Бок (Столыпина). – М., 1992.

Брусилов А. А. Мои воспоминания / А. А. Брусилов. – М. : Военное изд-во Народного комиссариата обороны, 1943.

Бюлов Б. Воспоминания / Б. Бюлов. – М. : Л., 1935.

Витте С. Ю. Воспоминания : в 3 т. / С. Ю. Витте. – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1960.

Воейков В. Н. С Царём и без Царя / Воейков В. Н., дворцовый комендант Государя Императора. – СПб. : Царское Дело, 1994.

Врангель П. Н. Воспоминания / барон П. Н. Врангель. – М. : Терра, 1992.

Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи / великий князь Гавриил Константинович. – Нью-Йорк, 1955.

Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю / А. А. Игнатьев. – М. : ОГИЗ, 1948.

Извольский А. П. Воспоминания / А. П. Извольский, бывший министр иностранных дел ; пер. с англ. А. Сперанского. – Пг. ; М. : Петроград, 1924.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары / А. Ф. Керенский. – М. : Республика, 1993.

Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 : в 2 т. / граф В. Н. Коковцов. – Париж : Изд. журн. "Иллюстрированная Россия", 1933.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 годов / Э. Людендорф ; под ред. А. Свечина. – М. : Государственное издательство, 1924.

Мосолов А. При дворе последнего Императора / генерал А. Мосолов. – СПб. : Наука, 1992.

Нольде Б. Э. Далёкое и близкое. Исторические очерки / Б. Э. Нольде. – Париж : Современные записки, 1930.

Палеолог М. Царская Россия в Первой Мировой войне / М. Палеолог. – М. : Международные отношения, 1991

Позднышев С. Д. Император Николай II и Великая война / С. Д. Позднышев // Помни правду. – Париж: Издание Союза ревнителей священной памяти императора Николая II, 1965.

Пронин В. М. Последние дни Царской Ставки / В. М. Пронин, генерального штаба полковник. – Белград, 1930.

Пурталес Г. Между миром и войной. Воспоминания бывшего германского посла в России / Г. Пурталес. – М. : Пг. : Государственное издательство, 1923.

Сазонов С. Д. Воспоминания / С. Д. Сазонов. – М. : Международные отношения, 1991.

Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. – М. : Книга, 1991.

Сухомлинов В. А. Воспоминания / В. А. Сухомлинов. – Минск : Харвест, 2005.

Тирпиц А. Воспоминания / А. Тирпиц. – М. : Воениздат, 1957.

Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии / Л. Троцкий. – М. : Вагриус, 2001.

6. Мемуарная литература на иностранных языках

Bülow B. von. Mémoires du chancelier Prince de Bülow / B. von. Bülow. – Paris : Plon, 1930. – T. 1–4 : 1897–1902.

Hötzendorf C. von. Aus meiner Dienstzeit. 1906–1918 / Conrad von Hötzendorf. – Wien, 1921. – Bd. 1–5.

Czernin O. Im Weltkriege / Ottokar Czernin. – Berlin ; Wien, 1919.

Nekludoff A. Diplomatic reminiscences before and during the World war, 1911–1917 / A. Nekludoff. – London, 1920.

M. Spalaikovitsh. Une journeé du ministre de Serbie à Petrograde // Revue d'histoire diplomatique. – 1934. – Avril-juin.

Малинов П. А. Странички от нашата нова политическа история / Александър П. Малинов. – София : Придворна печатница, 1938.

7. Монографии

Айрапетов О. В. Внешняя политика Российской империи (1801–1914) / О. В. Айрапетов. – М. : Издательство Европа, 2006.

Алферьев Е. Е. Император Николай II как человек сильной воли / Е. Е. Алферьев. – Нью-Йорк : Свято-Троицкий монастырь ; Джорданвилль, 1983.

Апрелева В. А. Государь Император Николай II в мировоззрении и деятельности русской военной эмиграции во Франции / В. А. Апрелева. – Гренобль ; Тюмень, 2011.

Астафьев И. И. Русско-германские дипломатические отношения. 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения) / И. И. Астафьев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972.

Баиов А. К. Истоки великой мировой драмы и её режиссёры / А. К. Баиов. – Таллин ; Ревель, 1927.

Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX века / Л. Г. Бескровный. – М. : Наука, 1986.

Бовыкин В. И. и др. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России : Очерки / В. И. Бовыкин и др. – М. : РОССПЭН, 2007.

Бовыкин В. И. Из истории возникновения Первой мировой войны. От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения / В. И. Бовыкин. – М., 1972.

Бовыкин В. И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. / В. И. Бовыкин. – М., 1960.

Бостунич Г. Масонство в своей сущности и проявлениях : в 2 ч. / Г. Бостунич. – Белград, 1928. – Ч. 1.

Брачев С. Масоны в России. От Петра I до наших дней / С. Брачев. – СПб. : Стомма, 2000.

Винберг Ф. В. Крестный путь / Ф. В. Винберг. – Мюнхен, 1922. – Ч. 1 : Корни зла.

Вулмасн С., Кинг К. Первая мировая. Убийство, развязавшее войну / С. Вулмасн, К. Кинг. – М. : АСТ, 2014.

Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы / Н. В. Греков. – М. : МОНФ, 2000.

Данилов О. Ю. Пролог "великой войны". 1904–1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт / О. Ю. Данилов. – М. : Поколение, 2010.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 г. / А. И. Деникин. – М. : Наука, 1991. – Т. 1.

Деникин А. И. Путь русского офицера / А. И. Деникин. – М., 1990.

Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале : в 2 т. / М. К. Дитерихс. – М. : Скифы, 1991.

Дурылин С. Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании / С. Дурылин. – М., 1915.

Елец Ю. Л. Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Н. С. Леонтьева / Ю. Л. Елец. – СПб., 1898.

Ефремов П. Н. Внешняя политика России (1907–1914) / П. Н. Ефремов. – М. : Изд-во Ин-та международных отношений, 1961.

За балканскими фронтами Первой мировой войны. – М. : Индрик, 2002.

Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Пороховой погреб Европы / А. Г. Задохин, А. Ю. Низовский. – М. : Вече, 2000.

Зайончковский А. М. Первая мировая война / А. М. Зайончковский. – СПб. : Полигон, 2002.

Иванов А. А. Правые в русском парламенте. От кризиса к краху / А. А. Иванов. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2013.

Игнатьев А. В. Внешняя политика России. 1907–1914 / А. В. Игнатьев. – М. : Наука, 2000.

Иголкин А. А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 годах / А. А. Иголкин. – М., 1999.

Иоффе Г. З. Белое дело. Генерал Корнилов / Г. З. Иоффе. – М. : Наука, 1989.

История Великой войны. – М. : Издание Товарищества Н. В. Васильева, 1915. – Т. 1.

История дипломатии : в 3 т. / под ред. акад. В. П. Потёмкина. – М. : ОГИЗ, 1945.

Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии / Фируз. Казем-Заде. – М. : Центрполиграф, 2004.

Керсновский А. А. История Русской армии : в 4 т. / А. А. Керсновский. – М. : Голос, 1994.

Комаровский Л. А. Гаагская мирная конференция 1899 года / граф, профессор Л. А. Комаровский. – М., 1905.

Лиддел-Гарт Г.-Б. Правда о Первой мировой / Г.-Б. Лиддел-Гарт. – М. : Яуза, 2009.

Лунёва Ю. В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны. (1907–1914) / Ю. В. Лунёва Ю. В. – М. : Квадрига, 2010.

Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн. Вильгельм II / Э. Людвиг. – М. : Московский рабочий, 1991.

Ляшенко Л. Александр II / Л. Ляшенко. – М. : Молодая гвардия, 2002. – (Серия ЖЗЛ).

Макдоно Д. Последний кайзер – Вильгельм Неистовый / Д. Макдоно. – М. : АСТ, 2004.

Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года) / С. П. Мельгунов. – Париж : Родина, 1931.

Менделеев Д. И. К самопознанию России / Д. И. Менделеев. – СПб. : Издание А. С. Суворина, 1907.

Мигулин П. П. Русский государственный кредит (1769–1906). Опыт историко-критического обзора / П. П. Мигулин. – Харьков, 1907.

Мультатули П. В. "Господь да благословит решение мое…". Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов / П. В. Мультатули. – М. : Форум, 2007.

Мультатули П. В. Внешняя политика Императора Николая II. 1894–1917. – М. : ФИВ : Рос. ин-т стратег. исслед., 2012.

Мэсси Р. Николай и Александра / Р. Мэсси. – М. : Дом, 1992.

Оггер Г. Магнаты. Начало биографии / Гюнтер Оггер. – М. : Прогресс, 1985.

Оль П. В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России / П. В. Оль. – Л., 1925.

Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II / С. С. Ольденбург. – СПб., 1991.

Остальцева А. Ф. Англо-русское соглашение 1907 года. Влияние русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав / Остальцева А. Ф. – Саратов : Издание Саратовского ун-та, 1977.

Первая мировая Война : в 2 т. – М. : Воениздат, 1974.

Первая мировая война. Историографические мифы и историческая память : в 3 кн. / под ред. д-ра ист. наук О. В. Петровской. – М. : Рос. ин-т стратег. исслед., 2014. – Кн. 3 : Вторая Отечественная война России. 1914–1917 / под ред. канд. ист. наук П. В. Мультатули.

Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье. В 1910–1918 гг. / Г. В. Пипия. – М. : Наука, 1978.

Писарев Ю. А. Великие державы накануне первой мировой войны / Ю. А. Писарев. – М. : Наука, 1985.

Писарев Ю. А. Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. / Ю. А. Писарев. – М. : Наука, 1990.

Подгорнова Н. П. Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916) / Н. П. Подгорнова. – М. : Ин-т Африки, 1999.

Романов Б. А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны (1895–1907) / Б. А. Романов. – М. ; Л. : Изд-во акад. наук СССР, 1947.

Русские масоны в эмиграции. – Париж, 1942.

Рыбаченок И. С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге / И. С. Рыбаченок. – М. : РОССПЭН, 2005.

Рыжов К. Все монархи мира. Западная Европа / К. Рыжов. – М., 1999.

Рябцев В. Н. "Нет пророка в своём отечестве", или "записка" П. Н. Дурново Николаю II как образец геополитического предвидения / В. Н. Рябцев. – Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2014.

Саттон Э. Уолл-Стрит и большевистская революция / Э. Саттон. – М. : Русская идея, 1998.

Сейерс М., Кан А. Тайная война против СССР / М. Сейерс, А. Кан. – М., 1947.

Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / А. Л. Сидоров. – М., 1973.

Скляренко В. и др. 50 знаменитых загадок истории XX века / Скляренко В. и др. – М. : Фолио, 2011.

Солженицын А. И. Двести лет вместе / А. И. Солженицын. – М., 2001.

Стрельцов Р. Россия, Царьград и Проливы / Р. Стрельцов. – СПб., 1915.

Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. / Е. В. Тарле. – М. ; Л., 1927.

Троцкий Л. Сочинения / Л. Троцкий. – М. ; Л., 1927. – Т. 9.

Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах / Г. Н. Трубецкой. – Монреаль, 1983.

Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооружённых сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (Историко-статистическое исследование) / Б. Ц. Урланис. – М. : Соцэкгиз, 1960.

Уткин А. И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне / А. И. Уткин. – Смоленск : Русич, 2000.

Уткин А. И. Первая Мировая война / А. И. Уткин. – М. : Алгоритм, 2001.

Федюшкин О. Несостоявшаяся Украинская держава. Планы германского Генерального штаба по аннексии Юга России / О. Федюшкин. – М. : Центрполиграф, 2014.

Фейгина Л. Бьоркское соглашение. Из истории русско-германских соглашений / Л. Фейгина. – М. : Издание М. и С. Сабашниковых, 1928.

Шацилло К. Ф. Россия перед Первой мировой войной / К. Ф. Шацилло. – М. : Наука, 1974.

Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры / А. Шиндлинг, В. Циглер. – Ростов н/Д. : Феникс, 1997.

Энгдаль У. Ф. Боги денег. Уолл-Стрит и смерть американского века / Уильям Ф. Энгдаль. – СПб., 2011.

8. Монографии на иностранных языках

Argueyrolles J. La tragique campagne de Prusse Orientale Le coup dés de Tannenberg / colonel J. Argueyrolles. – Paris, s/a.

Combarieu A. Sept ans à l'Elysée avec le président Loubet / Abel Combarieu. – Paris : Hachette, 1932.

Delbrück H. Krieg und Politik / H. Delbrück. – Berlin, 1918.
Fischer F. Les buts de Guerre de l'Allemagne Impériale, 1914–1918 / Fritz Fischer. – Paris : Edition de Trévise, 1970.
Hansen J. Ambassade à Paris du baron de Mohrenheim / Jules Hansen. – Paris, s/d.
Hartmann E. von. Russland in Europa / Eduard von Hartmann // Die Gegenwart. – 1888. – January 21.
Hitler A. Mein Kampf: Zwai Bände in einem Band. Zentralverlag der NSDAP / Hitler A. – München, 1944.
Hogenhuis-Seliverstroff A. L'alliance Franco-Russe / Anne Hogenhuis-Seliverstroff. – Paris, 1997.
Jesman C. The Russian in Ethiopia. An Essay in Futility / Czesław Jesman. – London : Chatto and Windus, 1957.
Kiszling R. Erzherzog Franz Ferdinand von Osterreich-Este / R. Kiszling. – Graz ; Köln, 1953.
Kurlov P. G. Das Ende des Russischen Kaisertums / P. G. Kurlov. – Berlin : A. Scherl, 1920.
Le Moal F. La Serbie, du martyre à la victoire 1914–1918 / Frédéric Le Moal. Éditions 14–18. – Paris, 2008.
Paléologue M. Guillaume II et Nicolas II / Maurice Paléologue. – Paris : Plon, 1935.
Pozzi H. Black hand over Europe / Henri Pozzi. – London, 1935.
Puchner U. Die völkische Bewegung im wilhelminischen Kaiserreich / Uwe Puchner. – Darmstadt : Sprache-Rasse-Religion, 2001.
Quigley C. The Anglo-American Establishment / Caroll Quigley. – New York, 1981.
Renouvin P. La crise Europénne (1904–1914) et la Grande Guerre / Pierre Renouvin. – Paris, 1939.
Winterschtetten K. von. Berlin-Bagdad. Neue Ziele mitteleuropäischer Politik / D-r. K. von Winterschtetten. – München, 1913.
Zorgbibe C. Delcassé. L'inconnu du Quai d'Orsay / Charles Zorgbibe. – Paris : Olbia Eds, 2001.
Дедијер В. Сарајево, 1914 / Владимир Дедијер. – Београд : Просвета, 1966.

9. Периодические издания

Le Figaro. – 1914. – 22 juillet. – № 204.
Вестник Европы. – 1914.
Маленькие Одесские новости. – 1914. – 20 июня.

Новое Время. – 1914. – 5 июля.
Одесские новости. – 1914. – 5 июня.
Русский вестник. – 1905. – Март. – № 3.
Русский инвалид. – 1914. – 12 июля. – № 151.

10. Статьи в научных сборниках и периодических изданиях

Богданович Б. Первые выстрелы Первой мировой / Бранко Богданович // Оружие. – 2012. – № 12.

Богданович Б. Пуля для Фердинанда / Бранко Богданович // Техника молодёжи. – 2013. – № 6.

Валентинов Н. Военные соглашения России с иностранными государствами до войны / Н. Валентинов // Русская армия в Великой войне: Военно-исторический сборник. – М., 1919. – Вып. 2.

Воронин В. Сараевское покушение / В. Воронин // Стратегия России. – 2012. – № 1.

Давидсон А. Б. Гумилёв в Абиссинии / А. Б. Давидсон // Новая и новейшая история. – 2001. – № 6.

Записка Дурново. Вступительная статья М. Павловича // Красная Новь. – 1922. – № 6.

Иванов (Скуратов) А. М. Это начиналось так. К 75-летию начала Первой мировой войны / А. М. Иванов (Скуратов) // Молодая гвардия. – 1989. – № 8.

Капустина Т. А. Николай I / Т. А. Капустина // Вопросы истории. – 1993. – № 11–12.

Лиманская Т. О. С. Д. Сазонов (министр иностранных дел 1910–1916 гг.) / Т. О. Лиманская // Дипломатический Вестник. – 2001. – Ноябрь.

Нигметзянов Т. И. Российско-германские отношения в правления императоров Николая II и Вильгельма II / Нигметзянов Т. И. // II-е Романовские чтения "Центр и провинция в системе российской государственности" : материалы конференции. Кострома, 26–27 марта 2009 г. / сост. и науч. ред. А. М. Белов, А. В. Новиков. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009.

Николаев Н. Ю. Германия и Гаагская мирная конференция 1899 / Николаев Н. Ю. // Вестник ВолГу. Сер. 4. – 2005. – Вып. 10.

Новый журнал. – М., 1995. – № 2.

Огенюс-Сильвестрофф А. Роль политических и военных деятелей в заключении франко-русского союза (Париж) / А. Огенюс-Сильвестрофф ; пер. Р. Е. Плаховой // Россия и Франция XVIII–XX века // La Russie et la France XVIII-ème-XX-ème siècles. – Moscou, 1998. – Vol. 2.

Остапенко Г. С. Наследники королевы Виктории и первые британские монархи XX века: Эдуард VII и Георг V. Конституционные полномочия и реальные права монархов XX в. / Остапенко Г. С. // Новая и новейшая история. – 1999. – № 6.

Петров Ю. А. Российская экономика в начале XX века / Ю. А. Петров // Гражданин. Периодический политический журнал. – 2003. – № 3.

Писарев Ю. А. "Наши дети будут ходить по Вене..." Сараевское убийство 28 июня 1914 г. и "Млада Босна" / Ю. А. Петров // Родина. – 1993. – № 8–9.

Решетников Л. П. Вступление России в Великую войну / Л. П. Решетников // Москва : журн. – 2013. – Июль.

Решетников Л. П. У нас другое предназначение: быть Русской Православной цивилизацией / Л. П. Решетников // Москва : журн. – 2014. – Октябрь.

Сахаров А. Н. Размышления о Русско-японской войне 1904–1905 гг. / А. Н. Сахаров // Вопросы истории. – 2007. – № 4.

Субботин В. А. Две кампании генерала Китченера / В. А. Субботин // Мир истории. – 1999. – № 7.

Тарле Е. В. Германская ориентация П. Н. Дурново / Е. В. Тарле // Былое. – 1922. – № 19.

Троян С. С. Немецкие проекты "Миттельевропы" конца XIX – начала XX в. / С. С. Троян // Известия ПГГУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27.

Туполев Б. М. Династия Гогенцоллернов / Б. М. Туполев // Новая и новейшая история. – 1991. – № 6.

Туполев Б. М. Происхождение Первой мировой войны / Б. М. Туполев // Новая и новейшая история. – 2002. – № 4.

Шелаев Ю. Б. Деятельность чрезвычайной комиссии по эвакуации и разгрузке Петрограда весной 1918 г. (по новым материалам) / Ю. Б. Шелаев // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1990. – № XX.

Шимов Я. В. Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по преобразованию Австро-Венгрии: утопия или нереализованная возможность? / Я. В. Шимов // Славяноведение. – 2010. – № 4.

11. Диссертационные исследования

Шилов С. П. Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия: 1897–1914 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / С. П. Шилов. – Тюмень, 2004.

12. Периодические издания на иностранных языках

Bradley J. F. N. France, Lenin and the Bolsheviks in 1917–1918 / J. F. N. Bradley // The English Historical Review. – 1971. – October. – Vol. 86, № 341.

Ferro M. Nicolas II. Une vision de l'empire et de la paix / Marc Ferro // Diplomatie. Affaires Stratégiques et relations internationales. – 2011. – Octobre-novembre. – № 5. (Géopolitique de la Russie).

Jefferson M. Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral, 27 and 29 September / M. Jefferson // The Slavonic and East European Review. – 1960. – December. – Vol. 39, № 92.

Милорадовић Г др. Концентрациони логори (Историја феномена масовне изолације) / Горан Милорадовић др. // Андрићев институт. Историјские свеске. – Андрићевград, 2014. – 15 март.

13. Справочная литература

Quid 1992. – Paris, 1991.

Политическая наука : Словарь-справочник / сост. д-р. полит. наук, проф. И. И. Санжаревский. – Тамбов, 2014.

Россия и Восток : учебное пособие. – СПб. : Изд-во СПГУ, 2000.

14. Интерактивные материалы

Милетич В. Как был подписан советско-югославский договор в 1941 году / Вукадин Милетич // Новая свобода. URL: http://www.svobodanew.com (дата обращения: 10.09.2014).

Поповкин А. Неославистское движение / Поповкин А. // Русская народная линия : интернет-сайт. – 2012. – 27 августа. URL: http://ruskline.ru/analitika/2012/08/27/neoslavistskoe_dvizhenie (дата обращения: 10.09.2014).

Сергеев Е. Ю. Образ Германии в представлениях военной элиты России накануне Первой мировой войны / Е. Ю. Сергеев // Рабочая группа исследователей новейшей истории Германии и России : интернет-сайт. URL: http://rusgermhist.narod.ru (дата обращения: 10.09.2014).

Холмогоров Е. Разница между конфликтом Первой мировой и украинским кризисом / Е. Холмогоров // Русский обозреватель : интернет-сайт. URL: http://www.rus-obr.ru/lj/32187 (дата обращения: 10.09.2014).

Уважаемые читатели!

Вы можете подписаться на журнал
"Проблемы национальной стратегии"

Подписка осуществляется всеми отделениями связи

Индекс журнала в каталоге агентства "Роспечать" – **46145**,
в каталоге "Почта России" Межрегионального агентства подписки – **35625**

Приобрести журнал, а также другие издания РИСИ можно
по адресу: г. Москва, ул. Флотская, д. 15Б

Телефоны для справок: **8 (499) 747-93-38** (Книжная лавка)
8 (499) 747-93-35

Сайт в Интернете: **http://www.riss.ru**

Адрес эл. почты: **journal@riss.ru**

Мультатули Пётр Валентинович

"Дай Бог, только не втянуться в войну!"
Император Николай II и предвоенный кризис 1914 года.
Факты против мифов

Технический редактор *Ж. В. Логунова*
Корректор *И. А. Кондратович*
Компьютерная вёрстка *Г. И. Бабанова*
Художественное оформление *Е. А. Струкова*

Сдано в набор 06.05.2014. Подписано в печать 18.12.2014.
Формат 60×84/16. Бумага офисная. Гарнитура "Minion Pro".
Цифровая печать. Уч.-изд. л. 13. Физ. печ. л. 63.
Тираж 1000 экз. Заказ № 30/14.
Оригинал-макет подготовлен федеральным государственным научным бюджетным учреждением "Российский институт стратегических исследований".
Отпечатано в типографии РИСИ.
125413, г. Москва, ул. Флотская, д. 15Б.